

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 2 (105) / 2020

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Баханович А. С.</i> Когнитивное моделирование иронической тональности в рамках художественного дискурса.....	7
<i>Егоров Н. В.</i> Эмотивная лексика в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках.....	14
<i>Лю Пэн.</i> Концептуализация пространства с помощью <i>shang</i> ‘верх’ в китайском языке.....	23
<i>Степанова О. И.</i> Ономаσιологическая категория предметности как основа вербализации понятия (на материале нетерминологических нозологических наименований русского языка).....	33
<i>Цуна А. И.</i> Причины усложнения диалогического единства в русском разговорном диалоге.....	40
<i>Чернецкий А. Р.</i> Речевые тактики оскорбления в предконфликтных коммуникативных ситуациях: сопоставительный аспект (на материале французского и белорусского языков).....	47
<i>Чэнь Тин.</i> Сопоставительный анализ сочетаемости английского существительного <i>stone</i> ‘камень’ и его китайского коррелята 石 [shi].....	54
<i>Шеваринова О. В.</i> Антропонимные модели именования в художественных произведениях В. П. Астафьева и Г. Бёлля: социопрагматический аспект.....	65
<i>Шевцова А. К.</i> Типология и роль сравнительных конструкций в детском теледискурсе на белорусском и английском языках.....	72

Романское и германское языкознание

<i>Воробей А. Н.</i> Структура и семантика бахуврихи в американском сленге.....	79
<i>Сысоева Т. А.</i> Маркеры субъективной модальности в аналитической статье и комментариях к ней.....	85
<i>Чударь А. Н.</i> Структурно-семантические и функциональные особенности аналитических диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском.....	92

Исследования славянских языков

<i>Бранавец П. С.</i> Семантычная прастора дэрыватаў праславянскага караня *lik- у беларускай і чэшскай мовах	100
<i>Крючкова А. Е.</i> Прецедентныя феномены в заголовках статей беларускіх сродстваў масавай інфармацыі	106
<i>Лукина О. А.</i> Структурна-семантычнае своеабразіе найменаванняў праваславных манастыроў Беларусі	112
<i>Чжан Аньцзі.</i> Функцыянаванне рускага інтэрнэт-сленга: корпуснае даследаванне	118

Літаратураведенне

<i>Каішкан Т. А.</i> Спецыфіка гіпертэкста в мастацкай літаратуры (на прымеры романа Дж. С. Фоера «Дерево кодов»).....	128
<i>Скоропадская А. А.</i> Фонографічная стылізацыя рэчы нерускіх персанажаў в раннім творчэстве І. С. Шмелева (на прымеры расказаў «Гассан і яго Джеддзі» і «На морскім берагу»).....	133

Абзоры і рэцэнзіі

<i>Руденка Е. Н., Кожынова А. А.</i> Рэцэнзія на кнігу Эвы Масловскай «Іной свет в польскім фальклоры. Когнітыўна-лінгвістычная перспектыва»	139
--	-----

Памяці...

<i>Паўлоўская Н. Ю.</i> Сусветы Пятра Васючэнка	142
<i>Наши автары</i>	146

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Bakhanovich A. S.</i> Cognitive Modeling of Implementing Ironic Tonality in Artistic Discourse.....	7
<i>Yahorau M. V.</i> Emotive Lexis in Popular Science Discourse in English and Belarusian.....	14
<i>Liu Peng.</i> Conceptualization of Space with the Help of 上 Shàng ‘Top’ in Chinese Language	23
<i>Stepanova O. I.</i> Onomasiological Category of Substantivity as the Basis for Verbalization in the Concept (based on the material of non-terminological nosological names in the Russian language)	33
<i>Tsupa H. I.</i> Reasons for the Complication of a Dialogic Unity in the Russian Colloquial Dialogue	40
<i>Chernetski A. R.</i> Speech Tactics of Insult in Pre-conflict Communicative Situations: Comparative Aspect.....	47
<i>Chen Ting.</i> Contrastive Word-combinability Analysis of the Noun <i>stone</i> in English and its Corresponding Word 石 [shi] in Chinese	54
<i>Sheverinova O. V.</i> Anthroponymic Naming Models in V. P. Astafyev’s and H. Böll’s Fictional Works : Sociopragmatic Aspect.....	65
<i>Shevtsova A. K.</i> Typology and Role of Comparative Constructions in Children’s TV Discourse in Belarusian and English.....	72

Romance and Germanic Linguistics

<i>Vorobei A. N.</i> The Structure and Semantics of Bahuvrihi in American Slang.....	79
<i>Sysoyeva T. A.</i> Subjective Modality Markers in Opinion Articles and Readers’ Comments.....	85
<i>Chudar A. N.</i> Structural, Semantic and Functional Characteristics of Analytical Diminutives in Australian, New Zealand and South African English.....	92

Slavonic Languages

<i>Branavets P. S.</i> Semantic Space of the Proto-Slavic Root *lik- Derivatives in Belarusian and Czech	100
<i>Kruchkova H. E.</i> Intertextual Elements in the Headlines of Articles in Belarusian Media.....	106
<i>Lukina O. A.</i> Structural and Semantic Peculiarities of Names of Orthodox Monasteries in Belarus	112
<i>Zhang Anqi.</i> Functioning of Russian Internet Slang: a Case Study	118

Studies in Literature

<i>Kashkan T. A.</i> Specific Features of Hypertext in Fiction (Illustrated with “Tree of Codes” by Jonathan Safran Foer)	128
<i>Skoropadskaya A. A.</i> Phonographic Stylization of the Speech of Non-Russian Characters in the Early Works of I. Shmelev (on the Example of the Stories <i>Hassan and his Jeddi</i> and <i>On the Seashore</i>)	133

Reviews

<i>Rudenko E. N., Kozhinova, A. A.</i> Book Review Ewa Masłowska. Mediating the Otherworld in Polish Folklore. A Cognitive Linguistic Perspective. Berlin: Peter Lang, 2020	139
---	-----

In Memory of...

<i>Paulouskaya, N. Yu.</i> Piatro Vasiuchenka’s Worlds	142
<i>Our authors</i>	146

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. С. Баханович

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИРОНИЧЕСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ В РАМКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В статье анализируются способы манифестации иронического содержания в типологически различных языках – белорусском и английском. Выявляются когнитивные модели и механизмы их воплощения для реализации иронической тональности. Описывается структура формирования наиболее продуктивных когнитивных моделей: логическая, ассоциативная, маскировочная, культурологическая и жанрово-стилистическая.

Ироническое высказывание – пример не прямой, содержательно осложненной коммуникации, которая требует дополнительных декодирующих усилий со стороны адресата-интерпретатора. Когнитивная и коммуникативная функции языка находятся во взаимосвязи с интерпретацией дискурса, которая реализуется через субъективированное восприятие действительности и может быть упорядочена и представлена в виде когнитивных моделей понимания иронического смысла.

В художественном дискурсе ирония является одним из ключевых средств выражения оценочного значения. Под художественным дискурсом понимается коммуникативный акт, сообщение, которое передает предметно-логическую, эстетическую, образную, эмоциональную и оценочную информацию, а также обладает особой креативной внутритекстовой действительностью, поскольку видение реальности преломляется через авторское воображение и индивидуальное восприятие. *Иронический дискурс* представляет собой девиантный вариант нейтрального дискурса, что подтверждается противоречивостью логики когнитивной схемы, формирующей комический эффект.

Ирония начинает доминировать в современном социокультурном пространстве, создавая модель взаимодействия в форме гипертрофированного нарратива юмора и стеба, шутки с элементами иронии и сарказма. В диалогах (вопросах, ответах, адресованных собеседнику или целой аудитории) все чаще фигурирует, проговаривается ироничный, шутливый нарратив, облекающий в насмешливые формы скрываемую истину или приоткрывая ее.

Понятие иронии имеет множество трактовок, поэтому необходимо разграничить иронию как стилистический прием-троп и ироническую тональность.

Обобщая определения иронии (Т. Ф. Лимарёва, А. В. Сергиенко, О. Г. Петрова, О. П. Ермакова, Д. Мюкке, С. Аттардо, Л. Хатчеон), мы пришли к выводу, что это средство реализации субъективно-оценочной модальности, а также

сложная лингвистическая и эстетическая категория, основанная на контрасте отрицательного явления и его притворного положительного образа. Сама возможность позитивной оценки впоследствии доводится до абсурда, чтобы осмеять и дискредитировать описываемое явление.

С учетом определений тональности, предложенных авторитетными лингвистами (Т. В. Матвеева, В. Н. Телия, В. И. Карасик, Т. О. Багдасарян, С. Е. Тупикова, В. В. Чалагаева), было установлено, что тональность – это способ представления информации адресантом, модусная категория, служащая экспликации эмоционально-оценочной информации в дискурсе. Интерпретирующий характер модусных категорий подчеркивает их особую природу как форм отражения человеческого сознания, наличие разъяснительной функции, проявление индивидуального опыта, знания, оценок [1, с. 16].

По утверждению С. Е. Тупиковой, ироническая тональность базируется на скрытом комизме, вызванном неожиданным сопоставлением, нарушением логических связей, а также тесно связана с контекстом, влияет на процесс интерпретации и зависит от коммуникативной ситуации [2, с. 405]. В тональности реализуются такие свойства интерпретации, как субъективность, опора на коллективные схемы знаний, а также объективация через различные когнитивные модели [2, с. 406–407; 3, с. 86].

Моделью является любой материальный или идеальный объект, способный заменить какой-либо из компонентов исследовательской деятельности как свой оригинал (методику, концепт, метод или объект исследования) [4, с. 197]. Когнитивную модель мы дефинируем как базовую конструкцию, имеющую теоретико-формальный характер и отражающую взаимосвязь компонентов когнитивной структуры в процессе речевой деятельности.

Из произведений современных писателей (Алена Брава, «Садомская яблыня», «Імя ценю – святло»; Сяргей Давідовіч, «Развод па-славянску» (общим объемом 1 054 с.); Helen Fielding, «Bridget Jones: The Edge of Reason», «Bridget Jones: Mad About the Boy»; Stephen Fry, «The hippopotamus» (общим объемом 1 250 с.)) со схожим социальным статусом, для авторского стиля которых характерно употребление иронии были отобраны, 92 фрагмента, которые имеют ироническую тональность. Основываясь на классификациях С. Е. Тупиковой, Н. Б. Руженцевой и С. Н. Балашова, а также с учетом анализа извлеченных примеров, мы определили следующие наиболее эффективные когнитивные (речемыслительные) модели и механизмы их воплощения для реализации иронической тональности в художественных произведениях.

Рассмотрим представленные модели более детально. В рамках **логической когнитивной модели** (39,1 %), объединяющей принципы нарушения закономерности сочетания, ироническая тональность может реализоваться посредством *абсурда*. Заведомо абсурдная информация нарушает максимум качества информации Грайса, что является одним из принципов создания иронической образности. Логические рассуждения героев идут вразрез с социальными ценностями, моральными нормами, здравым смыслом (1).

Ирония в речевом поведении Бриджит – средство оценивания и критики, при помощи которого она гипотетически воссоздает комичный исход неприятной для себя ситуации, встречи с предполагаемой любовницей Марка, тем самым смягчая степень ее значимости (2):

(1) *У гарэлыцы вялікая ратавальная моц для смяртэльна хворага мужа;*

(2) *“Thanks,” I said gratefully, then stumbled back to the flat wondering if I could turn Rebecca into a buffalo and set her on fire without creating enough smoke to alert Scotland Yard* ‘– Спасибо, – поблагодарила я его и неровным шагом пошла к дому, раздумывая, как бы мне превратить Ребекку в буйвола и поджечь, но так, чтобы дыма было не слишком много и Скотленд-Ярд не переполошился’ (здесь и далее перевод наш. – А. Б.).

В следующем высказывании ироничная тональность передается за счет нарушающего границы правдоподобия *гротескного сравнения*. Инга рассуждает над тем, что уловить суть «глубоких» рассуждений ее шефа (что является антифразисом) так же сложно, как ловить паразитов на шкуре животного (1). Бриджит соотносит себя с духовным лидером тибетского буддизма Далай-ламой, проводя параллель между его одеянием и платьями бюджетных брендов для среднестатистической матери двоих детей (2):

(1) *Раблю выгляд, што канспектую глыбокія думкі шэфа. Збярыся я насамрэч іх запісаць, гэта было б, як лавіць блох на сабаку, які знаходзіцца ў буйнай фазе шаленства;*

(2) *Maybe it is all right to wear navy silk dress all the time in the manner of Dalai Lama and his robes. If I could find it. Presumably, Dalai Lama has several sets of robes, or on-call drycleaner, and does not leave robes in bottom of wardrobe full of outfits he bought but does not wear from Topshop, Oasis, ASOS, Zara, etc.* ‘Можно, наверное, везде носить одно и то же темно-синее шелковое платье. Вот, например, Далай-лама постоянно носит одну и ту же накидку, значит, и я могу носить это платье... если, разумеется, сумею его найти. К тому же не исключено, что у Далай-ламы есть несколько одинаковых накидок, а может быть, к нему приставлен специальный монах-прачка, поэтому у него нет никакой необходимости оставлять свою накидку зен на дне платяного шкафа, погребенной под ворохом нарядов, купленных в Topshop, Oasis, ASOS, Zara, которые он не носит’.

Использование намеренных алогизмов, умышленного нарушения логических связей с целью подчеркнуть внутреннюю противоречивость положений находит отражение в исследуемых текстах: женщине бальзаковского возраста, по утверждению, остается ждать лишь сектанта, а не спутника жизни (1); говорящего беспокоит повышение уровня нравственности (2):

(1) *У такім узросце жанчыне чакаць няма каго. Ну, хіба каго-небудзь з тых вар’ятаў, з сектанцкімі часонісамі;*

(2) *There has been a relentless and disturbing rise in moral standards over the years. It worries me* ‘Вот уже многие годы в нашей стране отмечается неуклонное, крайне огорчительное повышение моральных норм. Меня это очень тревожит’.

Отступление от норм причинно-следственной связи и целевых отношений создается при помощи подчинительных союзов: изъяснительного союза *каб* 'чтобы', причинного союза *бо* 'так как' и союза цели *in order to* 'чтобы'. Наблюдается умышленное нарушение автором смысловых отношений в сложноподчиненном предложении для придания контексту оттенка ироничности, например, ситуации, в которой телеведущая красноречиво описывает свою должность при отборе участников «конкурса позитива» (1); в англоязычном дискурсе для описания парадоксального способа похудеть (2):

(1) *Генератар надсправаздачнага аптымізму, гейзер цыркулярнай радасці, ветлівая адзінка штатнага раскладу, пасаджаная тут, каб атрымліваць пляўкі ў твар, – гэта я і ёсць;*

(2) *Sometimes you have to sink to a nadir of toxic fat envelopment in order to emerge from the chemical wasteland as a purged and beautiful* 'Иногда необходимо дойти до крайней, токсической степени ожирения, чтобы затем возродиться из пепла, очищенной, со стройной фигурой'.

Противоречие вывода исходным сведениям наблюдается в романе «Садомская яблыня», в котором героиня иронично обыгрывает неприятный для себя момент (недостаточное финансирование молодых специалистов) за счет восторженной, преувеличенной похвалы в адрес должностных лиц и нелицеприятного вывода в конце, противоречащего предшествующим дифирамбам (1). Алогичное предположение, что целевая аудитория будет рада тому, что интересующий их продукт перестанут выпускать, присутствует и в англоязычном фрагменте (2):

(1) *Але тыя, хто маштабна і канструктыўна, з бацькоўскім клопатам, у поце чала свайго, з верай у светлае будучае, дзённа і ночна, з вялікай прыроднай мудрасцю, стратэгічна і тактычна... ухх, тыя самавітыя мужчыны, рэктары-міністры-дэпутаты, што клапоцяцца пра нас, «дарагіх сваіх выпускнікоў», не прадугледзелі для майго дыплама адной дробязі – магчымасці на яго пражыць;*

(2) *When I bought Newslime Papers Ltd, I called a conference of interested parties to see whether we should stop showing naked women in the pages of our tabloids. Interested parties being bricklayers and spotty teenagers, no doubt* 'Когда я купил «Ньюслайн», я собрал совещание всех заинтересованных сторон, чтобы поговорить о том, не можем ли мы перестать печатать фотографии голых женщин на страницах наших таблоидов. Заинтересованными сторонами были, несомненно, бульдозеристы и прыщавые юнцы'.

Пример **ассоциативной когнитивной модели** (29,4 %), основанной на *ассоциативной координации*, иллюстрируется сходством фальшиво-серьезного выражения на лице сотрудницы телеканала и лица искаженного болезненной гримасой (1), а также приравниванием приглашенных на вечеринку гостей к известным историческим личностям и литературному персонажу, прославленным благодаря своей жестокости и набору нелицеприятных черт (2):

(1) *Захоўваю на твары маску аптымістычнай дзелавітасці, якую пабочны назіральнік прыняў бы за вынік анестэзіі стаматалагічнай прыроды;*

(2) *All sorts of lovely, lovely people are coming! I've got Louise Barton-Foster, Woney and Cosmo... Snow White's stepmother, Fred and Rosemary West and Caligula, I thought she might go on* 'Столько замечательных людей будет! Луиза Бартон-Фостер, Винни с Космо... мачеха Белоснежки, Фред и Розмари Уэст¹ и Калигула, хотелось добавить мне.

Аллюзия во втором примере функционирует как средство расширенного переноса свойств и качеств известных персонажей на свойства и качества объектов, о которых идет речь в данном высказывании. Комичность подобного ассоциативного ряда состоит в том, что организатором вечеринки является секретарь и предполагаемая любовница возлюбленного героини, поэтому черты упомянутых гостей были явно искажены.

Маскировочная модель (16,3 %) находит отражение в форме *критической оценки под видом одобрения* посредством использования положительно окрашенных лексических единиц в видоизмененном значении. Продюценты иронии подбирают «правильную», с их точки зрения, тактику для оформления иронической интенции. Инга, с присущей долей комизма и сарказма, описывает желающих поучаствовать в «конкурсе позитива», которые никак не ассоциируются с названием мероприятия. Графическим сигналом критического отношения являются взятые в кавычки слова *духоўнасць, мемуары*, а также *лякарства*, выделенного курсивом, которые включаются в текст не в обычном значении, а используются в ироническом смысле (1). На реальное отношение Бриджит к Ребекке также указывают графические сигналы: выражение *perfectly pleasant* 'вполне приятна', взятое в кавычки, авторский комментарий в скобках *cow* 'корова', в сочетании с нарочито благоприятным настроением Бридж, что сигнализирует о наличии иронической тональности (2):

(1) *Для гэтага прыдуманы «конкурс пазітыву». Адстаўнікі, якія адточваюць набытыя на палігонах навукі ў побытавых скандалах, заклікаюць мяне абудзіць у сабе «духоўнасць»; паэткі, у чыіх торбах набразгваюць бутлі з лякарствам для каханага, дэкламуюць вершы, дзе «свечы» абавязкова рыфмуюцца з «плячамі»; ветэраны КПСС, эксгумаваныя кіраўніцтвам з невядомымі мэтамі, цягнуць мне свае «мемуары»;*

(2) *Am just so happy. Do not feel angry with Rebecca but generous and accepting. She is “perfectly pleasant” (cow)* 'Я так счастлива. У меня нет злобы к Ребекке, я великодушна и все прощаю. Она «вполне приятна» (корова)'

Культурологическая модель (8,7 %) требует от интерпретатора определенной осведомленности, например, о системе социального страхования Seguridad или аббревиатуре КГБ, для успешного декодирования образного сравнения с оттенком комизма в романе «Імя ценю – святло» (1). Продюцент иронии, Бриджит Джонс, ссылается на созвучность имени Николетт и препарата для лечения никотиновой зависимости в форме

¹ Фред и Розмари Уэст – двое из самых «плодовитых» серийных убийц в британской истории, ими убито по меньшей мере десять молодых женщин с 1973 по 1987.

жевательных резинок – «Никоретте» (международное название «Nicorette»). При этом марка продукта адресантом не сообщается, соответственно адресат должен обладать фоновыми знаниями, чтобы распознать основанный на использовании сходно звучащих, но различных по значению лексем имплицитно созданный каламбур (2):

(1) *Менавіта Ліда наш ценявы консул у Сант'яга-дэ-Куба; аб кожнай з нас яна ведае больш, чым КДБ і мясцовая Сегурідад;*

(2) *Arrived at Billy's Junior Branch to see Perfect Nicolette, the Class Mother (perfect house, perfect husband, perfect children; only slight imperfection being name, presumably chosen by parents before invention of popular smoking substitute)* 'Первой, кого я увидела возле корпуса начальной школы, была лучшая из мамочек, Безупречная Николетт (безупречный дом, безупречный муж, безупречные дети; единственной ложкой дегтя было имя, выбранное родителями, по-видимому, задолго по появления популярного пластыря и резинки от табачной зависимости)'

Жанрово-стилистическая модель (6,5 %) может быть продемонстрирована посредством смешения стилей речи (стилистического диссонанса). В приведенном фрагменте выявлена нетривиальная лексическая сочетаемость историзма *сеньёр*, завышающего общий стилевой фон, и сниженной лексики: *імбецыл* (устаревшее, так как оно вышло за медицинские рамки и носит негативный социальный оттенок, относится к бранной лексике); *малалеткамi* (разговорное); *дзявуля* (просторечие). Окказионализм *алімоньваецца* также можно рассматривать как один из сигналов иронической тональности:

Калі маеш дакучлівую ідэю, каб мужчынскія нагавіцы ў шафе віселі, падрыхтуйся абражаць свой слых імбецыльнай лагарэяй. Да таго ж, мясцовыя сеньёры ўвіваюцца за малалеткамi, узяць хаця б Ярыка, які атрымлівае асалоду з дзявуляй, маладзейшай за ягоную дачку. Кабеты за соракаў паніцы амалоджваюцца: садысікія дыеты, штаны ў абліпку, маркоўны колер валасоў алімоньваецца з хуткасцю светлафора.

Бриджит Джонс сильно озадачена, написанием отказа на приглашение на свадьбу родителей Марка, который имеет высокомерную манеру изъяснения. На официальный стиль письма указывает наличие сложных грамматических оборотов *more certainly than ever* 'больше, чем когда-либо'; *be unable to accept Mr Mark Darcy's kind* 'никоим образом не сможет принять любезное приглашение мистера Дарси', литературный стиль лексики *with great regret that we must announce* 'с невероятным сожалением вынуждены сообщить', за исключением выражения *topped herself* 'откинула копыта', что является намеренным снижением стилевого фона. Бриджит пытается пародировать Марка Дарси и его высокомерную манеру изъясняться:

"Devastated does not do justice to the feelings of Miss Bridget Jones..." '«Трудно выразить словами всю глубину сожаления мисс Бриджит Джонс...»';

"It is with great regret that we must announce that so great was Miss Jones's distress at not being able to accept the kind invitation of Mr. Mark Darcy that she has topped herself and will therefore, more certainly than ever, now, be unable

to accept Mr. Mark Darcy's kind...” «С невероятным сожалением вынуждены сообщить, что горе мисс Бриджит Джонс по поводу невозможности принять любезное приглашение мистера Марка Дарси было настолько велико, что она откинула копыта и теперь, следовательно, никоим образом не сможет принять...»’.

Проведенный анализ фактического материала позволил заключить, что ироническая тональность в художественном дискурсе на белорусском и английском языках передается при помощи следующих когнитивных моделей и семантических, структурных, стилистических, прагматических способов их организации (таблица).

Когнитивные модели и способы организации иронической тональности в художественном дискурсе

Когнитивная модель	Кол-во	%	Способы организации
Логическая	36	39,1	Абсурдизация высказывания; гротескное сравнение; намеренные алогизмы: отступление от норм причинно-следственной связи и целевых отношений, противоречие вывода исходным сведениям
Ассоциативная	27	29,4	Ассоциативная координация с критически оцениваемым объектом, ассоциативный контраст
Маскировочная	15	16,3	Критическая оценка под видом одобрения
Культурологическая	8	8,7	Объективация фоновых знаний, актуализация культурной осведомленности
Жанрово-стилистическая	6	6,5	Смещение стилей речи (стилистический диссонанс)

Наиболее употребительными моделями иронической тональности являются логические и ассоциативные, имеющие вариативные структуры воплощения, менее частотными – маскировочные, культурологические и жанрово-стилистические. Средства обнаружения и интерпретации тональности требуют широкого контекста, основанного на контрасте эксплицитного и имплицитного смыслов. Установлено, что ироническая тональность не реализуется за счет тропов, но они могут послужить интенсификаторами иронической образности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

2. *Тупикова, С. Е.* Когнитивные модели некоторых видов тональности англо- и франкоязычного медиадискурса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 404–407.

3. *Руженцева, Н. Б.* Когнитивные модели как средство достижения иронического эхо-эффекта в разных формах дискурса: освещение украинских политических событий / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 82–89.

4. *Мельников, Г. П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г. П. Мельников ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 2003. – 393 с.

The article analyzes the phenomenon of ironic tonality in Belarusian and English-language artistic discourse. Groups of cognitive models of ironic tonality were distinguished and systematized. It has been established that the formation of ironic tonality is objectified through logical, genre-stylistic, associative, concealment and cultural models.

Поступила в редакцию 27.02.2020

Н. В. Егоров

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье устанавливаются семантические классы эмотивных лексических единиц, функционирующих в американском и белорусском научно-популярном дискурсе, определяется их частотность, выявляются сходства и различия в употребительности в дискурсе на двух языках. Выделены два основных класса эмотивов: состояния (радость, волнение, спокойствие, удивление, страх) и отношения (интерес, уважение). В количественном плане эмотивные единицы, выражающие положительные эмоции, преобладают в дискурсе на сопоставляемых языках. Сходства в употреблении эмотивной лексики выделенных групп в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках объясняются основной коммуникативной целью данного типа дискурса – популяризацией новых результатов научных исследований; некоторые расхождения обусловлены приоритетами в тематическом содержании дискурса в двух лингвокультурах.

Современное развитие лингвистических исследований характеризуется пристальным вниманием к пронизывающей весь язык субъективности, т.е. антропоцентрическому фактору. Человек, являясь центральной фигурой языка и главным действующим лицом мира, о котором он говорит [1, с. 5], в процессе речевой деятельности формирует эмоциональное отношение к своему окружению. Как отмечает В. И. Шаховский, человек «является Homo sentience, так как люди в своем общении не могут обойтись без эмоций» [2, с. 384]. Любой человек в процессе своей жизнедеятельности отталкивается от накапливаемого эмоционального опыта (эмоциональности), который во многом определяет его дальнейшее бытие. В таком случае уместно предположить, что в человеке все движимо эмоциями, что составляет мотивационную основу его деятельности [3, с. 208] и, как следствие, находят свое отражение в самом языке.

Антропоцентрический подход predetermined повышенный интерес лингвистов к вопросу эмоций и средствам их вербализации. В лингвистических трудах можно встретить различные определения эмоциональности. Например, Е. П. Ильин относит ее к индивидуально-устойчивым свойствам человека, характеризующим содержание, качество и динамику его эмоций и чувств [4, с. 234–235]. Со временем возникла необходимость «чётко разграничивать два подхода к определению категории эмоциональности: психологический и лингвистический, т.е. понимание эмоциональности как свойства субъекта или как свойства языкового знака» [5, с. 13–14]. Лингвистами был введен термин эмотивности как языковой категории в противовес эмоциональности как собственно психологической. По утверждению В. И. Шаховского, на языковом уровне эмоции преобразуются в эмотивность, поэтому эмоциональность – психологическая категория, а эмотивность – языковая. Эмоциональность отражает психическое состояние человека, в то время как эмотивность – это вербальное выражение эмоций говорящего [6, с. 13]. Для более четкого разграничения понятий эмоциональности и эмотивности мы будем придерживаться точки зрения Л. Ю. Буяновой и Ю. П. Нечай, согласно которой «эмоциональность, как инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, сфокусирована в большей степени на субъекте (это эмоции для себя). Эмотивность, как сознательная, запланированная демонстрация эмоций, направлена на объект (это эмоции для других)» [7, с. 203].

В настоящее время сформировалось отдельное направление исследований – эмотиология или лингвистика эмоций, изучающая отражение эмоциональных состояний в языке. Ввиду сложности и комплексной природы данного феномена в лингвистике существует ряд подходов к его изучению: лексикологический (В. Н. Гридин, И. Н. Худяков, З. Е. Фомина и др.), коммуникативный (Н. Д. Арутюнова, М. Д. Городникова, В. А. Маслова и др.), лингвокультурологический (А. Вежицкая, Ю. С. Степанов, Ю. Д. Апресян и др.), семантический (Т. А. Графова, В. Н. Телия, В. И. Шаховский и др.), стилистический (Э. З. Азнаурова, А. Г. Болотов, Т. В. Матвеева и др.), когнитивный (А. Г. Баранов, И. С. Баженова, Е. Книпкенс и др.).

В настоящей работе мы придерживаемся семантического подхода к категории эмотивности, в рамках которого основным средством вербализации эмоции признается лексика и исследуется компонентная структура значения слова. Эмотивным компонентом значения слова является та семантическая доля, с помощью которой языковая единица реализует свою эмотивную функцию [8, с. 9], в нашем случае делает возможным для адресанта выразить свое эмоциональное состояние или отношение к описываемому научному событию.

Фактическим материалом исследования послужили 200 научно-популярных статей информационно-аналитического характера из американских изданий «Popular Mechanics», «Popular Science», «Nature», «National Geographic», «The New York Times» и статей того же жанра из белорусскоязычных журналов «Родная прырода», «Беларуская думка», газеты «Звязда» за период 2014–2019 гг. Исследование фактического материала проводилось с использованием ком-

плекса методов: компонентного и контекстуального анализа, а также количественного метода для выявления частотности реализации эмотивных средств языка в англо- и белорусскоязычном научно-популярном дискурсе. Целью данной статьи является установление классов эмотивных лексических единиц, определение их употребительности, выявление сходств и различий в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках.

В данном исследовании научно-популярный дискурс рассматривается как совокупность текстов, объединенных общими целеустановками: «это популяризация среди широких слоев населения новейших достижений науки и техники; поддержание интереса к жизни научного сообщества; <...> вовлечение читателя <...> в жизнь сообществ, связанных с развитием науки и техники; глобальные цели организации всего мирового сообщества для решения междисциплинарных мировых проблем, включающих охрану окружающей среды, развитие образования, защиту прав человека, интенсификацию медицинских исследований и т.п.» [9, с. 43]. Рассматриваемый тип дискурса затрагивает многие стороны жизни современного человека и служит отражением национальной лингвокультуры.

Исследователь В. И. Шаховский формулирует понятие эмотивности как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции; имеет два плана: план содержания и план выражения, через которые манифестируются эмоциональные отношения/состояния говорящих» [6, с. 24]. Исходя из данного определения, к эмотивным средствам следует относить лексические единицы, называющие, выражающие и описывающие чувства и эмоции. Хотя данные понятия не тождественны, вслед за В. И. Шаховским в нашем исследовании мы объединяем их в термине *эмоция*, в широком смысле определяемом как «душевное переживание, волнение, чувство, например, гнев, страх, любовь, презрение и пр.» [Там же, с. 49].

Лексические единицы в научно-популярном дискурсе, называющие эмоции, образуют лексико-семантическое поле эмотивности. Они отбирались на основе метода анализа словарных дефиниций, а именно, по наличию в них индикаторов *feeling, emotion, пачуцце, адчуванне, эмоцыя; condition, state, стан*. Общее количество анализируемых единиц – 229 для английского языка и 233 – для белорусского.

В результате анализа с опорой на вышеприведенное определение эмотивности установлены два класса единиц в лексико-семантическом поле эмотивности: эмотивы состояния и эмотивы отношения [10]. Выделение лексических единиц эмоционального состояния и отношения происходит с опорой на названия базовых эмоций (*страх, радость, волнение, спокойствие, удивление* – состояние; *интерес, уважение* – отношение) [11; 12; 13; 14].

С целью структурирования лексико-семантического поля эмотивности, представленного в анализируемых текстах научно-популярного дискурса на английском и белорусском языках, были выявлены особые эмотивные зоны –

микрополя. Последнее понимается как совокупность лексических единиц, объединенных наличием общего семантического признака, который связывает все единицы микрополя и выражается лексемой с обобщенным значением – идентификатором микрополя [10; 15].

Процентные показатели представленности микрополей эмотивных единиц в научно-популярном дискурсе на сопоставляемых языках приведены в таблице. Как показывают данные таблицы, эмотивные единицы микрополя «Интерес» преобладают в научно-популярном дискурсе на обоих сопоставляемых языках. Более высокая частотность эмотивов интереса в англоязычном (27,95 %) и белорусскоязычном (30,9 %) научно-популярном дискурсе обусловлена основной коммуникативной целью автора дискурса – популяризацией научных достижений, что достигается, в частности, через стимулирование интереса к ним со стороны широкой аудитории (таблица).

Частотность микрополей эмотивности в научно-популярном дискурсе, %

Название микрополя	Английский язык	Белорусский язык
Эмотивные единицы со значением состояния		
Волнение	20,09	7,3
Удивление	15,72	11,59
Страх	14,85	24,46
Спокойствие	9,6	2,58
Радость	9,17	14,16
Эмотивные единицы со значением отношения		
Интерес	27,95	30,9
Уважение	2,62	9,01
Всего:	100	100

Интерес – это «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями» [16, с. 213], в нашем случае, познавательными потребностями в передовом научном знании. Приведем примеры употребления эмотивов интереса на сопоставляемых языках: *But increasing **interest** in hair loss has led to new research that holds promise even for those already balding* ‘Но растущий **интерес** к проблеме потери волос привел к появлению нового перспективного исследования даже для тех, кто уже лысеет’¹ (Popular Mechanics, 04.2017); *... казаць пра масавае практычнае выкарыстанне вынікаў нашай работы пакуль заўчасна. Хоць некаторыя ведамствы ўжо сёння праяўляюць **інтарэс** да нашых даследаванняў. Генетычны аналіз мог бы істотна дапамагчы ім у адборы найбольш перспектыўных супрацоўнікаў* (Звязда, 22.03.2017).

Микрополе интереса объединяет слова с общим значением ‘интерес’. К данному микрополю относятся лексические единицы, в определении которых

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н. Е.

есть ссылка на указанное чувство: *attention* – «the state of watching, listening to, or thinking about something carefully or with **interest**» ‘внимание – способность старательно или с **интересом** наблюдать, слушать или думать о чем-либо’ [MWD]; *інтарэс* – «асаблівая ўвага, **цікавасць**, якія праяўляюцца да каго-, чаго-небудзь» [ТСБМ]. В американском научно-популярном дискурсе в эмотивном микрополе интереса наиболее употребительными лексемами явились существительные *attention* ‘внимание’, *interest* ‘интерес’; прилагательные *interesting* ‘интересный, увлекательный’, *exciting* ‘захватывающий’, *interested* ‘заинтересованный’; глаголы *to attract* ‘привлекать, вызывать’. В классе белорусскоязычных эмотивов интереса превалируют существительные *інтарэс*, *зацікаўленасць*, прилагательные *цікавы*, *зацікаўлены*; глагол *цікавіць/зацікавіцца*; наречие *цікава*.

Второе место по степени употребительности в дискурсе на двух языках занимает лексика микрополя волнения, включающего в себя единицы с общим значением ‘волнение, беспокойство, напряжение’. В данной эмотивной зоне присутствуют слова, в определении которых есть указание на перечисленные ощущения: *distress* – «a feeling of being extremely upset or **worried**» ‘беспокойство – чувство крайнего огорчения или **тревоги**’ [CAMD]; *хваляванне* – «**нярвовая ўзбуджанасць**, выкліканая адчуваннем **трывогі**» [ТСБМ].

В отличие от американских (20,09 %) белорусские авторы менее склонны (7,3 %) употреблять эмотивную лексику со значением волнения. К наиболее употребительным единицам данного микрополя в англоязычном дискурсе относятся существительные *stress* ‘стресс’, *concern* ‘беспокойство’, *distress* ‘расстройство’. В свою очередь, белорусскоязычные авторы отдают предпочтение существительному *стрэс*. Эмотивы, входящие в микрополе волнения, наиболее характерны для статей медицинской тематики, где описываются причины заболеваний, состояния пациентов и перспективные методы лечения. Например: *Chronic stress stems from many circumstances, such as poverty, a bad marriage, or long-term ailments* ‘Хронический **стресс** вызван множеством причин: бедность, несчастливый брак или длительные болезни’ (Popular Science, 03.2015); *Апытанне паказала, што гульцы ў звычайную версію [«Тэтрыса»] з нарастаючай складанасцю хутка ўвайшлі ў стан патоку і выпрабавалі мінімум *стрэсу** (Звязда, 11.12.2018).

Эмотивы микрополя удивления, куда входят лексические единицы со значением ‘удивление’, занимают достаточно высокие позиции по употребительности в научно-популярном дискурсе на английском (15,72 %) и белорусском (11,59 %) языках. В данной эмотивной зоне присутствуют слова, в определении которых есть ссылка на указанное чувство или его можно выделить при дальнейшем логическом развитии дефиниции: *surprise* – «a feeling caused by something happening suddenly or **unexpectedly**» ‘удивление – чувство, вызванное чем-то происходящим внезапно и **неожиданно**’ [OXFD], где *unexpectedly* – «in a way that **surprises** you because you were not expecting it» ‘**неожиданно** – «происходящее **удивительным**, непредвиденным образом»; *дзіўны* – «які выклікае **здзіўленне**, нябачаны» [ТСБМ].

Среди наиболее распространенных эмотивов микрополя удивления в научно-популярном дискурсе на английском языке выделены существительное *surprise* ‘удивление’; прилагательные *dramatic* ‘удивительный’; на белорусском – прилагательные *дзіўны, цудоўны*, наречие *дзіўна*. Эмотивная лексика со значением удивления используется в научно-популярном дискурсе с целью передачи позитивных эмоций, вызванных научными открытиями в различных областях науки и техники: *The new method produced dramatic images showing how glial cells <...> get activated in chronic-pain patients, ramping up the transmission of pain signals to the brain* ‘Новый метод позволил получить **удивительные** снимки того, как глиальные клетки <...> активируются у больных с хроническими болями, усиливая передачу болевых сигналов в мозг’ (Popular Science, 07.2015); *Прычым адбылося гэта [знаходка залатога скарбу] пры даволі дзіўных абставінах: праводзілася ўборка тэрыторыі, паскрэблі граблямі і ўбачылі старажытныя ўпрыгожанні X–XI стагоддзяў...* (Беларуская думка, 04.2017).

Микрополе страха формирует лексика с общим значением ‘страх, опасность’. К данной эмотивной зоне относится лексика, в определении которой есть указание на перечисленные ощущения: *horror* – «a feeling of great shock or **fear**» ‘ужас – ощущение большого шока или **страха**’ [OXFD]; *пагроза* – «1) запалохванне, абяцанне зрабіць непрыемнасць, зло; 2) магчымая **небяспека**» [ТСБМ]. Наиболее употребительная эмотивная лексика со значением страха в англоязычном научно-популярном дискурсе включает существительные *anxiety* ‘страх’, *fear* ‘страх’, *horror* ‘ужас’; прилагательное *fearful* ‘испуганный’. В белорусскоязычных статьях авторы активно используют существительные *пагроза, небяспека, страх*; глагол *пагражаць*; прилагательное *небяспечны*.

Микрополе страха включает эмотивы негативного характера, они встречаются главным образом в текстах медицинской и экологической тематики. Их употребление продиктовано, на наш взгляд, стремлением адресанта создать соответствующий фон эмоциональной напряженности с целью более увлекательного для читателя описания сущности научного исследования. Например: *When looking at fearful faces, donors showed a greater response in their right amygdala than a control group* ‘Глядя на **испуганные** выражения лиц, доноры испытывали более выраженную реакцию в своих правых миндалинах, чем представители контрольной группы’ (National Geographic, 01.2018); *Акрамя таго, Еўрапейская камісія патрабуе ад Польшчы рэалізацыі прыродаахоўных мерапрыемстваў, а E-40 нясе патэнцыйную пагрозу біяразнастайнасці многіх рэк* (Родная прырода, 08.2017).

На лексику микрополя спокойствия приходится всего 9,6 % от общего количества эмотивных единиц в англоязычном научно-популярном дискурсе. К данному микрополю относятся лексические единицы со значением ‘спокойствие, тишина’, среди которых наиболее употребительными являются существительные *peace* ‘мир, спокойствие’, *calm* ‘спокойствие, тишина’; глагол *to quiet* ‘успокаивать’; прилагательные *calm* ‘тихий’, *peaceful* ‘мирный’.

Приведем пример определения эмотива спокойствия: *peace* – «the state of being **calm** or **quiet**» ‘мир – это состояние **тишины** и **спокойствия**» [OXFD]. В белорусскоязычном типе рассматриваемого дискурса эмотивы спокойствия малоупотребительны (2,58 %).

Употребление эмотивной лексики со значением спокойствия можно проиллюстрировать на следующих примерах: *By generating these responses, gut bacteria help maintain a **peaceful** coexistence with the immune system* ‘Генерируя такого рода реакции, кишечные бактерии способствуют поддержанию **мирного** сосуществования с иммунной системой’ (The New York Times, 02.01.2018); *Калі на Венеры і Марсе была вулканічная актыўнасць яшчэ некалькі мільёнаў гадоў таму, падобна на тое, што малютка Меркурый **супакойўся** 3–4 мільярды гадоў таму* (Звязда, 27.01.2017).

Микрополе радости включает в себя лексические единицы с общим значением ‘радость, удовлетворение’. К данному микрополю относятся лексические единицы, в определении которых есть указание на перечисленные чувства: *relief* – «the feeling of **happiness** that you have when something unpleasant stops or does not happen» ‘облегчение – чувство **радости**, которое возникает если что-то неприятное прекращается или вообще не происходит’ [OXFD]; *шчасце* – «стан і пачуццё поўнай, найвялікшай **задаволенасці**» [ТСБМ].

В микрополе радости американского научно-популярного дискурса входят существительное *relief* ‘облегчение’; прилагательное *happy* ‘счастливый’; наречие *happily* ‘счастливо’. В белорусскоязычном дискурсе наиболее распространенными оказались существительные *шчасце*, *радасць*; прилагательные *добры*, *задаволены*; глагол *радавацца*. Следует отметить, что эмотивы со значением радости более употребительны в белорусскоязычном научно-популярном дискурсе (14,16 %), чем в англоязычном (9,17 %). Американские и белорусские авторы используют эмотивы радости и удивления, передающие позитивные эмоции, при описании достоинств научных разработок в текстах медико-биологической и научно-технической направленности: *Opiates provide **relief** because they tune our brain’s appetite for air to what our body can provide* ‘Опиаты вызывают **облегчение**, потому что «убеждают» наш мозг в достаточности того объема кислорода, что может дать наш организм’ (The New York Times, 20.07.2017); *Мы **задаволены** тым, што падобнымі распрацоўкамі [беспі-лотных авіяцыйных сістэм] займаюцца яшчэ некалькі беларускіх кампаній, у прыватнасці Баранавіцкі авіярамонтны завод, сталічныя «АГАТ» і «КБ ІНДЭЛА»* (Звязда, 11.12.2018).

Микрополе уважения составляют единицы с общим значением ‘уважение, почет’. К данной эмотивной зоне относятся слова, в определении которых есть ссылка на указанное чувство: *гонар* – ‘1) грамадская або маральная годнасць, тое, што выклікае ўсеагульную **павагу**; 2) **павага**, слава’ [ТСБМ]. Эмотивы уважения более употребительны в белорусскоязычном научно-популярном

дискурсе (9,01 % против 2,62 % в англоязычном); они представлены существительными *гонар*, *павага* и глаголом *ганарыцца*. Употребление белорусскими авторами эмотивов, входящих в микрополе уважения, демонстрирует значимость для общественности историко-археологических открытий в сфере белорусского культурного наследия: *Але дзяржаўныя дзеячы ВКЛ, да іх гонару, у той няпростай сітуацыі не аддалі свой асноўны карэнны народ пад прэс лацінізацыі, а зрабілі стаўку на яго мову, што ў многім прадвызначыла духоўны росквіт дзяржавы* (Беларуская думка, 08.2014).

Подводя итог, следует отметить сходства в употреблении классов эмотивной лексики в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках. Как в англоязычном, так и в белорусскоязычном дискурсе преобладает эмотивная лексика позитивного характера. При этом наиболее частотны эмотивы со значением интереса, использование которых позволяет адресанту успешно реализовать первостепенную задачу внедрения научных достижений в повседневную жизнь общества. Тематика текстов, где употребительны эмотивы, номинирующие положительные эмоции, довольно широка и включает в себя медицинские исследования, экологические проблемы, научно-технические достижения, а также открытия в области астрономии. Лексемы, обозначающие отрицательные эмоции страха, преимущественно встречаются в текстах медицинской тематики и используются авторами в описании научного события для создания эмоционально заряженного фона.

Среди различий в употреблении эмотивных единиц следует отметить низкую частотность лексем со значением уважения в научно-популярном дискурсе на английском языке и эмотивов с семантикой спокойствия – в дискурсе на белорусском языке. Лингвоспецифичной чертой белорусскоязычного научно-популярного дискурса является употребление всех классов эмотивной лексики позитивного характера в текстах, описывающих историко-археологические открытия в сфере белорусского культурного наследия. Данная особенность продиктована пристальным вниманием к такого рода научным знаниям со стороны общественности в контексте становления современной белорусской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 6-е изд. – М. : URSS, 2010. – 368 с.
2. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
3. *Изард, К. Е.* Эмоции человека : пер. с англ. / К. Е. Изард ; под ред. Л. Я. Гозмана, М. С. Егоровой. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
4. *Ильин, Е. П.* Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 752 с.
5. *Фомина, З. Е.* Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / З. Е. Фомина ; Ин-т языкознания РАН. – М., 1996. – 66 с.
6. *Шаховский, В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Изд. стер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2019. – 206 с.

7. Буянова, Л. Ю. Эмотивность и эмоциогенность в языке: механизмы экспликации и концептуализации / Л. Ю. Буянова, Ю. П. Нечай. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2006. – 277 с.
8. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания : учеб. пособие к спецкурсу / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПИ, 1983. – 96 с.
9. Егорова, Л. А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» / Л. А. Егорова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. – 2009. – № 1. – С. 42–46.
10. Муллинова, Т. А. Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект: на материале романов А. Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Муллинова. – Краснодар, 2004. – 152 л.
11. Апресян, В. Ю. Эмоции : современные американские исследования / В. Ю. Апресян // Семиотика и информатика. – 1995. – Вып. 34. – С. 82–97.
12. Вайгла, Э. А. Эмоциональная лексика русского языка и проблемы ее перевода: на русско-эстонском материале : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Э. А. Вайгла ; Моск. гос. ун-т. – М., 1978. – 21 с.
13. Ортони, А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект : сб. / сост., вступ. ст. В. В. Петрова ; пер. с англ. и нем. под общ. ред. В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. – М., 1995. – С. 314–394.
14. Plutchik, R. The nature of emotions / R. Plutchik // American Scientist ; Research Triangle Park. – 2011. – Vol. 89, iss. 4. – P. 344–350.
15. Коростова, С. В. Поле эмотивности: структурно-семантическая типология микрополей / С. В. Коростова / Изв. Южн. федер. ун-та. Филол. науки. – 2010. – № 3. – С. 98–107.
16. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 836 с.

СЛОВАРИ

- CAMD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary / ed. : E. Walter [et al.]. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 1572 p.
- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко ; афармленне А. М. Хількевіча. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
- OXFD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary / ed. by J. Turnbull. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. – 1796 p.
- MWD – The Merriam-Webster Dictionary for Large Print Users. – London : George Prior Publ., 1977. – 1119 p.

The article defines the classes of emotive lexical units, frequency of their use, as well as their similarities and differences in English and Belarusian popular science discourse. The analysis unveils two classes of emotive lexis, namely, the emotives of state (fear, happiness,

worry, calm, and surprise) and the emotives of attitude (interest and respect). Positive emotive lexis prevails in both English and Belarusian popular science discourse. Lexical units expressing a negative emotion of fear are used for establishing an emotionally charged background in a medicine-related narrative.

Поступила в редакцию 27.02.2020

Лю Пэн

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ 上 SHàng ‘ВЕРХ’ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности концептуализации пространства при помощи лексической единицы 上 shàng ‘верх’ в китайском языке; установлен спектр переводных эквивалентов данной единицы в русском языке, определены типы пространственных ситуаций, которые в китайском языке вербализуются посредством 上 shàng. Выявлена тенденция к преимущественному структурированию пространственных ситуаций по оси «верх – низ» в китайском языке и фиксации отношений включения либо дистантных при описании тех же ситуаций в русском языке. Установлены различия в выборе исходной точки ориентации при описании пространства в русском и китайском языках. Определена тенденция к «геометрическому» отражению пространственных отношений в китайском языке и идиоматизации предложных конструкций с пространственным значением в русском языке.

Китайская культура и язык имеют долгую историю. Типологически китайский язык очень отличается от европейских языков. С учетом различий в культурных традициях это делает данный язык особенно трудным для изучения и понимания. Исследования китайского языка, которые бы позволили получить представление о его особенностях среди других языков мира, в Китае, в отличие от западных стран, не развивались. В наши дни такое положение дел быстро меняется в связи с развитием китайской экономики, политики, культуры, образования и т.д. В настоящее время все больше и больше китайских лингвистов концентрируются на изучении широкого круга лингвистической проблематики на материале разных языков мира. К числу таких проблем относится специфика пространственной картины мира, репрезентированной в единицах китайского языка. Если исследование способов репрезентации пространства в языке является для западноевропейской лингвистики традиционной и активно разрабатываемой темой, то для китайского языкознания это направление достаточно новое. Несмотря на наличие некоторого числа работ китайских исследователей, посвященных изучению особенностей вербализации пространственных категорий в китайском языке (см., например, труды Янь Хаовэня, Го Женчжун [1, с. 358–360;

2, с. 42–46; 3, с. 234; 4, с. 336)), исследование этого вопроса продолжает оставаться актуальной задачей. К числу мало разработанных проблем относится концептуализация пространственных отношений в китайском языке.

Установлено, что вербализация пространственных отношений обнаруживает универсальные черты: практически во всех языках мира есть средства для обозначения направлений ориентации в пространстве по векторам «верх – низ» и «спереди – сзади» [5, с. 44–47]. Результаты сравнения частотности употребления языковых средств для обозначения этих векторов в китайском языке свидетельствует об их разной значимости в концептуализации пространства: количество вхождений единицы 上 *shàng* ‘верх’ в Китайском национальном корпусе значительно превышает количество вхождений единиц 下 *xià* ‘низ’, 前 *qián* ‘спереди’ и 后 *hòu* ‘сзади’: 38084 vs. 14051, 5333 и 12144 вхождений соответственно [6, с. 56–58]. Приведенные количественные данные позволяют сделать вывод об особом месте 上 *shàng* в пространственной картине китайского языка.

Цель данной работы – выявление специфики концептуализации пространства при помощи языковой единицы 上 *shàng* в китайском языке. Для достижения поставленной цели необходимо установить весь спектр переводных эквивалентов данной единицы в русском языке и определить типы ситуаций, которые китайская языковая культура вербализует посредством 上 *shàng*.

Источником материала исследования послужил китайско-русский параллельный корпус Национального корпуса русского языка объемом 180 000 словоупотреблений. Методом сплошной выборки были отобраны и проанализированы все случаи употребления 上 *shàng* и способы перевода данной единицы на русский язык. Всего в корпусе 上 *shàng* имеет 507 вхождений, из них в пространственном значении самостоятельно или в составе других слов – 455 [7, с. 103–106]. На рис. 1 представлено процентное соотношение единиц русского языка, выступающих переводными эквивалентами для 上 *shàng*. Из приведенной диаграммы следует, что в качестве переводных эквивалентов 上 *shàng* в русском языке выступают слова самой разной частеречной принадлежности – предлоги, глаголы, существительные, наречия и т.д. Наибольший удельный вес среди всех установленных коррелятов имеют предлоги. Они употребляются почти в 76 % контекстов в выборке. Удельный вес остальных частей речи составляет, соответственно, приблизительно 24 %.

Как видно на рис. 1, предлог *над*, использующийся в русском языке, как и 上 *shàng* в китайском, для обозначения пространственных отношений с верхним регионом локализирующего объекта, в нашей выборке представлен в качестве переводного эквивалента 上 *shàng* всего лишь в четырех

контекстах, что составляет менее 1% выборки. В более чем в трети контекстов (168, или 36,92%) переводным эквивалентом *上 shàng* выступает предлог *на*. Такое положение вещей объясняется спецификой семантики предлогов *над* и *на*. Как показывают исследования по семантике пространственных предлогов русского языка [8, с. 375], *над* указывает на расположение локализуемого объекта в верхнем регионе локализующего объекта, например, *лампа над столом*. Конструкции с предлогом *над* описывают пространственные ситуации, в которых верхний регион задается, как правило, гравитацией и не зависит от ингерентного верха локализующего объекта [9, с. 243–262; 10, с. 115–133]. Другими словами, конструкция *лампа над столом* предполагает один и тот же регион локализации независимо от того, стоит ли стол или перевернут.

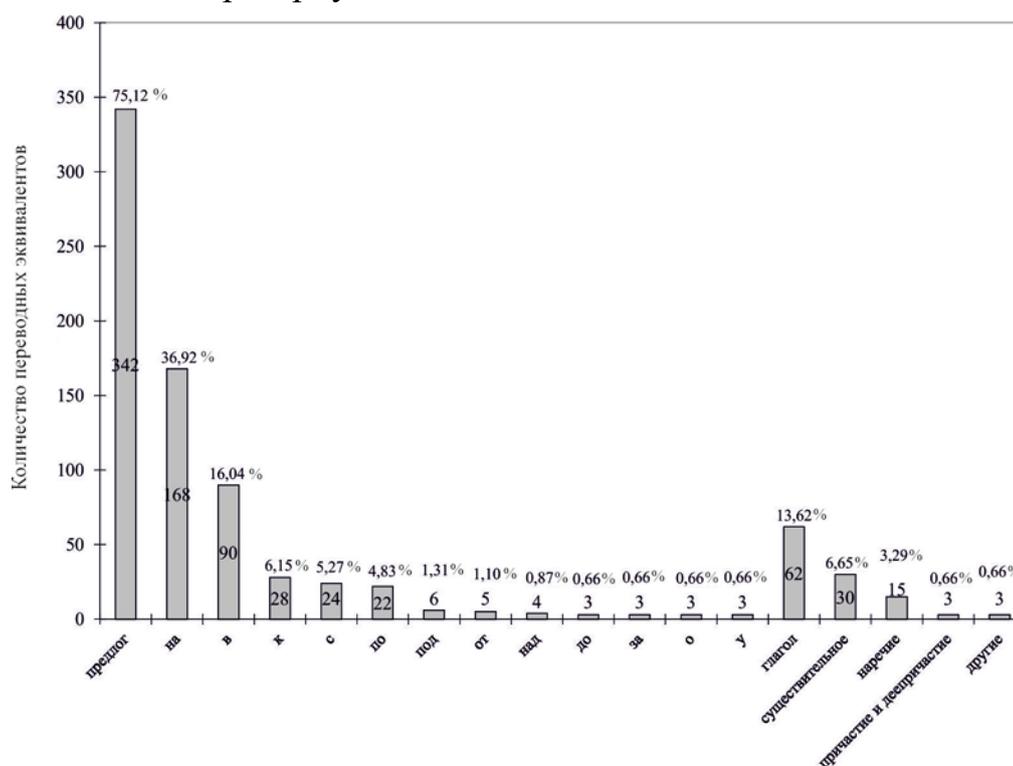

Рис. 1. Процентное соотношение переводных эквивалентов *上 shang* в русском языке по их частеречной принадлежности

Еще одной особенностью семантики предлога *над* является то, что он исключает возможность контакта между соотносимыми объектами. В случаях, когда локализуемый объект находится выше локализующего и в контакте с ним, в русском языке употребляется предлог *на*, например, *книга на столе*. Поскольку предлог *на* используется для описания отношения контакта с поверхностью локализующего объекта и в ситуациях типа *картина на стене*, *шрам на руке*, можно сделать вывод, что информация о расположении локализуемого объекта выше локализующего не входит в семантику предлога *на*, а выводится на основании знаний о мире.

В отличие от предлога *над*, *上 shàng* допускает возможность контакта, что обуславливает его корреляцию с предлогом *на* (ср. примеры (1), (2)).

(1) 我回到四叔的书房里时，瓦楞上已经雪白，房里也映得较光明，极分明的显出壁上挂着的朱拓的大“寿”字，<...>，一边的对联已经脱落，松松的卷了放在长桌上... (鲁迅 / 祝福 (1924)) (wǒ huí dào sì shū de shū fáng lǐ shí, wǎ léng shàng yǐ jīng xuě bái, fáng lǐ yě yìng dé jiào guāng míng, jí fēn míng de xiǎn chū bì shàng guà zhe de zhū tà de dài “shòu” zì, <...>, yī biān de duì lián yǐ jīng tuō luò, sōng sōng de juǎn le fàng zài cháng zhuō shàng... (Lǚ Xùn / Zhù fú (1924))) / (1a) Когда я вошел в дядюшкин кабинет, черепица на крыше побелела от снега, в комнате стало светлее и на стене четко обозначился красный эстампаж с большим иероглифом «шоу», <...>. Второй свиток, видимо, свалился со стены и теперь, свернувшись трубочкой, лежал на столе (Лу Синь «Моление о счастье» (А. Рогачева)).

(2) ... ветер <...> изредка качая длинную ветку малины над головой Зинаиды (И. С. Тургенев «Первая любовь» (1860)) / ... 风 <...> 偶尔摇曳着齐娜依达头顶上那株木莓的长长的枝条, (伊万·屠格涅夫 / 初恋 (奉真, 1998)) ... fēng <...> ǒu ěr yáo yè zhe qín ài yī dá tóu dǐng shàng nà zhū mù méi de cháng cháng de zhī tiáo (Yī wàn Tú gé niè fū / Chū liàn (Feng Zhen, 1998)).

В ряде случаев в русском языке отношение контакта с поверхностью находится в пресуппозиции таких конструкций, как *вытереть слезы с лица* (слезы были на лице), *стереть мел с доски* (мел был нанесен на доску) и т.д. Предлоги *от* и *с*, использующиеся в подобных выражениях, передают информацию о прекращении контакта и удалении локализуемого объекта от локализующего, придавая ситуации динамический характер. В китайском языке фиксируются статические характеристики той же ситуации. Дословно конструкции из примеров (3a) и (4a) *擦额上汗水 cā é shàng de hànshuǐ, 他的脸上, 他的眼睛里直冒金星 tā de liǎnshàng, tā de yǎnjīnglǐ zhímào jīnxīng* можно перевести как ‘вытирать пот на лбу’, ‘на его лице и от его глаз искры непрерывно испускались’.

(3) Та [Фрося], вытирая пот со лба, глядела на него сверху вниз, ... (Н. А. Островский «Как закалялась сталь» (1932)). / (11a) 弗罗霞一面擦着额上的汗水, 一面从上到下打量着他, ... (尼·奥斯特洛夫斯基 / 钢铁是怎样炼成的) Fú luó xiá yī miàn cā zhe é shàng de hànshuǐ, yī miàn cóng shàng dào xià dǎ liang zhe tā, ... (Ní. Ào sī tè luó fú sī jī / Gāng tiě shì zēn yàng liàn chéng de).

(4) ... казалось, что от лица и глаз его посыпались искры (А. П. Чехов «Толстый и тонкий» (1883)) / (10a) ... 似乎是, 他的脸上, 他的眼睛里直冒金星。(安东·契诃夫 / 胖子和瘦子 (汝龙, 1955)) ... sì hū shì, tā de liǎnshàng, tā de yǎnjīnglǐ zhímào jīnxīng (Ān dōng Qì hē fū / Pàng zi he hòu zi (Rú Long, 1955)).

В значительной части контекстов переводными эквивалентами *上 shàng* в русском языке выступают предлоги, обозначающие самые разные пространственные отношения вплоть до антонимичных, (например, *в, к, по,*

с, от, под и др.). Можно предположить, что во всех этих случаях речь идет о различиях в концептуализации соответствующих пространственных ситуаций в русском и китайском языках. Необходимо установить, в чем заключаются эти различия, какие признаки одной и той же ситуации фиксируются в русском и китайском языках.

В результате анализа параллельных контекстов на сравниваемых языках установлено, что в китайском языке при описании пространственных ситуаций отношения между локализуемым объектом X и локализирующим объектом Y в пространстве структурируются, преимущественно, по оси «верх – низ» с фиксацией полюса «верх» при помощи 上 *shàng*. Так, отношения между X (*девушки*) и Y *лодка* в примере (5) описываются как включение (*девушки в лодке*). В переводе этого примера на китайский язык (5а) отношения между X и Y вербализуются по вертикали «верх – низ» как «X выше Y, Y является опорой для X» (дословно *девушки верх лодка*). Схематично отношения между X и Y в примерах (5) и (5а) изображены на рис. 2 и 3 соответственно.

(5) *Вакханки зовут к себе девушек в лодке* (И. С. Тургенев «Первая любовь» (1860)) / (5а) 女祭司们招呼船上的姑娘到她们那儿去。(伊万·屠格涅夫 / 初恋 (奉真, 1998)) Nǚjìsī men zhāohu chuán shàng de gūniang dào tāmen nàr qù (Yīwàn Túgényèfū / Chūliàn (Feng Zhen, 1998)).

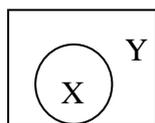

Рис. 2. Схема пространственной ситуации в примере (5)

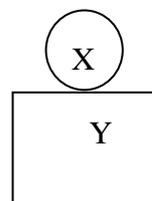

Рис. 3. Схема пространственной ситуации в примере (5а)

Сходная ситуация наблюдается и в примерах (6) и (6а): в русском языке отношение в пространстве между X-ом (дом) и Y-ом (река) квалифицируется при помощи предлога у как близкое расположение, в китайском языке оно определяется в соответствии с осью «верх – низ», о чем свидетельствует употребление 上 *shàng* (дословно: ‘дом верх река’).

(6) *房子在河边上*。Fángzi zài hé biān shàng. / (6а) Дом стоит у реки [11].

Подобный принцип языкового структурирования пространственной ситуации – «X выше Y, Y является опорой для X» – наблюдается и в контекстах типа (6а) – (8а).

(7) *И Ганя два раза топнул правой ногой, обутой в калошу, о тротуар*. (Ф. М. Достоевский «Идиот» (1868)) / (7а) 加尼亚在人行道上两次跺了跺穿

着套鞋的右脚。(费奥多尔·陀思妥耶夫斯基 / 白痴 (石国雄, 2004)). ... jiāniyà zài **rénxíngdào shàng** liǎngcì duòleduò chuānzhuó tàoxié de yònjiǎo (Fèi'àoduō'ěr Tuósītūduōyēfūsījī / Báichī (Shi Guoxiong, 2004)).

(8) ... – и пчелы жужжали, низко перелетывая **по редкой траве** (И. С. Тургенев «Первая любовь» (1860)). (8a) ... 蜜蜂发出嗡嗡的声音, 在那稀疏的**草地上**低低地飞来飞去, ... (伊万·屠格涅夫 / 初恋 (奉真, 1998)). ... mífēng fāchū wēngwēngde shēngyīn, zàinà xīshū de **cǎodìshàng** dīdīdī fēiláifēiqù, ... (Yīwàn Túgènièfū / Chūliàn (Feng Zhen, 1998)).

(9) ... – **осторожно и тихо спускалась беловатая штора, спустилась до оконницы** – (И. С. Тургенев «Первая любовь» (1860)) (9a) ... 那白色的窗帘谨慎小心地轻轻放下了, 一直**垂到窗台上**, ... (伊万·屠格涅夫 / 初恋 (奉真, 1998)). ... nà báisè de chuānglián jǐnshèn xiǎoxīn de qīngqīng fàngxiàle, yīzhí chuídào **chuāngtáishàng**, ... (Yīwàn Túgènièfū / Chūliàn (Feng Zhen, 1998)).

В примере (7) в русском языке отношение, возникающее между объектами *нога* и *тротуар* в результате действия *топнуть*, описывается при помощи предлога *о* как контакт. В переводе на китайский язык \uparrow *shàng* в примере (7a) подчеркивается, что человек находится на поверхности тротуара, тротуар служит опорой для действующего субъекта. В примере (8) в русском языке при помощи предлога *по* реализуется отношение кратковременного контакта с поверхностью, в его переводе на китайский язык (пример (8a)) – отношение «верх – низ». В примере (9) в русском языке информация о том, что X (*шторы*) расположены выше Y (*подоконник*) выводится из семантики глагола *спускаться*, при этом предлог *до* передает информацию о том, что Y образует границу действия X-а. В переводе (9a) \uparrow *shàng*, как и в примерах (7a), (8a), фиксируется отношение «X над Y-ом».

Выше уже отмечалось, что в языках векторы «верх» и «низ» могут задаваться как гравитацией (небо – верх, земля – низ), так и определяться по отношению к объектам, обладающим выделенными верхом и низом, например, человек, растения, часть артефактов и т.п. В первом случае говорят об ориентации в соответствии с абсолютной вертикалью, во втором – с относительной вертикалью. Примером языковой ориентации в соответствии с относительной вертикалью являются выражения типа *шрам над бровью*, *подпись под текстом*, *плесень под обоями* [12, с. 172–179]. Как правило, такой тип ориентации наблюдается в случаях, когда X является частью Y-а. Анализ языкового материала показывает, что этот тип ориентации чрезвычайно распространен в китайской языковой картине пространства, причем и в тех случаях, когда в пространстве соотносятся дискретные сущности. Очевидно, это обуславливает использование \uparrow *shàng* в качестве переводного эквивалента для таких предлогов, как *к* и *за*, обозначающих в русском языке отношения контакта и нахождения в тыльном регионе соответственно. Так,

в примерах (10a) – (11a) использование \perp *shàng* для описания отношений между локализуемыми объектами *весла*, *я* и локализующими *колышки*, *угол* (дословно: ‘лодка привязывать верх колышки’, ‘я поворачивать верх угол’) можно объяснить как раз за счет использования относительной вертикали.

(10) ... где стояли две лодочки с веслами, привязанными к колышкам (он уже заметил их прежде) ... (И. С. Тургенев «Муму» (1854)). (10a) ... 那儿有两只带桨的小船拴在桩上 (他以前就注意到了), ... (伊万·屠格涅夫 / 木木 (巴金, 1988)). ... *nàer yǒu liǎngzhǐ dàijiǎngde xiǎochuán shuānzài zhuāngshàng* (tā yǐqián jiù zhùyì dàoliǎo), ... (Yīwàn Túgènièfū / Mùmù (Ba Jin, 1988)).

(11) ... я <...> потом прошел переулочек до конца, повернул за угол и остановился (И. С. Тургенев «Первая любовь» (1860)). (11a) ... 我 <...>; 后来我穿过那条小巷, 走到尽头, 在拐角上转了一个弯, 就站住了。 (伊万·屠格涅夫 / 初恋 (奉真, 1998)). ... *wǒ <...>; hòulái wǒ chuānguò nàtiáo xiǎoxiàng, zǒudào jìntóu, zài guǎijiǎoshàng zhuǎnle yīgèwān, jiù zhànzhùle* (Yīwàn Túgènièfū / Chūliàn (Feng Zhen, 1998)).

Необходимо подчеркнуть, что \perp *shàng* задает другой регион локализации по сравнению со своими переводными эквивалентами в русском языке, что также обуславливает различия в языковом «видении» пространства. Так, если в примере (11) русский предлог *за* профилирует отношения с тыльной стороной Y-ка, менее доступной для восприятия, то \perp *shàng* в (11a) указывает, что человек потенциально может находиться в любой точке ближнего региона, задаваемого локализующим объектом *угол*. Графически пространственные отношения между X и Y, представленные в примерах (11) и (11a), изображены на рис. 4 и 5:

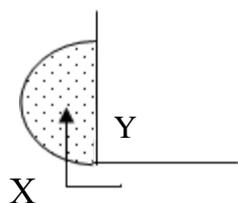

Рис. 4. Регион локализации предлога *за* в примере (11)

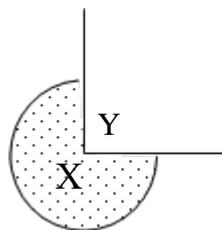

Рис. 5. Регион локализации \perp *shang* в примере (11a)

Еще одной причиной различий в языковой репрезентации пространственных отношений в китайском и русском языках является установленная для китайского языка тенденция к «буквальному» описанию внеязыковой действительности. В русском языке в то время наблюдается конвенциональное употребление предложных конструкций для именованья некоторых

типов пространственных ситуаций, при этом происходит частичная идиоматизация таких конструкций. В результате буквальный смысл языковых выражений может противоречить фактически наблюдаемым пространственным отношениям. Л. А. Тарасевич отмечает, что, например, конструкция *сигарета во рту* описывает ситуацию, в которой X – сигарета – находится не внутри, а снаружи Y-ка [12, с. 172–179]. Рассмотрим примеры. Переводным эквивалентом идиоматизированного выражения *слезы на глазах ...* в китайском языке является конструкция *眼泪在眼角上 yǎnlei zài yǎnjiǎoshàng* (примеры (12) и (12a)).

(12) ... 直到她说到呜咽, 她们也就一齐流下那停在眼角上的眼泪, ... (鲁迅 / 祝福 (1924)). ... *zhìdào tāshuō dào wūyè, tāmen yě jiù yīqí liú xià nà tíng zài yǎnjiǎo shàng de yǎnlèi...* (12a) ... А когда она начинала рыдать, роняли застывшие **на глазах** слезы... (Лу Синь «Моление о счастье» (А. Рогачева)).

Графически пространственная ситуация, представленная в выражении *眼泪在眼角上 yǎnlei zài yǎnjiǎoshàng*, изображена на рис. 6. С точки зрения китайского языка слезы находятся не на глазах, а поверх уголков глаз (зоны А, В, С и D).

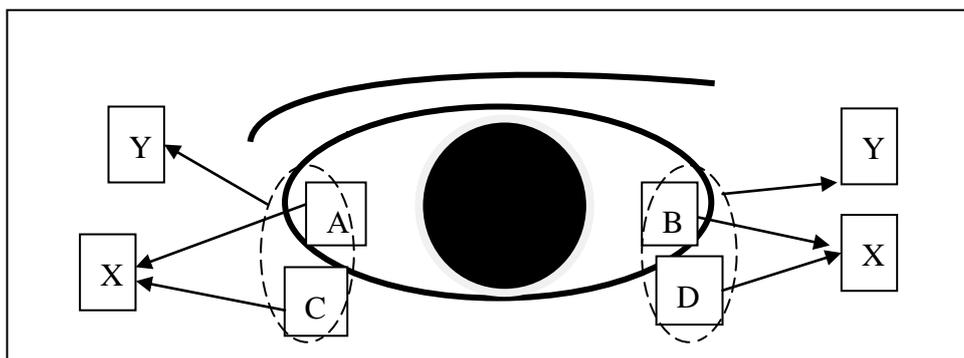

Рис. 6. Схема пространственной ситуации в примере (12)

Сходная картина наблюдается и с идиоматизированной конструкцией *подкатить глаза под лоб*, переводным эквивалентом которой в китайском языке является выражение *眼珠朝上翻 yǎnzhū cháoshàng fān* (примеры (13) и (13a)).

(13) ... – пролетела барыня и снова подкатила глаза **под лоб** (И. С. Тургенев «Муму» (1854)). (13a) ... 太太呻吟道, 她的眼珠又在朝上翻了。(伊万·屠格涅夫 / 木木 (巴金, 1988)). ... *tàitai shēnyín dào, tā de yǎnzhū yòuzài cháoshàngfān le* (Yīwàn Túgénièfū / Mùmù (Ba Jin, 1988)).

(14) 她当时并不回答什么话, 但大约非常苦闷了, 第二天早上起来的时候, 两眼上便都围着大黑圈。(鲁迅 / 祝福 (1924)) (*Tā dāngshí bìng bù huídá shénme huà, dàn dàyuē fēicháng kǔmènle, dì èr tiān zǎoshang qǐlái de shíhòu, liǎng yǎnshàng biàn dōu wéizhe dà hēiquān* (Lǔ Xùn / Zhùfú (1924))) /

(14a) Сян-линь хоть и промолчала, но на другой день от переживаний **под глазами** у нее появились **черные круги** (Лу Синь «Моление о счастье» (А. Рогачева)).

В примере (13) при помощи предлога *под* пространственная ситуация описывается как движение X-а (*глаза*) в нижний регион Y-ка (*лоб*). В переводе на китайский язык – в примере (13a) – эта же пространственная ситуация представляется с помощью *shang* как движение X-а вверх. В примере (14a) конструкция *черные круги под глазами* используется для перевода конструкции *眼上黑圈 yǎnshàng hēiquān* дословно ‘глаза верх черный круг’. Описываемая пространственная ситуация предполагает потемнение кожи вокруг глаз как сверху, так и снизу. Однако в обоих сравниваемых языках данная ситуация вербализуется частично, при этом в китайском языке фокусируется верхний полюс, в русском – нижний.

Таким образом, в результате анализа параллельных контекстов на сравниваемых языках установлено:

1. В китайском языке при описании пространственных ситуаций отношения между локализуемым объектом X и локализующим объектом Y структурируются преимущественно по оси «верх – низ» с фиксацией полюса «верх» посредством языковой единицы *上 shàng*. В отличие от китайского языка, в русском языке при описании пространства фиксируются отношения включения либо дистантные, в первую очередь контакт.

2. В отличие от русского языка, в котором обнаруживается тенденция при описании отношений «верх – низ» в качестве ориентира для определения соответствующих векторов использовать абсолютную вертикаль, задаваемую гравитацией (верх – небо; низ – земля), в китайском языке выявлена тенденция к ориентации в координатах локализуемого объекта (относительная вертикаль), когда верх приписывается на основании ингерентных пространственных свойств локализуемого объекта.

3. В русском языке пространство может описываться с помощью идиоматизированных предложных конструкций, в то время как для китайского языка выявлена тенденция к «буквальному» отражению пространственных отношений в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. 闫浩文, 郭仁忠. 空间方向关系基础性问题研究 = Исследование основных проблем пространственных направленностей и отношений. – 测绘学报, 2002年, 第358–360页.
2. 闫浩文, 郭仁忠. 空间方向关系形式化描述模型研究 = Исследование модели формального описания пространственных направленностей и отношений. – 测绘学报, 2003年, 第42–46页.

3. 郭熙煌. 语言空间概念与结构认知研究 = Когнитивное исследование концепции и структуры пространства языков. – 湖北: 湖北教育出版社, 2012年, 共234页.
4. 纪瑛琳. 语言, 认知与空间研究 = Исследование языков, когниции и пространства. – 北京: 中国社会科学出版社, 2015年, 共336页.
5. Тарасевич, Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – С. 44–47.
6. Лю, Пэн. Частотные характеристики языковых средств ориентации в пространстве (на материале китайского, русского и английского языков) / Пэн Лю. – Минск : МГЛУ, 2019. – С. 56–58.
7. Лю, Пэн. Китайская языковая единица 上 *shàng* ‘верх’ и ее корреляты в русском языке / Пэн Лю. – Минск : МГЛУ, 2018. – С. 103–106.
8. Пайар, Д. Исследование по семантике предлогов: сб. ст. / отв. ред. : Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. – М. : Рус. словари, 2000. – 375 с.
9. Рахилина, Е. В. Без конца и без края / Е. В. Рахлина // Исследование по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 243–262.
10. Плунгян, В. А. По поводу локалистской концепции значения: предлог *под* / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 115–133.
11. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info/slovo.php?ch=边上>. – Дата доступа : 29.12.2019.
12. Тарасевич, Л. А. Пространственные предлоги в немецком и русском языках: семантика и функционирование / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 172–179.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 10.07.2018.

The article discusses the features of conceptualization of space using the lexical unit 上 *shang* ‘top’ in Chinese. A range of translated equivalents of a given unit in the Russian language has been established; the types of spatial situations that are verbalized in Chinese using 上 *shang* are defined. The article also reveals the tendency towards the predominant structuring of spatial situations along the axis “top – bottom” in the Chinese language and the fixation of relations of inclusion or distance in the description of the same situations in Russian. The article establishes the differences in the choice of the starting point of orientation in the description of space in Russian and Chinese; and the tendency towards “geometric” reflection of spatial relations in Chinese and the idiomatization of sentence constructions with spatial meaning in Russian are determined.

Поступила в редакцию 06.04.2020

О. И. Степанова

**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ
КАК ОСНОВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ
(на материале нетерминологических нозологических наименований
русского языка)**

В статье впервые подвергаются ономаσιологическому анализу и типологическому описанию с точки зрения теории номинации русские производные нетерминологические нозологические наименования, объективирующие категорию предметности. В ходе анализа номинативного суждения нозологических единиц структурирован ономаσιологический признак, в соответствии с чем в рамках субстанционального номинативного типа выделены и охарактеризованы субстанционально-субъектный, субстанционально-объектный и субстанционально-детерминантный подтипы.

Ономаσιологический подход к анализу языковых единиц исследует последние с точки зрения их предметной направленности, то есть соотносённости с фактами предметного мира. Базу наименования любого языка «составляют понятийные или ономаσιологические категории» [1, с. 55]. Традиционно выделяются ономаσιологические категории предметности, признаковости и акциональности [1; 2]. Дальнейшие исследования [3; 4; 5; 6; 7] – позволили обосновать выделение ономаσιологических категорий локативности, нумеральности, темпоральности, компаративности и посессивности.

Категория предметности – одна из главных ономаσιологических категорий в языке. Значимость категории предметности для процессов именования объясняется тем, что предмет является важнейшим средством организации человеческих представлений об окружающем мире [4, с. 15]. Под предметом понимаются «названия вещей, лиц, веществ, живых существ и организмов, фактов, событий, явлений, а также названные как независимые самостоятельные субстанции непроецессуальных и процессуальных признаков» [8, с. 460]. Являясь частью окружающего мира, тот или иной предмет взаимодействует с другими предметами, реализуя субъектные либо объектные отношения. Именно «многообразие предметного мира, каждая единица которого обладает, в свою очередь, разнообразием свойств, обусловило семантическую сложность категории предметности» [9]. В репрезентации предметной семантики главную роль играют «имена существительные, а также другие части речи с общекатегорияльным значением предмета» [10].

Цель работы – в рамках ономаσιологического описания установить типы производных нетерминологических нозологических номинаций, объективирующих категорию предметности. Настоящее исследование также призвано выявить специфику языковой наивной картины мира носителей языка, что, безусловно, *актуально* в условиях современной лингвистической антропоцентрической научной парадигмы. *Объект исследования* – русские производные нетерминологические нозологические наименования, объективирующие в ономаσιологической структуре (ОП) категорию предметности. Нетермино-

логические нозологические наименования (ННН) – это слова или словосочетания, называющие то или иное заболевание, но не являющиеся при этом нозологическими терминами. ННН исследовались учеными в этимологическом [11], лексико-семантическом [12], аксиологическом [13] и других аспектах. Ономаσιологический анализ русских ННН до настоящего времени не проводился, что подтверждает *новизну* предпринятого исследования.

Источниками фактического материала послужили различного рода словари, а также «Большая медицинская энциклопедия» [14]. Перечень источников фактического материала представлен в списке литературы (см. [11; 14; 15; 16; 17; 18; 19]). Корпус анализируемого фактического материала составляет 237 номинативных единиц (26 % от общего числа ННН). Входящие в анализируемый корпус названия болезней (*венерическая жаба, водянка мозга, спинная сухотка, сахарная болезнь, легкое кофемолы, кроличья лихорадка* и т.д.) формируют субстанциональный номинативный тип ННН. Анализ словарных статей показал, что корпус фактического материала неоднороден по составу. Его формируют 1) устаревшие названия болезней (*катар желудка* ‘гастрит’ [15] и т.д.); 2) диалектные (*железянка* ‘опухоль желез, бубонная чума’ [11] и т.д.); 3) разговорные (*глисты* ‘гельминтоз’ и т.д.), а также 4) жаргонизмы (*венера* со значением ‘венерическое заболевание’ [17] и т.д.). В источниках фактического материала [11; 14; 15; 16; 17; 18; 19] указанные номинации сопровождаются функционально-стилистическими пометами «устарелое», «диалектное», «областное», «разговорное», «просторечное» соответственно.

Анализируемые номинативные единицы различны по своей структуре. В корпус входят 1) простые наименования, или однословные (*костовик, бубрежник* и т.д.) и 2) составные наименования, состоящие из двух или более слов (*желчная болезнь, болезнь любителей попугаев* и т.д.).

Вслед за Т. Г. Трофимович [4], мы считаем возможным рассматривать однословные и неоднословные названия болезней с единых позиций, поскольку ономаσιологическая структура данных наименований является изоморфной и состоит из ономаσιологического базиса (ОБ) и ономаσιологического признака (ОП). ОБ фиксирует принадлежность номинируемого явления к классу предметов, признаков, действий [1]. ОП – маркер значимого свойства, положенного в основу процесса именования предмета [Там же]. В рамках ННН ономаσιологическая категория предметности входит в структуру ОП. Выявить данную категорию в структуре ОП позволяет анализ номинативного суждения (НС). НС – это «инструмент познания мотивов возникновения производного наименования» [4, с. 35]. Проанализируем ОС номинации *ветрянки* ‘ветряная оспа’ [14]. НС: *ветрянка* – это болезнь, которую «приносит» ветер. Носитель языка обратил внимание на воздушно-капельный путь передачи заболевания, что и отражено во внутренней форме номинации. ОБ эксплицирован суффиксом -к- (сравните: *водянка, сухотка* и т.д.). ОП – «*ветер (приносит)*».

Анализ НС позволяет следующим образом структурировать ОП нозологических номинаций с предметным компонентом: 1) обобщенный ономаσιологический признак (ООП) по субъекту либо объекту; 2) конкретизированный

ономасиологический признак (КОП) по субъекту-возбудителю/переносчику/носителю/«врачевателю»/органу; по объекту-симптому/причине; 3) частный ономасиологический признак (ЧОП), связанный с конкретным мотивирующим названием. В случае с номинацией *ветрянки* ООП – предмет-субъект, КОП – субъект-переносчик, ЧОП – «*ветер (приносит)*». Представленная подобным образом ОС наименования позволяет детализировать сведения о мотивах его появления, проследить этапы движения мысли языковой личности от общего к частному (от ОБ до ЧОП) в процессе номинативного творчества. Мы считаем, что для типологизации производных нозологических наименований решающее значение имеет КОП, поскольку он, в отличие от ООП, позволяет не только указать на предмет, с которым связано номинируемое заболевание, но и проследить характер этой связи. Так, ООП номинации *ветрянки* указывает на предмет (*ветер*), благодаря чему мы относим данную единицу к субстанциональному типу (то есть категория предметности является определяющей), а анализ КОП дополнительно позволяет установить наличие субъектных отношений в ОС наименования.

Анализ отношений в структуре КОП позволяет квалифицировать последние как отношения субъектности, объектности и детерминантности. Вследствие чего можно говорить о неоднородности субстанционального типа и выделять в его рамках субстанционально-субъектный, субстанционально-объектный и субстанционально-детерминантный подтипы. Обратимся к детальному рассмотрению каждого из них.

Субстанционально-субъектный подтип. К этому подтипу относятся 139 единиц (58 % от общего количества номинаций субстанционального типа): *бесна, болезнь бродяг, младенческая, женская, собачья лихорадка* и т.п. В ОС входящих в данную группу номинаций присутствует указание на предмет-субъект. Рассмотрим данный тезис подробнее.

В ОС таких наименований, как *божественная болезнь, бесна, ворогуша, лихой, от-яго, кума* и т.п., объективируются наивные взгляды носителя языка на природу возникновения заболевания, его этиологию. Болезнь виделась как наказание, испытание, посланное человеку Богом/злыми духами. Потенциальная номинативная модель возникновения подобного рода номинативных единиц, эксплицирующаяся при помощи НС, выглядит следующим образом: «Х – это болезнь, которую *посылает* КТО». Так, *родимчик* ‘припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания’ [15] – это заболевание, которое посылает родимец ‘черт’ [18, с. 491]. В основу появления многих номинативных единиц, входящих в данную группу, положен метонимический перенос «злой дух, посылающий заболевание, – заболевание». Например, *кума* ‘лихорадка’ – это болезнь от кумы; *гостья* ‘болезнь, сопровождаемая сыпью’ – это болезнь от гостьи. Болезнь воспринималась носителем языка как злой дух, поэтому названия болезней типа *тетка, добрая, Гостьица Ивановна, Матушка Осна, кондрашка, родимец* и подобные выполняли табуистическую функцию.

Иногда носителю языка удавалось установить действительного возбудителя либо переносчика заболевания. Так, номинация *мышинная лихорадка*

‘геморрагическая лихорадка с почечным синдромом’, *болезнь «черной кошки»* ‘токсоплазмоз’ и т.п. отличаются от представленных выше характером КОП. Здесь КОП – это субъект-переносчик. ЧОП – «*мыши (приносят)*» и «*черная кошка (приносит)*» соответственно. В ОС наименования *болезнь «черной кошки»* также репрезентированы наивные представления носителя языка: токсоплазмозом можно заразиться от кошки любого окраса.

В основе именования заболеваний, относящихся к предметно-субъектному подтипу, может лежать указание на того, кто помогает излечиться. Номинативная модель: «X – это болезнь, которую *лечит* КТО». Так, гангрена в XI в. носила название *Антонов огонь*. Воспроизвести НС помогают фоновые знания: считалось, что прикладывание к мощам св. Антония способно исцелить от данного недуга. НС: *Антонов огонь* – это огонь, от которого излечивает св. Антоний. ОБ – *огонь*. ООБ – предмет-субъект. КОП – субъект-врачеватель. ЧОП – «*Антоний (лечит)*».

В процессе именования патологического состояния носитель языка мог обратить внимание на то, кто чаще других болел определенным заболеванием. Данную группу формируют наименования *детская чума, столбняк матерей, краснуха натуралистов, чесотка купальщиков, рак трубочиста, узелки доярок, легкое фермера, болезнь моющихся в сауне, болезнь пловцов, армянская болезнь* и т.п. Как видно из представленных названий, в процессе именованиями релевантными могли оказаться возраст, пол, профессия (наиболее частотный признак), социальный статус, национальная принадлежность заболевшего. Номинативная модель: «X – это болезнь, которой *болеет* КТО». Приведем примеры. Подагра раньше была известна как *благородная болезнь, болезнь аристократов, королевская болезнь, болезнь гениев*. Было замечено, что чаще других от данного недуга страдали люди, принадлежащие к благородному сословию. Позже установили, что причина появления подагры – образ жизни заболевших: употребление в пищу большого количества мяса и алкогольных напитков. НС: *благородная болезнь* – это болезнь, которой болеют благородные. ОБ – *болезнь*. ООП – предмет-субъект. КОП – субъект-носитель заболевания. ЧОП выражен субстантивированным прилагательным *благородные*.

Именование патологического состояния могло базироваться на первом известном описании заболевших субъектов. Например, легионеллез известен также как *болезнь легионеров* [14]. Название связано со вспышкой данного заболевания среди участников съезда Американского легиона в 1976 году. НС: *болезнь легионеров* – это болезнь, которой заболели легионеры. ОБ – *болезнь*. ООП – предмет-субъект. КОП – субъект-носитель заболевания. ЧОП – «*легионеры (заболели)*».

Наименования *болезнь кишок, глотошная болезнь, грудница, душевная болезнь, катар желудка, костовик, поясничный чемер, водянка сустава* и т.п. также относятся к субстанционально-субъектному подтипу, однако отличаются от вышеперечисленных примеров характером КОП: здесь КОП указывает на пораженный заболеванием орган/часть тела человека, которые болят. Номинативная модель: «X – это болезнь, при которой *болит* ЧТО». Так, *горлянка* ‘скарлатина’ – это болезнь, при которой болит горло. ОБ экспли-

цируется суффиксом *-к-*. ООП – предмет-субъект. КОП – субъект-часть тела. ЧОП – «*горло (болит)*». Недостаток знаний носителя языка в области анатомии и физиологии не всегда позволяли ему точно определить поражаемый болезнью орган. Например, номинация *сердечная болезнь* обозначала не только кардиологические, но и гастроэнтерологические заболевания [19]. Наименования, входящие в данную группу, часто носят обобщающий характер, являются многозначными. Так, номинация *глазная болезнь* обозначает фактически любое офтальмологическое заболевание. В основе многих наименований предметно-субъектного типа лежит метонимический перенос «пораженный орган/часть тела – заболевание». Сравните: *дна* ‘болезнь матки’ – *дна* ‘матка женщины’ [18, с. 517].

Таким образом, ООП наименований, формирующих субстанционально-субъектный подтип, указывает на субъект, в то время как КОП номинаций, формирующих данный подтип, может быть пяти видов: возбудитель, переносчик, врачеватель, носитель заболевания, орган/часть тела. ЧОП отличается у каждой конкретной единицы.

Субстанционально-объектный подтип. К этому подтипу относится 64 единицы (26 % от общего количества номинаций субстанционального типа): *бубонная чума, бугорчатка, гнойник, водянка, узловатый лишай* и т.п. В эксплицируемых НС данных номинаций присутствуют компоненты, указывающие на то, что заболевание получило свое название по сопутствующему симптому. Номинативная модель: «X – это болезнь С ЧЕМ». ОС наименования *кровавая утроба* ‘дизентерия’ выглядит следующим образом: ОБ – *утроба* в значении ‘живот, брюхо, чрево’ [16]. ООП – предмет-объект. КОП – объект-симптом. ЧОП – «*с кровью*». *Глисты* ‘гельминтоз’. НС: *глисты* – это заболевание с глистами. ООП – предмет-субъект. КОП – субъект-возбудитель. ЧОП – «*с глистами*».

Субстанционально-детерминантный подтип. К данному подтипу относится 40 единиц (16 % от общего количества номинаций субстанционального типа): *болезнь кошачьих царапин, соломенная чесотка, зерновая чесотка, прививочная желтуха* и т.п. Носителем языка оказалась замеченная связь между возникновением заболевания и контактом заболевшего с каким-либо предметом окружающего мира. Номинативная модель: «X – это болезнь, которая *возникает ИЗ-ЗА КОГО/ЧЕГО*». Например, номинация *сенная лихорадка*. Именуемое заболевание возникает в результате воздействия на организм человека грибковой флоры заплесневелого сена. НС: *сенная лихорадка* – это лихорадка, которая возникает из-за сена. ОБ – *лихорадка* (сравните: *мышинная лихорадка* и т.д.). ООП – предмет-объект. КОП – объект-причина. ЧОП – «*из-за сена*». ЧОП номинаций *болезнь грязных рук, ветряной перелом, лунатизм, алюминиевое легкое, болезнь крысиного укуса, шприцевая желтуха* указывают на грязные руки, ветер, луну, алюминий, крысиный укус, шприц как причины появления таких заболеваний, как дизентерия, сальмонеллез, лямблиоз, ОРВИ, сомнамбулизм, алюминоз, сприллез, гепатит В. В основе именования некоторых из приведенных выше номинаций также лежат суеверные взгляды на природу возникновения заболеваний (*лунатизм* и т.д.).

Таким образом, в ходе ономаσιологического анализа был исследован субстанциональный номинативный тип производных нозологических нетерминологических наименований, объективирующих категорию предметности. В количественном отношении единицы данного типа составляют 26 % от общего числа ННН. Установлено, что субстанциональный тип неоднороден по составу (таблица), его формируют три подтипа: субстанционально-субъектный, субстанционально-объектный и субстанционально-детерминантный. В основу выделения данных подтипов легли различия КОП номинаций.

Субстанциональный номинативный тип нетерминологических
нозологических наименований

№ п/п	Подтип	Номинативная модель	Примеры	Кол-во единиц в рамках подтипа
1	Субстанционально-субъектный подтип (58 % от всех единиц субстанционального типа)	1) X – это болезнь, которую <i>посылает</i> КТО	<i>ворогуша, бесна</i>	15 % (21 ед.)
		2) X – это болезнь, которую <i>переносит</i> КТО	<i>кроличья лихорадка, мышьяная лихорадка</i>	10 % (14 ед.)
		3) X – это болезнь, которую <i>лечит</i> КТО	<i>Антонов огонь</i>	2 % (3 ед.)
		4) X – это болезнь, которой <i>болеет</i> КТО	<i>болезнь бродяг, женская</i>	27 % (37 ед.)
		5) X – это болезнь, при которой <i>болит</i> ЧТО	<i>головник, грудница</i>	46 % (64 ед.)
2	Субстанционально-объектный подтип (26 % от всех единиц субстанционального типа)	X – это болезнь С ЧЕМ	<i>водянка, кровавая утроба</i>	100 % (58 ед.)
3	Субстанционально-детерминантный подтип (16 % от всех единиц субстанционального типа)	X – это болезнь, которая <i>возникает</i> ИЗ-ЗА ЧЕГО	<i>ветряной перелом, пороховая болезнь</i>	100 % (40 ед.)

Из представленных в таблице данных следует, что наиболее значимой в процессе именованя оказалась информация о пораженных болезнью части теле/органе человека, а также о симптоме, сопутствующем заболеванию. Менее значимой – о том, кто лечит данное заболевание или является его переносчиком.

Анализ показал, что характер КОП позволяет не только судить о понятийно-смысловых связях в ономаσιологической структуре ННН, но и проникать в ментальность носителей языка. Именно на уровне КОП проявляются особенности картины мира носителей языка, в частности, объективируются наивные взгляды на природу патологических процессов, происходящих в организме человека. Ономаσιологический анализ позволил установить, что носитель языка персонифицировал болезнь. Взгляды на этиологию заболевания зачастую носили суеверный характер. Такое видение, вероятно, обусловлено сочетанием языческих и христианских представлений человека о природе болезни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языковая номинация. Общие вопросы / А. А. Уфимцева [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – 360 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
3. Раевская, О. В. К вопросу об ономаσιологических категориях / О. В. Раевская // Филол. науки. – 1999. – № 1. – С. 22–28.
4. Трофимович, Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности / Т. Г. Трофимович. – Минск : БГПУ, 2003. – 223 с.
5. Михалевич, М. М. Типы композитных предметных наименований в русском и английском языках: ономаσιологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. М. Михалевич. – Минск, 2017. – 25 с.
6. Дерунова, А. А. Названия документов в русском деловом языке 11–17 вв.: становление и развитие номинативной категории, типы наименований : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. А. Дерунова. – Минск, 2015. – 24 с.
7. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
8. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980–1982 – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 1980. – 783 с.
9. Савельева, О. С. Структура категориального значения предметности [Электронный ресурс] / О. С. Савельева. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-kategorialnogo-znacheniya-predmetnosti>. – Дата доступа : 29.03.20.
10. Кожевникова, А. А. Типология сложных наименований со значением предметности в памятниках русской письменности XI–XII вв. (ономаσιологический аспект) [Электронный ресурс] / А. А. Кожевникова. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/40146/1/kozhevnikova.pdf>. – Дата доступа : 29.03.20.
11. Меркулова, В. А. Народные названия болезней, I (на материале русского языка) [Электронный ресурс] / В. А. Меркулова. – Режим доступа : <http://www.ruslang.ru/doc/etymology/1967/17-merkulova.pdf>. – Дата доступа : 29.03.2020.

12. *Абрамова, Г. А.* Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития / Г. А. Абрамова. – Краснодар : КубГУ ; Об-во любителей рос. словесности, 2003. – 246 с.
13. *Акимова, Е. А.* Аксиологический компонент народных названий болезней / Е. А. Акимова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2002. – № 2. – С. 5–9.
14. Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс] / Б. А. Петровский [и др.]. – Режим доступа : <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/>. – Дата доступа : 29.03.2020.
15. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>. – Дата доступа : 29.03.20.
16. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : <https://www.lit-mir.me/br/?b=88556&p=1>. – Дата доступа : 29.03.2020.
17. Словарь воровского жаргона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovar.cc/sleng/vor/2486226.html>. – Дата доступа : 29.03.2020.
18. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 1. – 576 с.
19. *Попов, Г. И.* Русская народно-бытовая медицина : по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903. – 404 с.

The article pioneers the onomasiological analysis and typological description, from the point of view of the nomination theory, of Russian derivative non-terminological nosological names that objectivize the category of substantivity. In the analysis of the nominative judgment of nosological units, an onomasiological feature is structured, according to which, within the framework of the substantive nominative type, the substantial-subjective, substantial-objective and substantial-determinant subtypes are identified and characterized.

Поступила в редакцию 31.03.2020

А. И. Цупа

ПРИЧИНЫ УСЛОЖНЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА В РУССКОМ РАЗГОВОРНОМ ДИАЛОГЕ

В статье рассмотрены наиболее частотные причины усложнения диалогического единства, а также возможные корреляции между ними и структурными типами сложного диалогического единства. Выявлена связь структурной модели сложного диалогического единства с позицией реплики, обеспечивающей усложнение.

В последние десятилетия одним из приоритетных направлений исследований диалога является изучение *диалогического единства* (ДЕ) как одной из конституирующих его единиц [1; 2; 3; 4]. При этом активно ведется изучение не только простых, бинарных, но и сложных ДЕ [5; 6; 7; 8; 9], под которыми,

вслед за С. М. Поляковым, мы понимаем «структурно-семантическую единицу диалогического текста, состоящую из трех и более компонентов, примыкающих к единому смысловому центру и взаимообусловленных семантически, структурно и коммуникативно» [7]. Несмотря на интерес к таким единствам, не решенным остается ряд вопросов, связанных со структурой сложного диалогического единства и причинами его усложнения. Предметом нашего исследования являются наиболее частотные причины усложнения диалогического единства, а также возможные корреляции между ними и структурными моделями сложных ДЕ.

В результате проведенного исследования на материале 200 сложных ДЕ, отобранных из издания [10], а также из Национального корпуса русского языка, было установлено, что причины усложнения могут возникать на разных этапах развития диалога. Рассмотрим эти причины подробнее.

1. Адресат не расслышал высказывание (или части высказывания) адресанта. Для восприятия информации на этапе произнесения высказывания адресат должен распознать его акустически. Нарушение канала связи приводит к тому, что прием информации не может состояться. Для демонстрации того, что адресат не расслышал высказывание и тем самым не получил информацию, служат реактивные реплики *А?*, *Что?* и т.д., требуя таким образом его повторения:

А. Не включается?

Б. А?

А. Не включается?

Б. Ну он разряжен наверно щас.¹

Адресат, не расслышав реплики адресанта, делает запрос на его повтор, и тот, в свою очередь, полностью или частично дублирует первую реплику.

2. Адресат не понял высказывание (или части высказывания) адресанта.

Непонимание, в свою очередь, может быть вызвано различными факторами (разработкой классификаций и типологий коммуникативных неудач на различных основаниях занимались такие исследователи, как О. П. Земская, Е. А. Ермакова, Н. И. Формановская, Л. Л. Славова и др.). Очевидно, что желание/потребность коммуникантов преодолеть коммуникативную неудачу закономерно приводит к усложнению ДЕ. Например:

А. Ходите ли святить вербочку на Вербное?

Б. Да как же. Ещё у меня вон на окне стоит. Сватила. Приносили. Ну, щас нет – раньше ей корову провожали. Чтоб корова в стаду выгоняют и по крестцу, провожают. А щас ни коровы, ничего.

А. А как это по крестцу?

Б. Ну, выгоняют с двора – то, а вот коровья – то крестовина – то, где хвост повыше – то. Ну и тут её провожают так.

¹ Примеры приведены с сохранением оригинальной пунктуации и орфографии из Национального корпуса русского языка и издания [10].

В данном случае к усложнению ДЕ привело непонимание значения словосочетания *по крястицу* в реагирующем высказывании, что и привело к запросу на толкование данного словосочетания.

3. Недостаточная информативность реплик, что подразумевает их содержательную неполноту. В данном случае могут возникать информационные лакуны, в заполнении которых нуждается адресант. Дефицит информации в реплике восполняется уточняющим вопросом, апеллирующим к диктуму высказывания. Например:

А. Который час?

Б. Без четверти.

А. Чего?

Б. Два.

В отличие от предыдущих контекстов, ответная реплика *Без четверти* абсолютно понятна, однако является информационно недостаточной, что провоцирует уточнение или дополнение.

4. Тематическое развитие (развертывание). Одним из свойств сложного ДЕ является тематическое единство его компонентов, которое достигается путем неотклонения от темы обоих коммуникантов. Развертывание темы в ДЕ может осуществляться при помощи различных уточняющих вопросов, переспросов, а также независимых вопросов по теме. Например:

А. А щас ты что читаешь?

Б. Текст.

А. А-а! Ну и как? Трудно?

Б. Да нет. Я прочитала, и всё поняла. Даже сама удивилась.

А. Ну а слов-то незнакомых много?

Б. Слов шесть. Ну он же (текст) большой.

А. Тада не удивительно, что поняла. Шесть слов это немного, можно в словарь не лазить. Так можно догадаться. Ну хорошо. Молодец.

Причиной усложнения ДЕ выступает развитие темы с помощью дополнительных вопросов *Ну и как?*, *Трудно?* и т.д.

5. Интерпретация информации, содержащейся в высказывании, как неожиданной, предполагает, что уточняющий вопрос апеллирует к диктуму:

Т. (делится рецептом) Я шарлотку прямо на сковородке пеку.

Б. (с удивлением) Получается?

Т. Щас яблок много падает. И я на небольшом огоньке. Получается.

6. Интерпретация информации, содержащейся в высказывании, как маловероятной. В случае, когда информация, содержащаяся в иницирующей или реагирующей реплике, интерпретируется как маловероятная, уточнение апеллирует к модусу высказывания:

А. Это не мальчик?

Б. Нет.

А. Ты уверен?

Б. Абсолютно.

Интересно отметить определенную корреляцию между причиной усложнения ДЕ и диктумом/модусом высказывания. Так, реплики, усложняющие ДЕ по причине малоинформативности высказывания, интерпретации информации как неожиданной, непонимания, или когда адресант не расслышал реплику, апеллируют к диктуму высказывания. В то же время реплики, усложняющие ДЕ по причине интерпретации информации как маловероятной, апеллируют к модусу высказывания.

7. Намерение слушающего поддержать диалог посредством метакоммуникативных единиц, функционирующих в качестве сигналов обратной связи. Данные единицы осуществляют управление коммуникативной активностью собеседника, регулируют тематические компоненты коммуникативной ситуации и служат для демонстрации участниками коммуникации своей включенности в коммуникативный процесс. К таким единицам относят языковые единицы, заполняющие паузы хезитации (ммм, э и т.д.), союзы и наречия (*и?*, *и что?*, *ну и что?*), слова-предложения *да?/нет?* и пр. [14]. Например:

Д. А то я знаешь чего? Я щас шла это самое... в метро.

М. Угу.

Д. и купила-а... билеты на балет «Корсар».

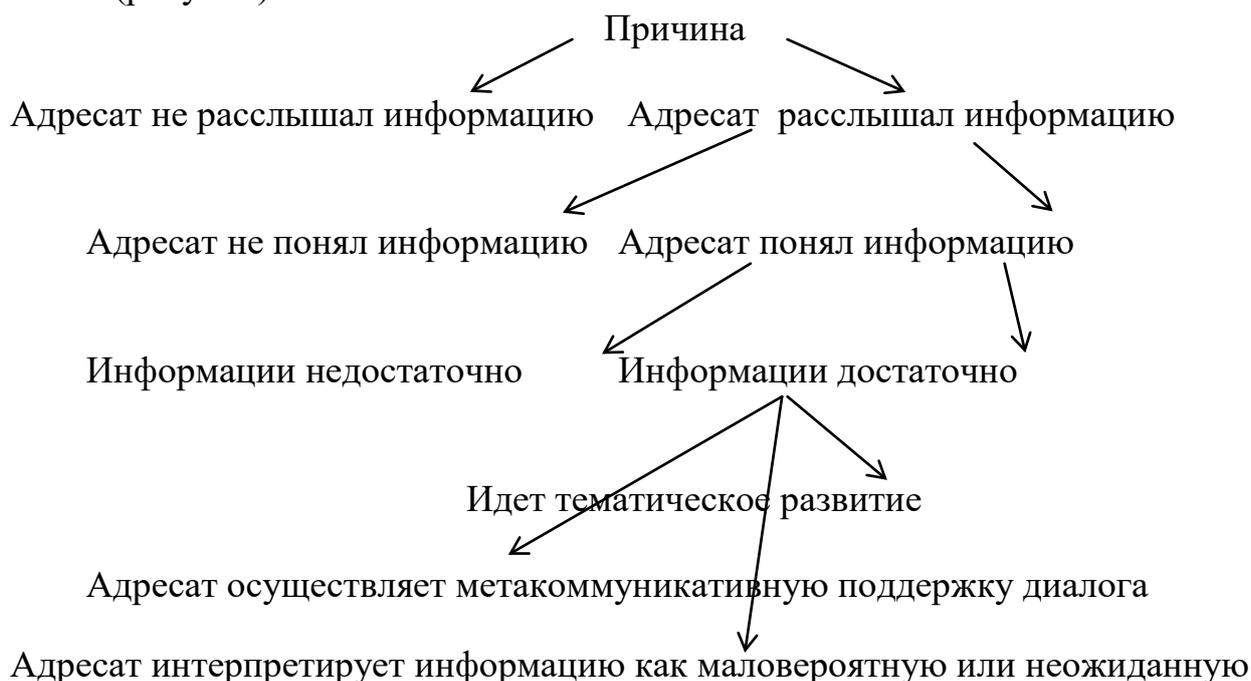
М. Да-а?

Д. На десятое.

М. (очень тихо) М-м, жалко.

Усложнение ДЕ произошло за счет такого междометия, как *угу*, и слова-предложения *да?* в ответ на реактивные реплики. Данные типы реплик направлены как на поддержание коммуникации, так и на демонстрацию отношения адресата к тематическому содержанию репликового шага.

Таким образом, причины усложнения ДЕ можно представить схематично (рисунок).

Причины усложнения диалогического единства

Существенным вопросом является наличие или отсутствие корреляций между причинами усложнения ДЕ и его структурными моделями. В этой связи значима работа Л. Голетиани, которая выделила несколько видов непонимания, представленных в диалоге с коммуникативной неудачей, и структурные модели таких диалогов. С учетом того, что коммуникативная неудача может быть многоходовой, структурные модели многокомпонентных ДЕ могут быть сложными и различаться типами взаимодействия компонентов такого ДЕ (тип пересечения, включения, следования) [15]. Выявленные автором взаимосвязи структурного типа ДЕ и типа коммуникативной неудачи касаются только так называемых усложненных (смешанных) моделей ДЕ в случае возникновения непонимания в диалоге, в данном же исследовании мы рассмотрим все аспекты возможных усложнений.

Все многообразие структурных моделей может быть обобщено в классификации структурных типов сложного ДЕ О. Н. Чаловой, которая выделяет бинарный, цепочечный, прерывающийся и смешанный типы. В процессе анализа с целью установления каких-либо существующих взаимосвязей между причинами усложнения ДЕ и структурными моделями, которые образуются в результате действия данных причин, было обнаружено, что четких корреляций между причинами усложнения и структурными моделями нет. Однозначная взаимосвязь наблюдается лишь в случае желания слушающего поддержать диалог, что чаще всего приводит к образованию бинарной структурной модели организации сложного ДЕ. Что касается других причин, то вопрос заключается в том, на каком шаге возникает коммуникативный сбой. Если причина усложнения содержится в иницирующей реплике, то усложнение реализуется по прерывающейся и цепочечной моделям организации ДЕ. Бинарный структурный тип усложнения ДЕ возможен лишь в том случае, если причина усложнения локализуется в реактивной реплике.

Приведем пример усложнения ДЕ из-за недостатка информации, содержащейся в иницирующей реплике. В таком случае развитие усложнения возможно по двум моделям: цепочечной и прерывающейся. Рассмотрим случай усложнения ДЕ по прерывающейся модели:

- (1) *А. А если я поеду в этих, озябну?*
- (2) *Б. В чем?*
- (3) *А. Вот в ботинках.*
- (4) *Б. По-моему лучше в сапогах. Холодно.*

Признаком прерывающейся структурной модели является то, что в одну пару иллокутивно согласующихся реплик (1–4) «вклинивается» другая пара реплик (2–3), образуя тем самым сложное ДЕ.

В случае усложнения ДЕ по той же причине структура такого ДЕ может организоваться по цепочечной модели:

- А. Еду мама даже наготовила.*
- Б. Да? Какую? Грибной суп, твой любимый?*

А. Нет. Картошку с мясом. Ну как бы не картошку с мясом, ну как рулет.

В данной цепочечной структурной модели сложная промежуточная реплика (*Да? Какую? Грибной суп, твой любимый?*) носит синкретичный характер (т.е. совмещает в себе функции стимула и реакции).

Следующий пример иллюстрирует усложнение ДЕ по причине интерпретации информации, содержащейся в высказывании, как маловероятной или неожиданной, и ДЕ развивается по цепочечной модели организации:

Т. (соседке Б.) Я сегодня собираюсь в Москву, в полседьмого.

Б. (с удивлением) Чего это вдруг?

Т. За тарой. Хочу сливы собрать.

Промежуточная реплика (*Чего это вдруг?*) данной цепочечной модели является одновременно реакцией на предыдущую реплику и стимулом для последующей.

Аналогично дело обстоит и с тематическим развитием ДЕ:

А. (мужу) Позвони деду (отцу Б.), скажи, чтоб в воскресенье приезжали. У меня в субботу не получается.

Б. Ладно. К четырём?

А. К четырём.

Реактивная реплика (*Ладно. К четырём?*) представляет собой объединение двух компонентов, один из которых (*Ладно.*) является реакцией на предыдущую реплику-стимул, а другой компонент (*К четырём?*) – стимулом для последующей реакции.

Если же коммуникативный сбой, приведший к усложнению ДЕ, располагается в реагирующем высказывании, то, независимо от причины усложнения, ДЕ организуется по бинарной модели. Приведем пример усложнения ДЕ по причине непонимания реактивного высказывания:

(1) *А. Так, сюда хватит или в другую сложить?*

(2) *Б. А я не знаю, сколько у тебя народу-то будет.*

(3) *А, Нет, я говорю, на две вазочки или на одну вазочку класть?*

(4) *Б. Я тебе про это и говорю, будет много народу – на две, мало – значит на одну сложишь меньше... меньше тебе занимать будет.*

Бинарная структурная модель сложного ДЕ предполагает употребление смежных пар иллюкутивно согласующихся реплик (1–2, 3–4). Как правило, эти пары строятся по модели «вопрос – ответ».

Соответственно, если усложнение произошло по причине того, что адресат не расслышал ответную реплику, то сложное ДЕ организуется также по бинарной модели:

А. Какое сегодня число, а?

Б. По-моему 11.

А. А?

Б. Одиннадцатое, полмесяца прошло.

А. А?

Б. Полмесяца прошло.

Усложнение возникает за счет переспроса реплик, не расслышанных собеседником.

Среди исследуемых сложных диалогических единств широко представлены ДЕ со смешанной структурной моделью, которые сочетают несколько структурных типов, соответственно, такие ДЕ могут содержать одновременно несколько причин усложнения:

А. А ты откуда эти слова взял? А?

Б. Что?

А. Откуда ты эти слова взял?

Б. Какие?

А. Насчет справки.

Б. Справки?

А. Сам придумал.

Б. Нет, ты брось.

А. Честно.

Б. Ну, ладно....

В примере наблюдается усложнение, вызванное несколькими причинами, а именно первой причиной является, то, что собеседник не расслышал вопроса и сделал запрос на его повтор, выраженный репликой *Что?*. Второй и третьей причинами выступает непонимание информации, содержащейся в предыдущих высказываниях.

Таким образом, спектр причин, вызывающих усложнение ДЕ, весьма широк и связан не только с недостаточным/неточным восприятием как акустической, так и смысловой стороны высказывания, но и с модальными/диктальными его сторонами. При этом было установлено, что организация сложного ДЕ по структурным моделям зависит не столько от причины усложнения, сколько от позиции реплики, обеспечивающей усложнение ДЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блох, М. Я.* Вопросы изучения грамматического строя языка / М. Я. Блох. – М.: МГПИ им. В.И.Ленина, 1976. – 107 с.
2. *Михайлов, Л. М.* Принципы коммуникативно-прагматического конструирования диалогической речи / Л. М. Михайлов // Диалог глазами лингвиста. – Краснодар, 1994. – С. 29–34.
3. *Шведова, Н. Ю.* Очерки по синтаксису разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 337 с.
4. *Агапова, С. Г.* Прагматический аспект английской диалогической речи: дис... д-ра филол. наук: 10.02.19 / С. Г. Агапова. – Ростов-н/Д., 2003. – 269 л.
5. *Вохрышева, Е. В.* Специфика и структура диалогических единств с идентифицирующим вопросом : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Вохрышева. – Л., 1990. – 16 с.
6. *Чалова, О. Н.* Структурная и лингвопрагматическая организация устной научной дискуссии (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. Н. Чалова. – Минск, 2013. – 116 л.
7. *Поляков, С. М.* Сложное диалогическое единство с односторонней организацией (на материале британского варианта английского языка) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. М. Поляков. – М., 1985. – 184 л.

8. *Мартыненко, Т. И.* Диалогическое единство: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. И. Мартыненко. – Ростов н/Д., 2005. – 170 л.
9. *Маркина, Л. С.* Конструктивный анализ четырехчленного диалогического единства (на материале англ. яз.) / Л. С. Маркина. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1973. – 39 с.
10. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1978. – 307 с.
11. *Ермакова, О. П.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 90–157.
12. *Формановская, Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М., 2007. – 480 с.
13. *Славова, Л. Л.* Типология коммуникативных неудач (на материале соврем. англ. речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. Л. Славова. – Киев: Киев. гос. лингвист. ун-т, 2000. – 19 с.
14. *Синицына, А. Н.* Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Н. Синицына. – СПб., 2005. – 223 л.
15. *Голетиани, Л.* Коммуникативная неудача в диалоге / Л. Голетиани. – Мюнхен, 2003. – 412 с.

The article is devoted to the study of the most frequent causes of a dialogic unity complication, as well as the identification of possible correlations between the causes of complication and the structural type of a dialogic unity. The analysis revealed a connection between the structural model of a complex dialogic unity and the position of the remark, providing complexity.

Поступила в редакцию 09.04.2020

А. Р. Чернецкий

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ ОСКОРБЛЕНИЯ В ПРЕДКОНФЛИКТНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (на материале французского и белорусского языков)

В статье рассмотрены языковые средства реализации речевых тактик оскорбления в предконфликтных ситуациях общения на французском и белорусском языках. Выражение этих тактик анализируется через вербальные и социальные компоненты коммуникативных ситуаций, влияющие на прагматический потенциал используемых языковых средств воздействия на собеседника.

В большинстве современных лингвистических исследований речевые конфликты анализируются с позиции говорящего. Однако следует учитывать и фактор адресата, т.е. «исследовать речевое взаимодействие коммуникантов» [1, с. 82].

Анализ научной литературы показал, что комплексных сопоставительных исследований вербализации тактики оскорбления в предконфликтных коммуникативных ситуациях на материале французского и белорусского языков до сих пор не проводилось.

В данном исследовании прагмалингвистический анализ реализаций тактики оскорбления на французском и белорусском языках построен на изучении конфликтных коммуникативных ситуаций в *предконфликте*.

Использование речевых стратегий конфронтации в рамках изначально неконфликтной коммуникативной ситуации может перевести ее в конфликтную. Такую потенциально конфликтную ситуацию общения мы будем называть *предконфликтной*. Ее характерной особенностью является то, что при вступлении в коммуникацию речевое взаимодействие развивается по неконфликтному типу, и лишь какое-либо высказывание одного из участников диалога вынуждает другого прибегнуть к смене стратегии кооперации на стратегию конфронтации.

Понятию *оскорбление* толковый словарь дает следующее определение: оскорбляющий поступок, оскорбляющие слова (например, *осыпать оскорблениями, тяжкое оскорбление*) [2, с. 453]. В рамках данного исследования будут рассматриваться только случаи употребления тактики вербального оскорбления.

Прагматически тактика оскорбления направлена на то, чтобы выразить противоречия во взаимоотношениях собеседников, показать адресату презрение и неуважение, произнести в его адрес слова, задевающие его самолюбие. Ее воздействующий эффект – вызвать у адресата чувство обиды за посягательство на его честь и достоинство, а также соответствующую реакцию на это. Тактика оскорбления обладает наивысшим конфликтным потенциалом, ее употребление часто приводит к усугублению существующей конфликтной коммуникативной ситуации либо к перерастанию предконфликтной ситуации в настоящий конфликт.

Стратегия конфронтации может реализовываться с помощью языковых средств, выражающих негативные эмоции по отношению к собеседнику, таких как инвективы, оскорбления [3]. Угрозы и оскорбления – это «самый откровенный из всех типов вербальной агрессии». При этом могут использоваться «инвективы, нецензурные слова, слова с отрицательным переносным и эмоционально-окрашенным значением». Вербальный агрессор зачастую в своих высказываниях обесценивает опыт, достижения, чувства и переживания партнера [4, с. 105].

Речевая агрессия предполагает использование речевых средств, наносящих боль, оскорбления. Это могут быть негативные отзывы и критические замечания, выражение отрицательных эмоций (недовольства другими, затаенной обиды, недоверия, ярости, ненависти) в форме брани; высказывание мыслей и желаний агрессивного характера; упреки, обвинения; угрозы [5, с. 109].

Вербальная агрессия может выражаться в форме шуток или насмешек. «В основном это унижительные комментарии, направленные против личности речевого партнера и его интеллектуальных способностей или компетенции» [4, с. 105].

Обратимся к реализациям тактики оскорбления во французском и белорусском языках (извлеченным из современной художественной литературы реалистического жанра).

Проявление умственных или физических недостатков одного коммуниканта в ситуации общения (речевой и неречевой конфликтогены соответственно) может стать объектом *оскорбления-насмешки* со стороны его собеседника.

La voiture s'arrêta devant une grille au dessin majestueux.

– *Donne, dit Rémy.*

Il voulut ouvrir lui-même. Les gonds étaient rouillés. Il poussa vainement de toutes ses forces. Son oncle descendit.

– *Laisse ça, mauviette.*

La grille céda devant lui et il reprit le volant, sans se presser [6, p. 49–50].

Дядя с племянником Реми подъезжают на машине к воротам дома. Реми выходит из машины и изо всех сил пытается открыть заржавевшую решетку, но она не поддается. Ему на помощь приходит дядя и, чувствуя свое превосходство в силе и искренне веря, что ему удастся открыть решетку, просит племянника посторониться (*Laisse ça 'Оставь это мне'*), называя его *mauviette* 'слабаком'. Прямое *оскорбление-обращение* с номинацией реальных физических характеристик адресата (в данном случае – силы) вдвойне успешно, так как подтверждается последующим действием говорящего: дядя справляется с воротами и, вновь демонстрируя свое превосходство, с видом победителя медленно садится в машину.

Аднойчы на перапынку Вера сказала:

– *Давайце пойдзем да старшыні калгаса. Пра свінарнік спытаем... Колькі ён будзе стаяць на беразе Гайны? Абяцалі знесці – і не зносяць... А жыжжа цякла ў раку і цячэ...*

– *Табе больш за ўсіх трэба – ты і напамінай, – Ядзя... кліва прыжмурыла свае чорныя вочкі... Ой-ёй-ёй, задавака! Ленш бы сваё рабацінне адмыла... царэўна-лебедзь...*

– *Прыдуркі! – не вытрымала Вера і выбегла за дзверы* [7, с. 256–257].

Оскорбление часто используется вместо или совместно с императивом при обращении к лицу с более низким статусом для подчеркивания статусных различий между коммуникантами.

– *On va le foutre dans le placard, chef, propose le second policier...*

– *Tu as raison, bonne idée! On verra pas sa sale gueule, acquiesce le grand brun aux dents de loup. Allez, ouste, charogne, dans le trou noir...*

Raphanaud est poussé dans la petite penderie. Les deux gestapistes lui attachent les poignets avec des menottes à la tringle des portemanteaux [8, p. 98–99].

Два гестаповца захватывают борца Сопротивления Рафано на явочной квартире, и один из них предлагает старшему по званию временно запереть Рафано (*On va le foutre dans le placard, chef* 'Запрет его в стенном шкафу, шеф').

Командир соглашается, добавляя, что это надо сделать (*On verra pas sa sale gueule* ‘**Чтобы не видеть его мерзкую рожу**’). Обращаясь к задержанному, гестаповец подгоняет Рафано (*Allez, ouste* ‘**Вперед**’), называя его *charogne* ‘**падаль**’, и запирает в шкафу. В речи офицера гестапо присутствуют два оскорбления: метонимическое *sale gueule* ‘**мерзкая рожа**’ и прямое оскорбление-обращение *charogne* ‘**падаль**’. Оба оскорбления уместны в коммуникативной ситуации с нисходящим статусным вектором, передают пренебрежение говорящего к адресату и его превосходство над ним, а также выполняют функцию побуждения.

– *Хто табе [шарфюрэру] дазволіў браць рускіх у «аўзэнкомандо»?*

– *Ніхто, гэр штандартфюрэр!*

– *Здаць зброю дзяжурнаму і над арышт! Заўтра я да цябе, надраная ты галёша, дабяруся, пачакай!.. Будзеш ты вошай цяпер карміць у аконах, падла смярдзючая!* [9, с. 54].

В неконфликтном общении двух родственников или просто хороших знакомых с оскорбления-обращения снимается всякая конфликтная направленность.

– *On s’arrête là. Assieds-toi.*

– *D’accord! Un peu de gnôle, d’abord!*

– *Ma gnôle, c’est du gin.*

Anthime ricane et se met à tousser...

– *Tu me fais rigoler avec ton gin, dit-il.*

– *Mais non, crétin! Je préfère le gin au marc; voilà tout.*

Anthime regarde Philippe avec sympathie... En s’adressant à lui de cette manière, Philippe flatte son orgueil de sexagénaire... On lui parle comme à un jeune homme... [10, р. 116–117].

Антим и его молодой инструктор Филипп останавливаются в горах на привал по предложению Филиппа (*On s’arrête là. Assieds-toi* ‘Остановимся здесь. Садись’). Антим просит немного спиртного, прежде чем продолжить путь (*Un peu de gnôle, d’abord!* ‘Но сначала немного выпьем!’). Когда Антим слышит, что инструктор взял с собой только джин, ему становится смешно (*Tu me fais rigoler avec ton gin* ‘Ты меня смешишь своим джином’). Филипп объясняет, что больше любит водку (*Je préfère le gin au marc* ‘**Я просто предпочитаю джин водке**’), и называет Антима *crétin* ‘**дурачок**’. Антим не обижается, так как ему нравится доверительное отношение молодого человека к нему – старику (*Philippe flatte son orgueil de sexagénaire* ‘Филипп льстит самолюбию шестидесятилетнего старика’). Тактика оскорбления (*crétin* ‘**дурачок**’) используется здесь в общении хорошо знакомых людей с целью эмоционального сближения с партнером по коммуникации и не реализует стратегию конфронтации.

– *Ды разумей ты, дурыла, – ушчуваў Корбута сябар, – што сваім цюхцяйствам ты нічога не дакажааш! Дзяўчаты любяць рашучых, настойлівых людзей, як Віктар...*

– *Не ўспамінай пры мне яго імя! – выбухаў Корбут.*

– *Добра, не буду, – згаджаўся Віконт... [11, с. 249–250].*

В предконфликтных коммуникативных ситуациях *оскорбление* может выражаться в неявной форме с помощью стилистического приема антифразы (иронии) и/или непрямого обращения к объекту оскорбления.

– *Bonjour, monsieur.*

– *Et ton copain, il ne vient pas?*

– *Si, il va descendre.*

– *Il a pas l'air de courir après la besogne, celui-là!*

Enrique descendait l'escalier. Se tournant de son côté, le patron lança:

– *Tiens, voilà le courageux. Il arrive quand c'est fini... [12, p. 49–51]*

Ранним утром, когда все уже были готовы ехать на виноградники, главный винодел подзывает к себе Пабло (*Venez par là!* ‘Идите сюда!’), одного из двух молодых наемных работников, и интересуется, почему не приходит его товарищ Энрике (*Et ton copain, il ne vient pas?* ‘А твой приятель не идет?’). Видя, что Энрике неспешно спускается по лестнице, хозяин, фактически обращаясь к нему с укором, формально реализует направленное на третье лицо ироническое оскорбление (*Tiens, voilà le courageux* ‘**А вот и наш смельчак**’). Такая ненаправленная адресация (благодаря указательной частице *voilà* ‘а вот и’) косвенного оскорбления-насмешки (ввиду использования приема антифразы) предназначена для смягчения негативного воздействующего эффекта и обычно используется во избежание перерастания предконфликтной коммуникативной ситуации в собственно конфликтную.

– *Ты надрукаваў на ксераксе тысячу экзэмпляраў нікчэмнага вершыка і паслаў ва ўсе выданні, ад «Правды» да апошняй раёнкі. Дзе ж этыка?*

– *Якая этыка?.. Толькі пікні, дык цябе першага, як стану самым галоўным у вашым Саюзе, адтуль выганю!*

Юзя казаў так, і было незразумела: жартуе ці не?

– *А што, – уздыхнуў паэт, – у наш час усё можа быць. ...Толькі, скажу табе, напаякалега, зараз многія табе падобныя, ды і іншыя, спяць і ба-чаць, як зганьбіць наш Саюз... Так і ты, дай табе толькі ўладу.*

– *Смейся, смейся, – не крыўдзіўся Юзя. – ...Гэта ты ад бяссілля... [13, с. 422–423].*

Употребление в пределах одного высказывания нескольких однородных тактик конфронтации обычно усиливает их эффективность.

Cueilli par la lumière crue des lampadaires qui inondent la pièce, Raphanaud cligne douloureusement des yeux.

– *Bon sang! Raphanaud! lâche nerveusement Vidal en reconnaissant la silhouette trapue de l'homme au pull-over.*

Le traître... bondit sur ses courtes jambes pour tenter d'échapper aux regards du prisonnier. Le Troyen voit le manège désespéré et fixe durement le petit homme.

– *C'est bien toi, mon salaud! On ne peut pas oublier une pareille ordure de pourri...*

Une vigoureuse bourrade dans les côtes stoppe net les menaces du résistant [8, p. 102].

Гестаповцы входят в комнату, в которой они заперли заключенного Рафано, и зажигают фонари. Когда проходит ослепление после яркого света, заключенный узнает в одном из вошедших своего бывшего товарища Видаля, который предал Сопротивление и долгое время находился в розыске. Видаля, в свою очередь, узнает Рафано (*Bon sang! Raphanaud!* ‘Проклятье! Рафано!’) и тщетно пытается не столкнуться с ним взглядом. Рафано, глядя на предателя, не может удержаться, чтобы не оскорбить его: назвать в прямой номинации *mon salaud* ‘подлец’ и метафорически – *ordure de pourri* ‘продажная шкура’. Ввиду явно низшего статуса заключенного его множественные оскорбления бесполезны и прерываются ударом.

– Ты ж абяцаў... Няўжо табе нікога не шкада? – ціха спытала Вера, ледзьве стрымліваючы сябе, каб не заплакаць.

– Верачка, дачушка! Я не хацеў, мяне ўгаварылі, я адмаўляўся...

На ганак выскачыла маці, і яе голас узвіўся ў ранішняй цішыні вісклівым крыкам.

– Што, сілком прымусілі, напайлі?! Бедненькі, няшчасненькі... Сірата казанская? Алкаш, смоўж, п’яўка!

– Заціхні! – амаль прашиптаў бацька. Ён узяў рукі як пры малітве. – Я прашу цябе, людзі чуюць... [14, с. 182].

Несправедливость, подлый поступок собеседника могут вызвать использование нескольких неоднородных тактик конфронтации, например, прямого оскорбления в сочетании с одной из других тактик конфронтации.

– *Dis donc, vieux, demande l’homme, je sais que tu as un rasoir... Tu me le prêtés?*

– *Je te le confie, avertit-il, mais fais bien attention de ne pas te le faire piquer par les boches!*

L’autre, sans même remercier, s’empare du rasoir et court directement le remettre à un Feldwebel qui semblait n’attendre que cela...

– *Toi, mon salaud, rumine Raphanaud, tu vas me payer ça cher!*

Le mouchard, protégé par un groupe de prisonniers goguenards, fait rapidement son balluchon et quitte la grande chambrée empuantie [8, p. 45–46].

В лагере военнопленных у заключенного Рафано другой заключенный, с которым Рафано не знаком, просит бритву (*je sais que tu as un rasoir... Tu me le prêtés?* ‘я знаю, что у тебя есть бритва... Одолжишь мне ее?’). Рафано колеблется, но, видя его недельную щетину, дает ему лезвие во временное пользование (*Je te le confie* ‘Я тебе его вверяю’), предупреждая, чтобы оно не попало в руки к немцам. Однако Рафано видит, что заключенный сразу относит бритву поджидавшему немцу. В приступе с трудом сдерживаемого гнева (*rumine Raphanaud* ‘говорит сквозь зубы Рафано’) он угрожает расплатой (*tu vas me payer ça cher!* ‘ты мне за это дорого заплатишь!’), называя предателя *salaud* ‘подлец’. Оскорбление сопровождается притяжательным прилагательным *mon* ‘мой’, выполняющим в подобном контексте дистанцирующую функцию. Реализованная тактика не может быть успешной ввиду отсутствия адресата (бородатого заключенного-предателя) в пределах слышимости.

Янка анямеў ад нечаканасці, разгублена заморгаў і, як толькі закончылася лятучка, адразу ж зацѣг у цѣмны кут:

– Ты што, ашалеў ці... – пакруціў пальцам ля скроні. – Зрух на фазе?! Асёл! Табе літаратуру трэба рабіць, а не гэтыя дурацкія артыкулы. На якога ж чорта я хадзіў, уламваў шэф?! [14, с. 197]

Как видим, тактика оскорбления, как и другие тактики конфронтации, встречается исключительно в коммуникативных ситуациях, отмеченных конфронтацией, соперничеством, наличием противоречий во взглядах, мнениях, намерениях. Приемы реализации речевых тактик конфронтации в предконфликтных коммуникативных ситуациях отвечают требованиям сглаживания форм выражения негативных интенций с целью избежания возможного конфликта.

Исследуемая речевая тактика конфронтации может выполнять целый ряд прагматических функций в зависимости от ее лингвистического оформления и контекстуальных параметров ситуации общения. Так, в межличностной коммуникации ситуации, в которых намерение говорящего, реализующего тактику оскорбления, не сопровождается другой интенцией, – довольно редкое явление. Чаще всего говорящий, помимо желания оскорбить собеседника, с помощью тактики оскорбления пытается побудить его к действию или отговорить от его исполнения, убедить в своей правоте или переубедить заблуждающегося собеседника, подчеркнуть свое физическое/моральное/статусное превосходство над ним.

В реализациях тактики оскорбления основными лексическими средствами выражения выступают разнообразные слова и словосочетания уничижительного характера, инвентарь которых значительно расширяется за счет включения в него лексем, ситуативно приравняемых к уничижительным.

Тактика оскорбления, как самая конфронтационная тактика, наименее частотна в конфликтном общении ввиду ее антисоциального характера и приводит к усугублению межличностного конфликта между коммуникантами. Кроме «чистого» оскорбления, она может выразить в речи насмешку – оскорбление, связанное с указанием на имманентные недостатки адресата, которые он проявляет в данной коммуникативной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухих, С. А. Языковая личность в диалоге / С. А. Сухих // Личностные аспекты языкового общения : межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1989. – С. 82–87.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 999 с.
3. Ячкова, О. В. Языковые средства, реализующие стратегии кооперации и конфронтации в реалии-шоу (на материале немецкого языка) / О. В. Ячкова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитар. науки. – 2008. – С. 401–405.

4. *Чернобровкина, Е. П.* Речевая агрессия в молодежной субкультуре : защита или нападение? / Е. П. Чернобровкина, Р. С. Суворовцева // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 104–110.
5. *Простакишина, Н. П.* Вербальная агрессия и основные формы ее проявления в молодежной среде (на примере студентов филиала ФГБОУ ВПО «ВГУЭС» г. Находка) / Н. П. Простакишина, Е. С. Шпак // Молодой ученый. – Казань. – 2014. – № 3. – С. 108–110.
6. *Boileau-Narcejac.* Le mauvais œil / Boileau-Narcejac. – Paris : Denoël, 1976. – 221 p.
7. *Зарэмба, М.* Дзень магнітнай буры : аповесці / М. Зарэмба. – Мінск : Юнацтва, 1992. – 280 с.
8. *Fleury, G.* Le Guerrier / G. Fleury. – Paris : Éd. Grasset & Fasquelle, 1989. – 572 p.
9. *Карпюк, А. Н.* Пушчанская адысея : аповесць, апавяданні / А. Н. Карпюк ; уклад. Ю. Пацюпы. – Мінск : Мастац. літ., 2009. – 527 с.
10. *Moustiers, P.* La paroi / P. Moustiers. – Paris : Gallimard, 1972. – 189 p.
11. *Адам, М. М.* Шоўк : аповесці, раман / М. М. Адам. – Мінск : Мастац. літ., 2013. – 366 с.
12. *Clavel, V.* L'Espagnol / V. Clavel. – Paris : Éd. R. Laffont, 1959. – 448 p.
13. *Саламаха, У. П.* ...І няма шляху чужога : аповесці / У. П. Саламаха. – Мінск : Мастац. літ., 2014. – 495 с.
14. *Блакiт, В.* Усмешка Фартуны : аповесці / В. Блакiт. – Мінск : Юнацтва, 1984. – 288 с.

The article is devoted to the identification of linguistic means of the speech tactics of insult in pre-conflict situations of communication in French and Belarusian. The expression of the tactics of insult is analysed through the verbal and social components of the communicative situations that affect the pragmatic potential of used language means to influence the interlocutor.

Поступила в редакцию 06.02.2020

Чэнь Тин

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЧЕТАЕМОСТИ АНГЛИЙСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *STONE* 'КАМЕНЬ' И ЕГО КИТАЙСКОГО КОРРЕЛЯТА 石 [SHI]

В статье рассматриваются результаты сопоставительного анализа двухсловных субстантивных словосочетаний коррелятивных слов в генетически неродственных английском и китайском языках. На основании проведенного анализа корпусных данных о наиболее часто сочетающихся словах с английским существительным *stone* 'камень' и коррелятивным китайским словом 石 [shi] установлены основные виды сходств и различий в их синтагматических связях.

Синтагматические отношения единиц имеют место на всех языковых уровнях. Но наиболее ярко они проявляют себя в речи в виде *лексической сочетаемости, словосочетаний, или коллокаций*. Словосочетания вызывают большие трудности при изучении иностранного языка, лексикографическом представлении слова и автоматическом переводе текстов, поскольку норма сочетаемости слов в любом языке не ограничивается семантикой и принципом композициональности (аддитивности) – складыванием смыслов двух и более слов, образующих словосочетание: они также определяются прагматикой и сложившейся речевой практикой, узусом [1].

В целом, к факторам, влияющим на сочетаемость слов, следует отнести:

- необходимость совместимости смыслов слов, отражающих положение вещей в мире (по этой причине не сочетаются слова в известном предложении Н. Хомского *Green ideas sleep furiously* ‘Зеленые идеи спят яростно’);

- грамматические правила построения предложения в конкретном языке (так, структура Prn + Adv: *Мне холодно* допустима в русском языке, но не в английском, где следует использовать структуру Prn + be + Adj: *I am cold* или в китайском, требующем структуру Prn + Adj: 我冷 ‘Я холодный’);

- значимость слов, которая определяется их местом в лексико-семантической группе конкретного языка. Так, разная значимость русского существительного *палец* и коррелятивных ему двух английских существительных *finger* ‘палец на руках’ и *toe* ‘палец на ногах’ обуславливает их разную сочетаемость. В русском языке слово *пальцы* может сочетаться с числительным 20: *У меня есть 20 пальцев*, а в английском языке слово *fingers* – с числительным не более 10: *I have 10 fingers*. (В китайском языке для обозначения понятий ‘пальцы на руках’ и ‘пальцы на ногах’, как и в русском, используется одна звуковая форма [zhǐ], но для их обозначения на письме используются разные иероглифы, соответственно: 指 и 趾, что позволяет рассматривать их как разновидность омофонов.);

- звуковую форму слов – кандидатов на словосочетание ради благозвучия согласно нормам конкретного языка: **Вдруг взгрустнулось*;

- стиль дискурса, требующий обычно сочетания одинаковых по стилистическому регистру слов: *Изречь истину* (книжн.), но *говорить глупость* (нейтр.), *молоть чепуху* (разг.);

- сложившиеся языковые традиции, или узус: для обозначения одного и того же сектора цветового спектра в русском языке могут быть использованы разные слова в зависимости от носителей этого цвета: *коричневые пиджаки/ портфели, туфли, карандаши* и т.д.), но *карие глаза, каштановые волосы, гнедые лошади, шоколадный загар* и т.п.

Именно по этой причине сочетаемость слов плохо предсказуема. Как указывает И. А. Мельчук, «Разнообразие и идиоматичность выражения того или иного смысла самым непосредственным образом зависят от языка и *не могут быть предсказуемы дедуктивно, логическим рассуждением*» (курсив наш) [2, с. 109].

Особый интерес представляет исследование словосочетаний в сопоставительном плане, поскольку данная проблема в лингвистической литературе не получила достаточного внимания и освещения, хотя можно ожидать, что различия в сочетаемости коррелятивных слов могут быть существенными. В этой связи с целью установления сходств и различий комбинаторных потенциалов коррелятивных слов в разных языках в работе был выполнен сопоставительный анализ грамматических (синтаксических) и частотных лексико-семантических характеристик словосочетаний с такими словами. **Материалом** исследования стали частотные словосочетания с коррелятивными субстантивными компонентами в разных языках: существительными *stone* ‘камень’ в английском и 石 [shí] ‘камень’ в китайском.

При выполнении исследования были приняты следующие допущения:

1) в синтагматические отношения, образуя словосочетания, вступают отдельные лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначного слова, являющиеся самостоятельными номинативными единицами. В данной работе были рассмотрены только словосочетания, в которых существительные *stone* и 石 [shí] используются в своем главном ЛСВ ‘камень’;

2) словосочетания с именем существительными, вслед за Г. И. Кустовой [3] и другими лингвистами, понимаются в работе широко, в частности, как:

- словосочетания с подчинительной связью, выполняющие номинативную функцию, в которых одно из слов является доминирующим: *great ← stone*¹; *to throw → stone*; *in → stone*;

- предикативные словосочетания подлежащего и сказуемого, выполняющие коммуникативную функцию: *a stone drops/breaks/glitters*;

- словосочетания с сочинительной связью, в которых компоненты, объединенные союзом, относятся к одной части речи: *sticks and stones*.

Комбинаторный потенциал слова можно представить с помощью валентности. Традиционно с помощью валентности описывалась, прежде всего, способность глагола сочетаться со словами других частей речи в предложении. Позже валентность стала пониматься шире, как контекстуальная сочетаемость семантических или синтаксических партнеров в предложении, и ее использовали при описании сочетаемости всех знаменательных слов [4, с. 138]. Хотя следует признать, что валентность имени существительного до сих пор не получила достаточного освещения в научных трудах и лексикографических источниках [5; 6]. При этом *грамматическая* (или синтаксическая) *валентность* слова видится как его способность сочетаться со словами разных частей речи, что может быть представлено в виде грамматических моделей, а *лексическая валентность* – как наполнение конкретных грамматических моделей лексическими единицами в тексте.

¹ Стрелка в словосочетании указывает на подчиненное слово.

Вопрос о сущности словосочетаний и их типологиях имеет большую историю. Не вдаваясь в детали дискуссий, отметим лишь, что при анализе грамматической валентности существительного *stone* нами с некоторыми дополнениями была взята за основу синтаксическая типология двухсловных сочетаний с именами существительными, представленная в работе И. А. Большакова и А. Ф. Гельбуха [7]. В ней авторы устанавливают следующие их типы:

1) существительное с атрибутивными компонентами в пре- или пост-позиции (атрибутивно-субстантивные словосочетания), в которых зависимый атрибутивный компонент выражен прилагательным, причастием, существительным или предложным сочетанием: *great* ← *country*; *two miles* → *long*; *the increasing* ← *pressure*; *book* ← *store*; *man* → *of letters*;

2) существительное в качестве подлежащего управляемого глагольным сказуемым (предикативные словосочетания): *soldier* ← *died*; *bus* ← *arrives*;

3) существительное в качестве одного из дополнений глагола (прямого, косвенного, косвенного предложного) (объектные, или комплетивные словосочетания): *to read* → *a book*; *to strive* → *for peace*; *to travel* → *by train*;

4) существительное с предлогом в функции дополнения (compliment) при слове любой части речи: существительном (предложные словосочетания): *capital* → *of the country*; прилагательном: *blind* → *with rage* и т.п.: *mentioned* → *by the observer* or *going* → *to the cinema*;

5) существительное с дополнением в виде инфинитива (несогласованное определение): *permission* → *to enter* or *cream* → *to protect*;

б) существительное в сочинительных словосочетаниях: *mom and dad*.

Данные типы двухсловных сочинительных словосочетаний можно формализовать с учетом синтаксического вида отношений между компонентами (подчинительных, сочинительных и предикативных), анализируемого в работе существительного *stone* и частеречного значения других входящих в словосочетания единиц, представив их в виде следующих структурных моделей.

I. Подчинительные словосочетания:

1) атрибутивно-субстантивные словосочетания¹: Adj ← *stone*; N ← *stone*; *stone* ← N; Part I ← *stone*; Part II ← *stone*; *stone* → Adj; *stone* → Part;

2) объектные, или комплетивные (вербально-субстантивные) словосочетания: V → *stone*;

3) предложно-субстантивные словосочетания в функции дополнения при любой части речи: Prep → *stone*;

4) субстантивно-инфинитивные словосочетания: *stone* → Infinitive².

¹ Характеристику определяемому существительному дают не только атрибуты, или определения, но и детерминативы – артикли, указательные и неопределенные местоимения и т.п. Однако детерминативы в значительной степени являются грамматикализованными служебными элементами, и в этой связи в нашей работе рассматриваться не будут.

² Модель *stone* → Infinitive (*a stone to throw*) оказалась не характерной для частотных словосочетаний с данным существительным, поэтому она не вошла в список анализируемых далее моделей.

II. Предикативные словосочетания: *stone* ← V.

III. Сочинительные словосочетания: *stone* & N; N & *stone*.

Данные структурные модели грамматической сочетаемости свойственны, в первую очередь, английскому языку. Однако они могут стать основой для проведения сопоставительного анализа субстантивных словосочетаний в таких генетически неродственных и структурно отличных языках, как английский и китайский.

Можно предположить, однако, что в силу структурных различий языков, модели грамматической сочетаемости существительного 石 [shi] ‘камень’ будут отличаться от грамматических моделей сочетаемости коррелятивного английского слова *stone* ‘камень’.

Так, известно, что в китайском языке есть два литературных языка (вэньянь и байхуа), которые порождают существование двух структурных вариантов одного и того же слова [8, с. 15]. В частности, односложное слово 石 [shí] ‘камень’ может иметь двухсложный структурный вариант 石头 [shítou] с тем же лексическим значением ‘камень’, где второй компонент 头 [tou] выполняет роль знаменательного суффикса и обозначает конкретные предметы круглой, овальной или цилиндрической формы с первичным значением ‘голова’. Это сказывается на иллюстративном материале сочетаемости слова 石 [shí] ‘камень’.

Многие английские предлоги, именующие направление (предлоги-директивы), соответствуют в китайском языке именам существительным-директивам [9, р. 29]. Примерами таких существительных-директивов могут служить 外 ‘снаружи, вне’, 内 ‘внутри’, 下 ‘под’, 上 ‘сверху’, 前 ‘вперед’, 后 ‘позади, сзади’ и так далее. В словосочетании такой субстантивный директив занимает подчиненную позицию и находится в постпозиции к другому существительному (поэтому его иногда называют *послелогом*). Вместо английской модели предложного словосочетания Prep + *stone*, в котором предлог находится в препозиции к существительному, в китайском языке мы имеем *локатив* – модель с существительным и постпозитивным существительным-директивом: 石头 → N_{dir}. Т.е. чтобы сказать по-китайски *on the stone* ‘на камне’ надо использовать существительное 石 [shi] ‘камень’ (а вернее, его структурный вариант 石头 [shítou]) и добавить после него существительное-директив 上 ‘N_{сверху}’, получим 石头上, буквально: камень → N_{сверху}.

В китайском языке предлоги (точнее полупредлоги) могут также быть служебными словами как в английском и русском языках, выражая различные субъектно-объектные, пространственные, временные, целевые и причинные отношения между сказуемым и дополнением или между сказуемым и обстоятельством. Однако в зависимости от семантики его позиция может быть разной. Он может находиться *перед существительным*, образуя предложную группу, стоящую перед сказуемым: (Prep → N) ← V – 他爸爸在银行工作 ‘Его папа ← (предлог 在 → банк) ← работать’.

Кроме того, в китайском языке есть особый предлог *把* [bǎ] (переводится как глагол ‘взять’, ‘брать’, ‘держат’), который стоит *после субъекта* действия, за которым следует дополнение, затем сказуемое, а далее следует *предлог* и *существительное-директив*: *他把我的书放在桌子上*. Досл.: Он ← (*предлог 把* → моя книга) ← положить → (*предлог 在* → стол_{сверху}). Т.е. модель данного предложения включает несколько словосочетаний: [N/Prn ← (Prep → *把* N_{obj})] ← V → (Prep *在* + N_{dir}).

Как известно, китайский язык – изолирующий, или аморфный язык, поэтому, в отличие от английского и русского языков, в нем нет глагольных форм (неопределенной формы, причастия, герундия). Все глагольные функции в китайском языке выполняет неизменяемый глагол, соответственно в нем отсутствуют грамматические модели сочетаемости существительного с причастиями, свойственные английскому языку.

Помимо отличий, грамматические модели словосочетаний с номинативным компонентом в двух сопоставляемых языках имеют и общие черты, которые можно представить в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Грамматические модели сочетаемости общие
для английского существительного *stone* ‘камень’
и коррелятивного китайского существительного *石* [shi] ‘камень’¹

№ п/п	Тип словосочетания		Модель в английском языке	Пример в английском языке	Модель в китайском языке	Пример в китайском языке
1	Сочинительный		<i>stone & N</i>	<i>stone & wood</i> ‘камень и дерево’	石和 N	石口和木口 ‘камень и дерево’
			<i>N & stone</i>	<i>wood & stone</i> ‘дерево и камень’	N 和 石	木头和石头 ‘дерево и камень’
2	Предикативный		<i>stone ← V</i>	<i>stone falls</i> ‘камень падает’	石 ← V	石落 ‘камень падает’
3	Подчинительный	атрибутивный	<i>Adj ← stone</i>	<i>large stone</i> ‘большой камень’	Adj ← 石	大石 ‘большой камень’
			<i>stone → Adj</i>	<i>stone free</i> ‘без камней’	石 → Adj	石青 (досл. ‘камень + зеленый’) ‘азурит’
			<i>stone ← N</i>	<i>stone steps</i> ‘каменные ступени’	石 ← N	石磴 ‘каменные ступени’
		объектный	<i>V → stone</i>	<i>throw a stone</i> ‘бросать камень’	V → 石	投石 ‘бросать (наверх/вперед) камень’; 扔石 ‘выбрасывать камень’

¹ Английские примеры выбраны из Британского национального корпуса (British National Corpus, BNC) [10], объем 100 000 000 слов; китайские примеры выбраны из корпуса Компьютерного центра Пекинского университета языка и культуры (Beijing Language and Culture University Corpus Center, BCC) [11], объем 3 000 000 000 иероглифов.

	предложный	Prep → <i>stone</i>	<i>on stone</i> 'на камне'	Prep → 石	在石 'на камне'
				石 → Prep	石在 'камень на'
				石 → Ndir	石上 'камень на/сверху'

Необходимо подчеркнуть, что в табл. 1 представлен лишь перечень структурных грамматических моделей с коррелятивными существительными, которые имеют место в обоих языках. Однако для того, чтобы получить представление о характере функционирования слова в речи, важно не только установить модели его грамматической сочетаемости, но и знать их лексическое наполнение.

Задавая в Британском национальном корпусе дополнительный фильтр в виде грамматических моделей к слову *stone*, мы получили данные о наиболее частотных лексических сочетаниях с этим словом в английском языке.

Мы ограничились не более 10 словосочетаниями в каждой из 13 моделей, получив в общей сложности 109 примеров наиболее частотных (частота ≥ 2) английских словосочетаний для анализа. Принимая во внимание замечание И. А. Мельчука о том, что «Владеть лексикой – значит не просто знать определенный набор слов, но и *знать для каждого слова в среднем по 2 десятка сочетаний* (значения стандартных и нестандартных лексических функций)» (курсив наш) [2, с. 107], мы полагаем, что их будет достаточно для достижения поставленной в работе цели, тем более что в нашем материале оказались словосочетания разного типа: свободные (*large stone* 'большой камень', связанные (коллокации: *weathered stone*) и идиомы (*sticks and stones* может быть частью известной поговорки: *sticks and stones may break my bones but words will never hurt me* 'палками и камнями можно поломать мне кости, но слова мне боли никогда не причинят').

Полученные данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Наиболее частотные лексико-грамматические сочетания
с английским существительным *stone* 'камень' в корпусе BNC¹

№ п/п	Сочинительные с/с		Предикативные с/с	Подчинительные с/с									
				атрибутивные с/с							объектные (комплетивные) с/с		
				<i>stone</i> в постпозиции				<i>stone</i> в препозиции			с глаголом		с предлогом
				<i>stone</i> & N	N & <i>stone</i>	<i>stone</i> ←V	Adj← <i>stone</i>	N← <i>stone</i>	Part I← <i>stone</i>	Part II← <i>stone</i>	<i>stone</i> ←N	<i>stone</i> → Adj	<i>stone</i> → Part
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	~ & brick (13) 'и кирпич'	brick &~ (25) 'кирпич и ~'	~fell (5) '~ падал'	grey ~ (61) 'серый ~'	foundation ~ (70) 'фунда- мента ~'	rolling ~ (91) 'катя- щийся ~'	carved ~ (29) 'рез- ной ~'	~ steps (113) '~ ступени'	~ free (65) '~ свобод- ный'	~ untumed (14) '~ непере- вернутый'	cut ~ (5) 'резать ~'	using ~ (6) 'исполь- зующий ~'	(made/use) of ~ (522) 'из ~'

¹ Цифры в скобках в таблице указывают на частотность репрезентации единицы в корпусе.

2	~ & timber (6) '~ и дерево'	timber &~ (6) 'дерево и ~'	~ covered (4) '~ покрывал'	old ~ (58) 'старый ~'	memorial ~ (15) 'мемориальный ~'	stepping ~ (67) 'положенный для перехода ~'	weathered ~ (13) 'подвергшийся атмосферным влияниям ~'	~ Age (72) '~ век'	~ cold (11) '~ холодный'		dig ~ (2) 'добывать ~'	cutting ~ (4) 'режущий ~'	(worked/carved/built) in ~ (132) 'в ~'
3	~ & slate (6) '~ и сланец'	wood &~ (5) 'дерево и ~'	~ lay (4) '~ лежать'	large ~ (44) 'большой ~'	shelter ~ (9) 'убежище ~'	crumbling ~ (6) 'крошащийся ~'	coloured ~ (12) 'крашенный ~'	~ floor (67) '~ пол'	~ deaf (8) '~ глухой'		put ~ (2) 'класть ~'	pitched ~ (3) 'имеющий определенный тон ~'	(turned) to ~ (83) 'в/к ~'
4	~ & bronze (5) '~ и бронза'	flint &~ (4) 'кремень и ~'	~ felt (3) '~ чувствовал'	high ~ (36) 'высокий ~'	altar ~ (7) 'алтарный/жертвенный ~'	grinding ~ (3) 'точильный ~'	dressed ~ (12) 'обработанный ~'	~ circles (57) '~ круги'	~ heavier (2) '~ тяжелее'		make ~ (2) 'создавать ~'	making ~ (3) 'создающий ~'	(piled/decorated/paved) with ~ (68) 'с ~'
5	~ & marble (5) '~ и мрамор'	marble &~ (4) 'мрамор и ~'	~ flew (3) '~ летела'	white ~ (34) 'белый ~'	date ~ (7) 'дата ~'	existing ~ (3) 'существующий ~'	broken ~ (9) 'расколотый ~'	~ house (46) '~ дом'	~ hot-water (2) '~ водогрейный/горячий'		get ~ (2) 'получать ~'	carving ~ (2) 'резной ~'	(marked/replaced) by ~ (57) 'по ~'
6	~ & glass (4) '~ и стекло'	metal &~ (4) 'металл и ~'	~ gleamed (3) '~ мерцал'	dry ~ (32) 'сухой ~'	air ~ (6) 'аквариумный барботер'	curving ~ (2) 'искривляющийся ~'	polished ~ (8) 'обработанный ~'	~ bridge (41) '~ мост'	~ lighter (2) '~ легче'		provide ~ (2) 'обеспечивать ~'	provided ~ (2) 'обеспеченный ~'	(clanged/incised/cut) on ~ (45) 'на/по ~'
7	~ & iron (4) '~ и железо'	iron &~ (3) 'железо и ~'	~ hit (3) '~ ударять'	cold ~ (29) 'холодный ~'	pumice ~ (6) 'пемза ~'	imposing ~ (2) 'импозантный ~'	reconstituted ~ (7) 'восстановленный ~'	~ building (37) '~ здание'	~ romanescque (2) '~ романский'				(dodged/carved/structured) from ~ (29) 'из ~'
8	~ & wood (3) '~ и дерево'	stick &~ (3) 'палка и ~'	~ went (3) '~ шел'	great ~ (29) 'великий ~'	corner ~ (5) 'угловой ~'	leading ~ (2) 'ведущий ~'	crushed ~ (4) 'дробленый ~'	~ circle (37) '~ круг'					(drank) at ~ (20) 'у ~'
9	~ & metal (3) '~ и металл'	bricks &~ (3) 'кирпичи и ~'	~ appeared (2) '~ появился'	huge ~ (28) 'огромный ~'	Blamey stone ~ (5) 'Камень Красноречья'	sloping ~ (2) 'наклонный ~'	quarried ~ (4) 'добытый ~'	~ houses (25) '~ дома'					(dig) for ~ (16) 'для ~'
10	~ & rubble (3) '~ и бут'	clay &~ (2) 'глина и ~'		local ~ (27) 'местный ~'	marble ~ (3) 'мрамор ~'	visiting ~ (2) 'посещающий ~'	vaulted ~ (3) 'сводчатый ~'	~ tools (23) '~ инструменты'					(dig) into ~ (11) 'в ~'

Как видно из табл. 2, в частотных сочинительных словосочетаниях английского существительного *stone* с союзом *and* вторым равноправным компонентом являются существительные, именующие кирпич, дерево, металл (бронза, железо, металл), стекло и виды камней (мрамор, сланец, бут). Некоторые из них могут выступать и в качестве первых компонентов в сочинительных сочетаниях с существительным *stone* 'камень', обнаруживая ту же частоту употребления (ср.: *stone and timber* 'камень и дерево' (6) и *timber and stone* 'дерево и камень' (6)). Некоторые сочинительные словосочетания обнаруживают преимущественный порядок следования компонентов (ср.: *brick and stone* 'кирпич и камень' (25) и *stone and brick* 'камень и кирпич' (13)), подчиняясь, возможно, определенным фонетическим тенденциям в языке, а некоторые словосочетания являются строго фиксированными (*stick and stone* 'палка и камень' (3); *stone and rubble* 'камень и бут' (3)).

Самыми разнообразными по моделям (7 структурных моделей) и самыми частотными по употреблению являются атрибутивные словосочетания со словом *stone*. При этом прилагательные именуют его серый/белый цвет, большой размер и высоту, тактильные характеристики: сухой и холодный, а также местное происхождение. Существительные в сочетаниях по модели *N + stone* называют его различные функциональные характеристики: камень определенной формы и размера (обычно обработанный) используется для определенной цели (для строительства, мощения, мемориала и т.д.).

Кроме того, весьма частотными являются также словосочетания (*stone ← N*), в которых существительное *stone* 'камень' само выступает в качестве определения к существительным, именующим строения или их части: каменные ступени/дом(а)/круг(и)/пол/мост.

Весьма разнообразны функциональные признаки существительного *stone*, которые представлены в частотных словосочетаниях с глаголом или причастиями: камень падает, лежит, летит, ударяет, мерцает, появляется; камнем покрывают, обеспечивают; его режут, добывают из земли, кладут, получают; камень катящийся/крошащийся/толченый/измельченный/существующий/изгибающийся/впечатляющий/ведущий/покатый/посещаемый; гравированный, подвергшийся атмосферным осадкам, крашеный, полированный, помещенный в арку.

В целом, в английском языке согласно корпусу BNC к наиболее частотным сочетаниям со словом *stone* 'камень' с учетом каждой его грамматической модели следует отнести: *stone and brick* (13) 'камень и кирпич'; *brick & ~* (25) 'кирпич и ~'; *~ fell* (5) '~ упал'; *grey ~* (61) 'серый ~'; *foundation ~* (70) 'первый камень закладываемого фундамента'; *rolling ~* (91) 'катящийся ~'; *carved ~* (29) 'гравированный ~'; *~ steps* (113) 'каменные ступени'; *~ free* (65) 'свободный от ~'; *~ unturned* (14) '~ неперевернутый'; *using ~* (6) 'используя ~'; *(made) of ~* (522) '(сделанный) из ~'.

Лексическое наполнение структурных моделей китайских частотных сочетаний со словом 石 'камень' хотя и обнаруживает частичное сходство с английскими словосочетаниями, однако разительно от него отличается, как это видно из табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Наиболее частотные лексико-грамматические словосочетания с китайским существительным 石 [shi] в корпусе BCC

№ п/п	Сочинительные с/с		Предикативные с/с	Подчинительные с/с							
				атрибутивные с/с				объектные (комплетивные) с/с			
				<i>stone</i> в постпозиции		<i>stone</i> в препозиции		к глаголу		к предлогу	
石和N	N和石	石←V	Adj←石	N←石	石←N	石→Adj	V→石	Prep→石	石←Prep	石←(Ndir)	
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	~和泥土 (8) '~ и грязь'	泥土和~ (15) 'грязь и ~'	~是 (120) '~ являться'	大~ (927) 'крупный ~'	砖~ (159) 'камень-кирпич'	~磴 (333) '~ ступени'	~青 (15) '~ зеленый' азурит	是~ (447) 'являться ~'	在~ (1549) 'на ~'	~在 (122) '~ на'	~上 (1320) '~ сверху'

2	~和木头 (8) '~ и дерево (материал)'	木头和~ (8) 'дерево (материал) и ~'	~破天惊 (44) '~ раскалыва- ются и небеса содрогаются'	小~ (693) 'маленький ~'	山~ (158) 'гора ~'	~戒指 (190) '~ кольцо'	~蓝 (10) '~ синий'	有~ (180) 'иметь ~'	用~ (400) 'пользо- ванием ~'	~从 (43) '~ с'	~间 (128) '~ в'
3	~和砖 (4) '~ и кирпич'	砖头和~ (10) 'кирпич и ~'	~走 (25) '~ ходить'	青~ (234) 'зеленый ~'	墓~ (76) 'могила ~'	~缝 (130) '~ щель'	~多 (6) '~ много'	投~ (169) 'бросать (наверх/ вперед) ~'	把~ (318) 'пользо- ванием ~'	~被 (36) '~ для образова- ния пассивной формы глагола'	~中 (93) '~ между'
4	~和树木 (3) '~ и дерево'	树和~ (7) 'дерево и ~'	~发出 (15) '~ произво- дить (звук)'	白~ (217) 'белый ~'	铁~ (63) 'железо ~'	~屋 (113) '~ дом'	~高 (4) '~ высокий'	扔~ (96) 'выбрасы- вать ~'	从~ (240) 'от ~'	~把 (21) '~ глаго- льный предлог'	~下 (75) '~ под'
5	~和土 (3) '~ и почва'	沙子和~ (8) 'песок и ~'	~飞 (15) '~ лететь'	乱~ (193) 'случай- ный ~'	碑~ (48) 'памятник ~'	~狮子 (109) '~ лев'	~硬 (3) '~ твердый'	下~ (96) 'сбросить (вниз) ~'	被~ (106) для образования пассивной формы глагола'	~与 (18) '~ к'	~之间 (70) '~ среди'
6	~和船 (2) '~ и лодка'	箭和~ (7) 'стрела и ~'	~落 (11) '~ падать'	黑~ (70) 'черный~'	假山~ (42) 'искусствен- ные горы ~'	~路 (100) '~ дорога'	~凹 (2) '~ вогнутый'	如~ (76) 'походить на ~'	对~ (69) 'о/об ~'	~给 (17) '~ для'	~后面 (70) '~ сзади'
7	~和铁 (2) '~ и железо'	海棠和~ (6) 'цветок (китайской яблони) и ~'	~裂 (3) '~ тре- скается'	怪~ (52) 'стран- ный ~'	一堆~ (41) 'куча ~'	~硼 (91) '~ бор'	起~ (75) 'поднимать ~'	将~ (54) '~ глаго- льный предлог'	~对 (16) '~ к'	~旁 (43) '~ рядом'	
8	~和天 (2) '~ и небо'	花和~ (6) 'цветок и ~'	~点头 (4) '~ кивнуть головой'	圆~ (44) 'круглый ~'	雪花~ (36) 'хлопья снега ~' алебастр	~弓 (57) '~ лук'	采~ (45) 'добывать ~'	向~ (45) 'к ~'	~以 (13) '~ посред- ством'	~后 (31) '~ позади'	
9	~和猫 (2) '~ и кот'	水和~ (5) 'вода и ~'	~沉 (4) '~ утонуть'	柔~ (22) 'мягкий ~'	入口~ (26) 'вход ~'	~山 (53) '~ гора'	掷~ (34) 'бросать ~'	像~ (41) 'походить на ~'	~往 (13) '~ до'	~前 (18) '~ впереди'	
10	~和街道 (2) '~ и улица'	土和~ (5) 'почва и ~'	~穿 (4) '~ точить'	硬~ (22) 'твердый ~'	大块~ (25) 'блок ~'	~井 (35) '~ колодец'	凿~ (21) 'рыть ~'	与~ (39) 'вместе с ~'	~同 (13) '~ с'	~底 (16) '~ низ'	

Так, со словом 石 'камень' в китайском языке сочетаются непривычные для русского и английского языка существительные: *грязь, дерево* (растение), *песок, вода, цветок китайской яблони, цветок, почва, песок, лодка, небо, стрела, кот, улица*. В отличие от английского языка, большинство из них занимают фиксированное положение либо перед, либо после существительного 石 [shi] 'камень'.

Ввиду особенностей грамматики в китайском языке (отсутствие причастий) в нем имеется меньше атрибутивных и комплетивных структурных моделей, чем в английском (соответственно 4 против 7 и 1 против 2). Вместе с тем в китайском языке больше моделей с предлогом, чем в английском.

Отличаются коррелятивные слова и по лексической валентности. Так, в частотных китайских атрибутивных словосочетаниях с прилагательными именуются иные признаки, нежели в английских: 'зеленый', 'синий', 'чер-

ный'; 'крупный', 'маленький', 'странный', 'круглый', 'вогнутый', 'случайный'; 'мягкий'. В атрибутивных сочетаниях со словом 石 [shi] 'камень', образованных по модели N ← 石, семантически подчиненные существительные имеют значения: 'гора', 'могила', 'железо', 'памятник', 'искусственные горы', 'алебастр', 'вход', а также два квантификатора: 'блок' и 'куча'. Будучи в функции определения, существительное 石 [shi] 'камень' (модель 石 ← N) выступает в частотных словосочетаниях с существительными, называющими ступени/кольцо/щель/льва/дорогу/лук/бор/гору/колодец.

В китайском языке существительное 石 [shi] 'камень' используется в сочетаниях с глаголами, обозначающими такие действия, как *являться*, *иметь*, *бросать* (наверх/вперед), *掷 бросать* (более формальной глагол), *выбрасывать*, *сбросить* (вниз), *походить*, *поднимать*, *добывать*, *рыть*. Нельзя не заметить, что глаголы бросания камня представлены в китайском языке весьма детально.

В целом, к наиболее частотным в рамках своих грамматических моделей в китайском языке следует отнести следующие лексические словосочетания со словом 石 [shi] 'камень': 石和木头 (8) 'камень и дерево (материал)'; 泥土和石 'грязь и камень'; ~是 (120) '~ являться'; 大~ (927) 'крупный ~'; 砖~ (159) 'камень-кирпич'; ~磴 (333) '~ ступени'; ~青 (15) '~ зеленый' (азурит); 是~ (447) 'являться ~'; 在~ (1549) 'на ~'; ~在 (122) '~ на'; ~上 (1320) '~сверху', что значительно отличается от частотных английских сочетаний с коррелятивным словом, рассмотренных выше.

Таким образом, сопоставительный анализ синтагматических связей английского существительного *stone* 'камень' и его китайского коррелята 石 [shi] 'камень' на уровне узуальных частотных двухкомпонентных словосочетаний позволил увидеть их серьезные расхождения на фоне некоторого сходства, что свидетельствует о различиях семантики этих коррелятивных существительных, вызванной структурными и лингвокультурологическими особенностями этих языков. Установлено 9 общих грамматических моделей сочетаемости анализируемых существительных в двух языках, определены наиболее частотные лексические словосочетания с исследуемыми коррелятивными словами в целом и в рамках каждой модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добровольский, Д. О. Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 2 (10). – С. 43–86.
2. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл ⇔ текст»: семантика, синтаксис / И. А. Мельчук. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 345 с.
3. Кустова, Г. И. Синтаксис современного русского языка : курс лекций / Г. И. Кустова. – М. : Флинта, 2013. – 294 с.
4. Степанова, М. Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М. Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М. : Высш. шк., 1978. – 259 с.

5. Аникина, М. В. К проблеме валентности существительных в современном немецком языке / М. В. Аникина // Вестн. Морд. ун-та. – 1995. – № 4. – С. 10–12.
6. Юдина, Н. В. Еще раз о нетривиальной семантике в сочетании прилагательных с существительными / Н. В. Юдина // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. ст. в честь Е. С. Кубряковой / редкол.: В. А. Виноградов, В. Ф. Новодранова, Н. К. Рябцева. – М., 2009. – С. 515–529.
7. Bolshakov, I. A. A Large Database of Collocations and Semantic References : Interlingual Applications / I. A. Bolshakov, A. Gelbukh // International Journal of Translation. – 2001. – Vol. 13, № 1–2. – P. 167–187.
8. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1984. – 216 с.
9. 罗彬彬. 英语介词和汉语方位词的词类划分. The Division of Parts of Speech between English Prepositions and Chinese Locative Words. – Jiangxi, China : Nanchang Univ., 2018. – 62 p.
10. British National Corpus, BNC [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Дата доступа : 13.03.2020.
11. Beijing Language and Culture University Corpus Center, BCC [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bcc.blcu.edu.cn/>. – Дата доступа : 20.02.2020.

The article discusses the issues of contrastive combinability analysis of correlated nouns in genetically unrelated English and Chinese languages. On the basis of the analysis of the most frequently collocated words with the English noun *stone* and the correlative Chinese word 石 [shi] in two-word groups presented in the corpora, the main types of similarities and differences in syntagmatic relations of these words are revealed.

Поступила в редакцию 13.04.2020

О. В. Шеверина

**АНТРОПОНИМНЫЕ МОДЕЛИ ИМЕНОВАНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. П. АСТАФЬЕВА
И Г. БЁЛЛЯ: СОЦИОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье исследуется социопрагматическая информативность структурных антропонимных моделей именования персонажей в творчестве В. П. Астафьева и Г. Бёлля. Установлено, что в ономастическом пространстве произведений авторов функционируют одно-, дву- и трехчленные антропонимные модели, которые характеризуются различной структурной и частотной представленностью, разной степенью инкорпорированности социопрагматической информации, специфика репрезентации которой обусловлена особенностями реализации в коммуникативном акте диапазона зоны приватности.

Имя собственное – неотъемлемый текстообразующий компонент художественного текста, емкое языковое средство репрезентации экстралингви-

стических, национально-специфических коммуникативных традиций и этикетных норм лингвокультурного социума. Особенно ярко художественный антропонимикон демонстрирует национально-культурное своеобразие межличностных отношений посредством различных структурных антропонимных моделей, которые закреплены в речевой практике носителей языка и выбраны автором в зависимости от коммуникативных задач, социального положения и выполняемых социальных ролей именуемого в соответствии с реальной коммуникацией. Их изучение позволяет выявить общее и национально-специфическое в номинации лиц в однотипных ситуациях общения разных этнокультурных сообществ, репрезентированных в текстовом пространстве произведений.

В статье представлены отдельные значимые результаты собственного диссертационного исследования, которые не были опубликованы ранее [1]. Ее целью является установление общего и специфического в функционировании антропонимных моделей именования действующих лиц в творчестве В. П. Астафьева («Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Царь-рыба») и Г. Бёлля («Wo warst du, Adam?», «Billard um halb zehn», «Haus ohne Hüter», «Ansichten eines Clowns») в социопрагматическом аспекте.

В художественных текстах авторов первое место по частотности представленности занимает одночленная антропонимная модель. В силу специфики сформировавшихся официальных именованных систем (в русском – трехименной и немецком – двухименной) фиксируются различные структурные варианты одночленной модели в антропонимных пространствах произведений писателей. В творчестве В. П. Астафьева она реализуется посредством *личного имени* (в официальной или неофициальной форме), *фамилии*, *прозвища*, *отчества*, в текстах Г. Бёлля – *личного имени*, *фамилии*, *прозвища*.

Несмотря на тематическую схожесть содержания сюжетных линий произведений (изображение таких микрогрупп, как семья, друзья, соседи, знакомые, военные товарищи и др.), нами установлена различная частотность употребления вариантов *одночленной антропонимной модели* в художественных текстах авторов. Так, в творчестве В. П. Астафьева максимально активной моделью выступает «личное имя», а у Г. Бёлля – «фамилия».

В произведениях В. П. Астафьева личные имена репрезентируют субъективные отношения персонажа к другому действующему лицу. Деривационные возможности личного имени позволяют дифференцировать такие отношения посредством одной номинативной единицы, выражая обширный диапазон дополнительных оценочных значений в пределах той или иной микрогруппы, моделируя отношения «свой – свой», отражая доверительность, близость, родственность, передавая разнообразный спектр субъективной оценки объекта именования и воссоздавая типичность ситуации разговорно-бытового общения.

Наиболее ярко данная закономерность проявляется в повести «Последний поклон», в которой описывается жизнь деревни Овсянка:

1. *«Маня, Витя, Ерина, Андрюша, Толя, Секлета! Простите меня за мое нескромное поведение [2, с. 53]; 2. Очень устали Санька и Ванюха – поочередно несли в гору Петеньку на закукорках [3, с. 130].*

Использование различных форм личного имени в официальной коммуникации репрезентирует отношения по линии «свой – чужой» (когда личный оним употребляется действующими лицами при общении не с родственниками, а с соседями, коллегами, сослуживцами и др.): 1. *Я поперхнулся водой, протолкнул в себя первый глоток и жадно начал пить, затем отлил от чайника и загоготал, глядя на собравшихся путейцев, на **Павлика**, на **Кузьму** [4, с. 348], 2. Тогда капитан гаркнул громче: “**Филипп**, переводи на мотор!” И дядя Филипп выполнил команду точка в точку, не открывая глаз [4, с. 16]. Частотность употребления личного имени в такого вида коммуникации предопределена, на наш взгляд, спецификой выражения диапазона зоны приватности. По мнению Л. В. Куликовой, для социального поведения русских, в том числе коммуникативного, характерны коллективизм, «эмоционально-окрашенные внутригрупповые связи, которые оказывают сильное влияние на поведение. В русской культуре существует большая, чем в немецкой, ответственность друг за друга членов первичных коллективов» [5, с. 93], т.е. субъектные отношения в неблизкородственных группах носят также доверительный и близкодистантный характер, что проявляется непосредственно в обращении друг к другу с помощью различных форм личного имени.*

Особую социопрагматическую информацию инкорпорируют в себе личные имена, которые используются действующими лицами с целью обращения к собеседнику в официальной сфере со строго регламентированными правилами общения. Такое функционирование одночленной модели «личное имя» многократно отмечено нами в романе «Прокляты и убиты», в котором автор описывает события Великой Отечественной войны и жизнь солдат. Специфика речевого поведения в армейской среде устанавливается воинским уставом. При этом использование модели «личное имя» является нетипичным. Вместе с тем, например, командир Зарубин, отдавая приказ солдату об открытии огня по противнику, понимает, что точность выполнения приказа играет решающую роль для всего полка в прорыве немецкой обороны: *«Анциферов! Федор! – позволяя себе фамильярность, почти умолял, просил майор Зарубин, – надо попасть» [6, с. 580]. В данном случае обращение к солдату по имени трансформирует приказ в личную просьбу, мольбу, что влияет не только на поведение, но и на внутренний мир адресата и позволяет ему точно выполнить приказ командира. Таким образом, в зависимости от целевых коммуникативных установок в прагматическом содержательно-смысловом компоненте личного имени наряду с имеющейся информацией о факте именовании актуализируется также социально-психологическая ценность имени.*

Фиксация иных номинативных тенденций в произведениях Г. Бёлля, на наш взгляд, является не столько результатом лакунарности словообразовательных возможностей немецкого личного имени, сколько отличием в сложившихся традициях общения.

В творчестве Г. Бёлля личное имя маркирует также семейную сферу, позиционируя коммуникантов как «свой – свой». Однако при конструировании отношений в рамках «свой – чужой» в художественном пространстве произведений Г. Бёлля приоритет отдается фамильному антропониму. Использование модели «фамилия» позволяет выдержать соответствующую дистанцированность в общении между участниками и сохранить их коммуникативную неприкосновенность, поскольку в немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии, и немцы ощущают себя прежде всего как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо социальной группы [7, с. 90–110]. При этом в отличие от русской языковой системы и этикетных коммуникативных норм поведения, в соответствии с которыми при непосредственном обращении к коммуниканту в официальной сфере используется двучленная модель «имя + отчество», в немецком социуме общепринятым является фамилия в сочетании с национально-специфическими этикетными единицами *Herr, Frau*. Однако использование фамилии в прямой речи без соответствующего этикетного маркера (*Herr, Frau*) при разновозрастных и социальных характеристиках коммуникантов может выступать сигналом негативного отношения к именуемому. В этом случае фамилия как социокультурный речевой знак официальной сферы общения приобретает разговорно-сниженную коннотацию. Так, в романе «Глазами клоуна» в телефонной беседе между главным героем и знакомым, к которому ушла его любимая девушка, он использует обращение на «Вы», но называет собеседника только по фамилии, подчеркивая тем самым пренебрежительное отношение к нему: «*Zohnerer, – sagte ich leise, – sind Sie wirklich so menschlich oder...*» ‘Цонерер, – сказал я тихо, – Вы действительно настолько человечны или...’¹ [8, S. 144].

В сфере неофициального общения при выстраивании отношений по линии «свой – чужой» доминирующее положение также занимает именование по фамилии, например, между учащимися одного школьного коллектива, бывшими одноклассниками, несмотря на то, что их объединяют равнозначный социальный статус и возрастные характеристики: *Sieben Jungen in der Klasse hatten keinen Vater mehr: Brielach und Welzkam, Niggemeyer und Poske, Behrendt und er, außerdem Grebhake, aber Grebhake hatte einen neuen Vater, und das Gesetz geheimnisvoller Schonung waltete nicht so sicher über ihn wie über die anderen sechs* ‘У семи мальчиков в классе не было больше отцов: у Брилаха и Вельцкама, у Ниггемейера и Поске, у Берендта, и у него самого, кроме того у Гребхаке, но у Гребхаке был новый отец, и неписанный закон снисхождения применялся к нему не так безоговорочно, как к остальным шестерым’ [9, S. 109].

¹ Здесь и далее перевод с немецкого языка на русский наш. – О. Ш.

Посредством одночленной модели «фамилия» осуществляется обращение к соседям, знакомым, что подчеркивает их дистанцированность от личной, приватной зоны именуемого. На типичность такой референции указывает один из героев Г. Бёлля, который не смог понять, о ком идет речь в беседе, когда знакомого их семьи назвали по имени: *Ich hatte nicht gewußt, daß Züpfner mit Vornamen Heribert hieß* ‘Я не знал, что Цюпфнера зовут Хериберт’ [8, S. 107].

Использование личного имени в произведениях Г. Бёлля для репрезентации отношений по линии «свой – чужой» фиксируется только в коммуникативных ситуациях, когда членов микрогруппы связывают дружеские отношения. Следующий пример представляет собой отрывок из беседы трех действующих лиц: патера Виллиброрда, госпожи Бах – вдовы убитого на войне писателя Раймунда Баха – с господином Гезелером, работающим в одном из литературных издательств. Первые два персонажа давно знакомы. Патер Виллиброрд является близким другом семьи. Поэтому при обращении к госпоже Бах с целью знакомства с господином Гезелером он называет ее Нелла, а мужа – Рай, но одновременно использует нормативную этикетную официальную форму «Herr + фамилия» при представлении сотрудника издательства: *«Herr Gäseler, – sagte Pater Willibrord lächelnd, – arbeitet an einer Lyrik-Anthologie und würde gern mit dir beraten, welche Gedichte von Rai er aufnehmen soll, liebe Nella»* ‘«Господин Гезелер, – сказал, улыбаясь, патер Виллиброрд, – трудится над антологией лирической поэзии и охотно посоветовался бы с тобой, дорогая Нелла, какие именно стихотворения Рая следует включить»’ [9, S. 27]. Таким образом, с одной стороны, посредством личного имени фиксируются более близкие контакты между коммуникантами, которые могут отождествляться с референцией по линии «свой – свой». С другой стороны, обращение по фамилии устанавливает невидимую, но четкую границу в отношениях «свой – чужой».

Д в у ч л е н н а я антропонимная модель именования в произведениях В. П. Астафьева и Г. Бёлля в соответствии с количественными показателями занимает второе место. В творчестве В. П. Астафьева данная модель представлена следующими вариантами: «имя + фамилия», «имя + отчество», «имя + прозвище». Для художественного пространства произведений Г. Бёлля типично функционирование только модели «имя + фамилия».

Характерной структурной особенностью модели «имя + фамилия» в текстах В. П. Астафьева выступает личное имя, представленное качественной или гипокористической формой, что предопределяет ее функционирование в неофициальной сфере в качестве социального идентификатора носителя имени, являющегося объектом референции в 3-м лице, например: *Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витька Касьянов, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская* [3, с. 155].

В произведениях Г. Бёлля нами зафиксирован единичный случай реализации такого варианта модели: *Die Worte schmeckten nach Blut, nach Aufruhr und Rache, Rache für Ferdi Progulske, den sie am Morgen hingerichtet*

hatten... ‘Слова пахли кровью, бунтом и мстью, мстью за **Ферди Прогульске**, которого они утром казнили’ [10, S. 59]. Фердинанд Прогульске – подросток, который вместе со своими сверстниками открыто выступал за справедливость и боролся против жестокости в окружающем мире, за что впоследствии был казнен. Называя героя гипокористической формой личного имени *Ферди*, автор тем самым, с одной стороны, иллюстрирует доверительные и дружеские отношения между сверстниками, с другой – имплицитно выражает через образ подростка символ героизма и борьбы.

Модель «имя + фамилия» с личным именем в официальной форме обуславливает ее нейтральную модальность в речевых актах и используется в текстах Г. Бёлля в официальной сфере общения для самоидентификации или идентификации действующего лица при первом знакомстве, а также является маркером уважительного отношения не только между коммуникантами, но и к субъекту номинации, не присутствующему при официальном акте коммуникации: *Ich habe hier Herrn Heinrich Fähmel – und Herrn Robert Fähmel – welche Verbindung wünschen Sie, gnädige Frau?* ‘У меня здесь телефон господина **Генриха Фемеля** и господина доктора **Роберта Фемеля**. С кем бы вы хотели поговорить, мадам?’ [10, S. 264].

В русском речевом этикете антропонимной моделью, отражающей уважение к людям, старшим по возрасту либо занимающим высший ранг в рамках профессиональных отношений, является модель «имя + отчество», которая выступает в произведениях В. П. Астафьева показателем «социальной зрелости» героев. При этом фонетические варианты одного и того же отчества в составе данной модели могут играть важную смысловозначительную роль. Герой повести «Царь-рыба» Парамон Парамонович Олсуфьев был «большим начальником по путевой обстановке» на пароходе «Бедовом» и характеризовался окружающими как «совершенно неприступной значимости и такой же внешности человек» [11, с. 244], поэтому все обращались к нему вежливо и учтиво *Парамон Парамонович*. И только один человек на пароходе называл его *Парамон Парамоныч*. Молодой парнишка Аким, который, оставшись без матери и отца, попал в интернат, но больше времени проводил не в школе, а на теплоходе «Бедовый», помогая ремонтировать его. За трудолюбие команда полюбила подростка и попросила Парамона Парамоновича взять его на судно. Начальник парохода настолько привязался к парнишке, что в какой-то степени заменил ему отца. В силу этих обстоятельств официальное обращение сменилось неофициальным. Несмотря на то, что Аким по-прежнему называл Олсуфьева по имени и отчеству, он использовал в данной модели именованную стяжательную форму отчества *Парамоныч*, выражая тем самым, с одной стороны, безграничное уважение и благодарность, а с другой – любовь к человеку, который заменил ему отца.

Трехчленная модель именованная «имя + отчество + фамилия» имеет низкую частотную представленность и репрезентирует сложившуюся официальную систему именнаяречения в русском обществе. Использование данной модели в сфере бытового общения указывает на особое уважение

и признательность к именуемому: *Мой наставник и бригадир, Кирила Мефодьевич Зимин, умел, однако, без разгона, с места, запрыгивать в катящийся вагон, на ходу сцеплял и расцеплял пусть и ржавые форкопы, на ходу же мог соединить или разъединить и перекрыть воздушные рукава и вообще работал как бы играючи* [4, с. 343].

Трехчленная модель в немецком художественном ономастическом пространстве используется единожды и реализована вариантом «имя₁ + имя₂ + фамилия», репрезентирующим национальную официальную форму именованного лица в немецком обществе, представленную, как правило, в метрических записях Римско-католической церкви и состоящую из первого (чаще всего паспортного) и второго (или среднего) имен и фамилии.

Таким образом, в ономастическом пространстве художественных произведений В. П. Астафьева и Г. Бёлля функционируют одно-, дву- и трехчленные антропонимные модели. Они характеризуются различной структурной и частотной представленностью, разной степенью инкорпорированности социопрагматической информации в содержательно-смысловом компоненте модели именованных действующих лиц. Специфика реализации социопрагматической информации антропонимными моделями устанавливается в творчестве двух авторов в рамках диапазона зоны приватности как маркера социального пространства и личных интенций субъектов коммуникации, определяющих поведение и взаимоотношения героев в различных актах референции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шевринова, О. В.* Социопрагматическая информативность имени собственного в русско- и немецкоязычном художественном тексте (на материале произведений В. П. Астафьева и Г. Бёлля): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. В. Шевринова. – Минск, 2018. – 165 л.
2. *Астафьев, В. П.* Забубенная головушка / В. П. Астафьев // *Новый мир*. – 1992. – № 2. – С. 44–62.
3. *Астафьев, В. П.* Последний поклон: в 2 т. / В. П. Астафьев. – Изд. доп. и испр. – М.: Мол. гвардия, 1989. – Т. 1. – 336 с.
4. *Астафьев, В. П.* Последний поклон: в 2 т. / В. П. Астафьев. – Изд. доп. и испр. – М.: Мол. гвардия, 1989. – Т. 2. – 432 с.
5. *Куликова, Л. В.* Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты: на материале русской и немецкой лингвокультур / Л. В. Куликова. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
6. *Астафьев, В. П.* Прокляты и убиты / В. П. Астафьев. – М.: Эксмо, 2009. – 800 с.
7. *Бойкова, И. Б.* Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики (русско-немецкие параллели) / И. Б. Бойкова // *Русское и немецкое коммуникативное поведение*. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып. 1. – С. 100–110.

8. Böll, H. Ansichten eines Clowns / H. Böll. – London : Taylor & Francis e-Library, 2005. – 346 S.
9. Böll, H. Haus ohne Hüter / H. Böll. – München : Deutsch. Taschenbuch Verl. GmbH & Co. KG, 1981. – 266 S.
10. Böll, H. Billard um halb zehn / H. Böll. – 4. Aufl. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1996. – 305 S.
11. Астафьев, В. П. Царь-рыба / В. П. Астафьев. – М. : Дет. лит., 2008. – 429 с.

The article explores the sociopragmatic information contained in structural anthroponymic naming models used to identify the characters in V. P. Astafyev's and H. Böll's fictional works. It has been established that there are one-, two- and three-member anthroponymic models with different types of structural representation and frequency, and different degrees of incorporation of socio-pragmatic information in the onomastic space created by the authors mentioned. The specificity of the socio-pragmatic value consists in scope of privacy zone in the communicative act. The article presents certain essential results of the dissertation that have not been published before.

Поступила в редакцию 16.03.2020

А. К. Шевцова

ТИПОЛОГИЯ И РОЛЬ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДЕТСКОМ ТЕЛЕДИСКУРСЕ НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ¹

В статье анализируются и сопоставляются синтаксические типы сравнительных конструкций в речи ведущих детских телепередач на белорусском и английском языках. Подробно рассматриваются прагматические функции данных сравнительных конструкций. Наряду с общими для двух лингвокультур функциями раскрыты некоторые специфические: ироническая функция – в белорусскоязычном медиадискурсе и риторическая – в детских телепрограммах на английском языке.

Современный человек существует в контексте различного рода дискурсов, которые формируют его мировоззрение, особенности коммуникативного поведения, определяют и строят межличностные отношения в социуме, демонстрируя те или иные модели и стандарты. В настоящее время значительное влияние на общество оказывает медийный дискурс, или дискурс средств массовой информации. Он транслирует не только информацию в глобальном масштабе, но и направленно воздействует на зрителя, слушателя, читателя или пользователя Интернета. В особенности такому воздействию подвержена детская аудитория, поскольку именно дети и подростки проводят много свободного времени в среде СМИ. К сожалению, сегодня существует

¹ Исследование выполнено в рамках НИР «Коммуникативный и лингвопрагматический профиль участников детского теледискурса в сопоставительном аспекте» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор с БРФФИ № Г18М-158 от 30.05.2018 г.).

достаточно ограниченный контент белорусскоязычных теле- и радиопередач для детей. В то же время замечено, что дети, которые с раннего возраста смотрят и слушают программы на белорусском языке, начинают воспринимать белорусскую речь как естественное средство коммуникации. Они склонны говорить по-белорусски со сверстниками, охотнее и успешнее овладевают белорусским языком в рамках школьной программы.

В настоящем исследовании мы сфокусируем свое внимание на отдельных языковых и коммуникативно-прагматических особенностях медийного дискурса, адресованного детям. В частности, рассмотрим сравнительные конструкции, их структуру и прагматическую роль в речи участников детских телепрограмм на белорусском и английском языках.

На наш взгляд, сравнительные конструкции играют немаловажную роль в дискурсе, направленном на детскую аудиторию, позволяя облегчить понимание ребенком коммуникативной ситуации, опосредованно через вторичные образы содействовать корректной интерпретации речевого фрагмента. В то же время они способны создавать более яркие образы, репрезентируя маркированные элементы этноспецифической картины мира коммуникантов.

В целом сравнительные конструкции достаточно детально изучены как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Так, Л. М. Малых выделяет два подхода к изучению сравнения: логико-гносеологический (который также именуется классическим или традиционным) и когнитивный (или лингвокультурологический) [1, с. 83]. Анализируя работы отдельных лингвистов и различных школ в данной области, исследователь приходит к выводу, что классический (традиционный) подход основывается преимущественно на интересе к «общечеловеческим ценностям, на их систематизации и все большем обобщении. Целью же когнитивного подхода является вскрытие идеоэтнических, культурно-специфических знаний, показывающих носителей разных лингвокультур, скорее, отличными друг от друга, чем сходными» [1, с. 84]. При этом отметим, что для рассматриваемых направлений характерен разный объект изучения – грамматические структуры для традиционного подхода и семантика лексических единиц – для когнитивного. В нашем исследовании мы будем акцентировать внимание как на сходных, так и на специфических чертах и типах сравнительных конструкций, поскольку они репрезентируют наряду с культурно-маркированными и общечеловеческие, универсальные, подходы к коммуникации, адресованной детям. Соответственно, нам следует уделить внимание как грамматической структуре, так и семантической составляющей сравнительных конструкций.

Ряд лингвистов подходят к анализу сравнения как отдельного стилистического приема. С. И. Ожегов, Д. Н. Ушаков, Н. В. Кузнецова подчеркивают образную природу сравнения, в основе которой лежит сопоставление или уподобление одного предмета другому [2; 3; 4]. По определению М. С. Ивашовой, «сравнительный оборот – это часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия, одиночной или с зависимыми словами, которая обозначает то, с чем сравнивается

называемый в предложении предмет, признак или действие» [5, с. 8]. М. П. Ковалёва замечает, что синтаксическая категория сравнения отражает принципиальное сходство мыслительных процессов людей, говорящих на разных языках [6, л. 69].

Лингвистические исследования показывают, что к самым распространенным средствам реализации сравнения в тексте/речи в разных языках относятся устойчивые (образные) сравнения. Особый интерес в связи с этим вызывают у исследователей сравнительные обороты с союзом *как* в русском языке (англ. *like, as*) и их синонимы (устойчивые, образные, авторские сравнения и т. д.). Под устойчивыми сравнениями В. М. Огольцев понимает «воспроизводимые, частично или целостно переосмысленные экспрессивные единицы языка, обладающие формальными признаками компаративности в виде сравнительных союзов или представленные другими сравнительными конструкциями. Они характеризуются воспроизводимостью и интенсивно используются всеми носителями языка» [7, с. 5].

Устойчивое сравнение, наряду с другими сравнительными оборотами, представляет собой грамматическую (синтаксическую) конструкцию. Следовательно, «в нем также выделяются два явления, между которыми устанавливается отношение сравнения. Однако фокусом внимания лингвистов-когнитивистов является не вся сравнительная конструкция, а так называемый эталон (чаще, образ или модуль и т. д. в разной терминологии)» [8, с. 10], так как он выступает носителем информации об этнокультурной специфике личности говорящего, а также самобытности сравниваемых феноменов.

Интересные примеры анализа устойчивых сравнений приводятся В. А. Масловой. Автор отмечает, что об этнокультурной специфике устойчивых сравнений, например, в белорусском языке свидетельствуют сравнения типа *прагны, як багна, як дрыгва* ‘жадный, как топи, как трясина’, что объясняется географическими особенностями среды обитания этого народа: ведь огромную часть территории нашей страны занимают болота. Сентиментального человека носители белорусского языка сравнивают с полем васильков, а василек, как известно, является символом Республики Беларусь. Таким образом, делает вывод В. А. Маслова, выбор сравнения для номинации черт характера человека – это отбор характерных для национального мировосприятия объектов реального и вымышленного мира, и поэтому устойчивые сравнения способны дать ключ к разгадке национального сознания [9].

В качестве фактического материала исследования выступили белорусскоязычные телепередачи для детей «Калыханка» и «Дабраранак», а также англоязычные телепрограммы «Sesame Street», «Clifford the Big Red Dog», «Barney & Friends», «Sid the Science Kid», из которых было отобрано по 120 сравнительных конструкций.

Предложения, включающие в свой состав сравнения, делятся на простые и сложные с придаточными сравнения. Больше всего примеров в анализируемом нами материале представляют простые предложения, ведь детской

целевой аудитории легче воспринимать предложения, простые по грамматической структуре. Сложные предложения с придаточными сравнения делятся на предложения с союзами достоверного сравнения (*like, as*) и условно-предположительного сравнения (*as if, as though*).

В целом в детских телепрограммах на белорусском языке наблюдается достаточно большое разнообразие синтаксических структур. Наиболее частотными (41 % от общего количества отобранных сравнительных конструкций) представляются сравнительные обороты со сравнительными союзами *як, нібы, быццам*. Например: *Ты хочаш быць моднай і прыгожай, як ўсе дзяўчынкі?*; *Уяўляю, як машыны выязджаюць на подыум дэманстраваць свае строі, нібы топ-мадэлі*. Достаточно частотны сравнения в форме сказуемого – они составляют 26 %: *У вадзе пінгвінам у параўнанні з марозам – 90 градусаў – амаль курорт*; *А ў вадзе пінгвіны – сапраўдныя птушкі ў палёце*; *Марс – быццам вялікі іржавы шар*. Данный тип сравнительных конструкций нередко реализуется с привлечением специфических глаголов и прилагательных со значением сопоставления, например, *паходзіць, быць падобным*: *Топы, ты зараз паходзіш на нейкую міжпланетную істоту!*

Сравнения в форме неполных придаточных предложений встречаются в 17 % случаев использования сравнительных конструкций. Например: *Робім вочкамі так, нібы васьмёрку малюем*. Реже всего ведущими детских телепрограмм используются сравнения в форме фразеологических оборотов (8 %) и полные придаточные предложения сравнительной семантики (8 %): *Прасілі яго, ушчувалі, выглядала гэта як гарохам аб сценку*; *Холадна, холадна, холадна. Ой, холадна, нібы зіма вяртаецца!*. Можно предположить, что фразеологические обороты и полные придаточные предложения сложнее для восприятия детской аудиторией. Они требуют более глубокого знания лингвоспецифического фразеологического фонда, культурно-маркированных реалий, а также более длительной концентрации внимания со стороны маленьких зрителей, для которых предпочтительнее короткие предложения с простой синтаксической структурой.

В англоязычном медийном дискурсе, адресованном детям, также наблюдается превалирование упрощенных синтаксических конструкций с семантикой сравнения. Однако ввиду специфики языковой системы в данном случае наблюдается ряд особенностей. Самыми популярными типами сравнительных конструкций оказались компактные по структуре сравнения, включающие в свой состав смысловой глагол в сочетании с наречием *like* (*It covers the ladybug like a shell*) – 26 %, специфические наречия в превосходной степени (*Duckling ran fastest of all*) – 21 %, прилагательные в сравнительной степени с наречием *than* (*I'm waiting for the New Year much more than any other festive day*) – 23 %, двойной союз *as/so ... as* с прилагательным – 18 % (*He found only roots as thin as threads; Breakfast is just as good as any other meal*). Кроме того, в англоязычном дискурсе, как и в белорусскоязычном, достаточно частотны сравнительные конструкции в форме сказуемого с глаголами *seem, look like* (12 %). Например: *And that Pixy seemed a small girl; Sunspots look like dark spots*. Кроме того, в англоязычных детских телепе-

редачах ведущие чаще, чем в белорусских программах, используют устойчивые сравнительные конструкции, в том числе фразеологизмы – 18 случаев на материале английского языка против 10 случаев в белорусских телепередачах. Например: *I love staying home – there's no place like home.*

Обратимся к семантике и функциям сравнительных конструкций. Прежде всего отметим, что исследуемый вид медийного дискурса обусловлен характером восприятия сравнений адресатом и спецификой аудитории, на которую направлен настоящий вид дискурса. Согласно классификации, предложенной Е. А. Некрасовой, сравнительные конструкции в детском медиадискурсе принадлежат к классу общезыковых сравнений, признак и образ которых известны заранее [10]. При этом как предмет сравнения, так и образ сравнения могут быть представлены в виде развитого положения. В некоторых случаях образ сравнения может подаваться кратко и лаконично, лишь строя «мостики» между отдельными реалиями действительности. В этой связи сравнительные конструкции играют важную роль в создании целостной картины.

Рассмотрим примеры из белорусскоязычной детской телепередачи «Калыханка». Яна: «Я, дзядуля, як Папялушка жадаю быць – яна ўсім дапамагала». Дзядуля Дабрадзей: «Ты свайму сябру адказала ў дапамозе. А яшчэ хочаш быць падобнай да Папялушкі!». В первом случае кукла-ведущая лисичка Яна поясняет, почему она желает быть похожей на Золушку, поскольку существует вероятность, что не все зрители знают данный сказочный персонаж и не смогут правильно интерпретировать высказанную мысль. Во втором случае Дедушка Добродей, взрослый ведущий, аргументирует, почему Яна не похожа на Золушку, создавая конструктивный посыл зрителям – «если хотите походить на Золушку (= быть хорошими и добрыми), то помогайте друзьям». В первом случае детализации подвергся образ сравнения – Золушка, а во втором – предмет сравнения – лисичка Яна.

В англоязычном теледискурсе, адресованном детям, также достаточно частотны общезыковые сравнения с детализацией как предмета, так и образа сравнения. При этом коммуниканты стараются избегать неожиданных, непредсказуемых или незнакомых сюжетов при построении сравнительных конструкций. Каждый раз данные конструкты доступны для понимания юных зрителей: *I've been on a boat so long that even dry land feels like waves on the ocean.*

Сравнительные конструкции порой выполняют эмфатическую функцию, усиливая эмотивный потенциал фразы или повышая образность высказывания. В этом случае они, как правило, представлены нераспространенными сравнительными оборотами, оставляющими за зрителями право домысливать представленный сюжет, подключить фантазию. Например: *Цыц, малеча! Разбушаваліся, як марскі шторм!; Ну, і чаго застылі, як сушаная тарань?; Ха, садзьмуліся, як рыба-пузыр, пасля другога выпрабавання!; Oh, it looks like I made a bit of a mess!.*

Отдельный интерес представляет ироническая функция сравнительных конструкций, когда в итоге обнаруживается, что реальное положение вещей не соответствует заявленному. Например, Яна: “Проста ты, Цёма, не такі акуратны, як я”. Тёма: “Вой-вой-вой! І што табе карысці ад тваёй акуратнасці!”. Впоследствии оказывается, что Яна не такая аккуратная, как бы ей хотелось: она не может найти свою любимую игрушку, которую забыла на игровой площадке. Вывод – не следует хвалить самого себя, нужно быть скромнее. Данную функцию, как показал проведенный анализ, выполняют исключительно сравнительные конструкции на белорусском языке.

В англоязычном дискурсе также была обнаружена специфическая функция сравнительных конструкций, не отмеченная нами в ходе работы с белорусскоязычным материалом, – риторическая. В основе вопросительного высказывания, содержащего сравнительную конструкцию, лежит утверждение: *What is better than a piping hot bowl of oatmeal? History tells us ...*

Таким образом, сравнительные конструкции в детских телепередачах на белорусском и английском языках имеют как общие черты и функции, так и ряд специфических характеристик. Так, в целом в обеих лингвокультурах доминируют сравнительные конструкции, которые относительно просты по своей грамматической структуре. При этом в телепрограммах на двух языках наблюдается по 5 основных типов наиболее частотных сравнительных конструкций. В белорусскоязычном материале к наиболее популярным типам сравнительных конструкций относятся: 1) сравнительные обороты со сравнительными союзами *як, нібы, быццам*; 2) сравнения в форме сказуемого; 3) сравнения в форме неполных придаточных предложений; 4) сравнения в форме фразеологических оборотов; 5) полные придаточные предложения сравнительной семантики.

В англоязычном медийном дискурсе, адресованном детям, отмечается превалирование следующих типов сравнительных конструкций: 1) сравнения, включающие в свой состав смысловой глагол в сочетании с наречием *like*; 2) специфические наречия в превосходной степени, 3) прилагательные в сравнительной степени с наречием *than*, двойным союзом *as/so ... as* с прилагательным; 4) сравнительные конструкции в форме сказуемого с глаголами *seem, look like*; 5) устойчивые сравнительные конструкции, в том числе фразеологизмы.

Как в белорусско-, так и англоязычном детском медиадискурсе сравнительные конструкции принадлежат к классу общеязыковых сравнений с относительно распространенной детализацией предмета и образа сравнения. В обеих исследуемых лингвокультурах в отобранных телепрограммах отмечается ряд сходных прагматических функций, выполняемых сравнительными конструкциями. К специфическим функциям, свойственным в большей степени лишь одной из представленных лингвокультур, можно отнести ироническую функцию, характерную для белорусскоязычных детских телепрограмм, и риторическую функцию, которая чаще отмечается в англоязычном медиадискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малых, Л. М.* Логико-гносеологический и когнитивный подходы к изучению категории сравнения в лингвистике / Л. М. Малых // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. – 2012. – Вып. 2. – С. 83–84.
2. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 10 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – Изд. 26-е. испр. и доп. – М. : «ООО Издательство Оникс»: ООО «Издательство Мир и образование», 2010. – 736 с.
3. Толковый словарь русского языка : в 3 т. / ред. Д. Н. Ушаков. – М. : Вече, 2001. – 671 с.
4. *Кузнецова, Н. В.* Русский язык и культура речи: учебник / Н. В. Кузнецова. – Изд. 3-е. – М. : Форум, 2010. – 368 с.
5. *Ивашова, М. С.* Структурно-семантические особенности сравнительных конструкций во французском и русском языках в их сопоставлении (на материале художественных переводов) / М. С. Ивашова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskie-osobennosti-sravnitelnykh-konstruktsii-vo-frantsuzskom-i-russkom-y/read>. – Дата доступа : 5.04.2019.
6. *Ковалёва, М. П.* Фигура сравнения как конструктивный элемент дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. П. Ковалёва ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2003. – 172 л.
7. *Огольцев, В. М.* Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка / В. М. Огольцев. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1994. – 511 с.
8. Особенности многозначности устойчивых сравнений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mnogoznachnosti-ustoychivykh-sravneniy>. – Дата доступа : 10.04.2018.
9. *Маслова, В. А.* Человек в зеркале сравнения / В. А. Маслова // Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – С. 142–191.
10. *Куканова, А. П.* Исследование сравнений: различные точки зрения / А. П. Куканова // Новая наука: современное состояние и пути развития. – Уфа : ООО «Агентство международных исследований», 2015. – № 5. – С. 107–109.

The article analyzes and compares the syntactic types of comparative constructions used in popular television programs for children in Belarusian and English. The pragmatic functions of these comparative constructions are examined in detail. Along with the functions common to the two linguistic cultures, some specific ones have been revealed, namely, the ironic function in the Belarusian-language media discourse, and the rhetorical function in the television programs for children in English.

Поступила в редакцию 17.03.2020

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. Н. Воробей

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА БАХУВРИХИ
В АМЕРИКАНСКОМ СЛЕНГЕ

Особенностью американского сленга в отличие от литературного языка является наличие значительного количества экзоцентричных сложных слов, среди которых можно выделить так называемые бахуврихи, или посессивно-метонимические сложные слова. В статье рассматриваются семантические, словообразовательные, структурные особенности анализируемого пласта лексики. Также осуществляется анализ специфики области-источника, включающей определяемую и определяющую основы, и области-цели, на основании чего выделяются 10 ведущих структурно-семантических моделей сложных слов класса бахуврихи в американском сленге.

Традиционно с точки зрения семантического критерия сложные слова в английском языке подразделяются на эндоцентричные – сложные слова, в которых второй элемент является семантическим центром и гиперонимом для всего сложного слова (*blackboard, apple pie, earthquake, sunrise*), и экзоцентричные – сложные слова, в которых ни один из вторых компонентов не может выступать в качестве семантического центра сложного слова (*grass-widow* ‘a wife whose husband is away on an extended trip’, *kill-joy* ‘a gloomy person; one whose actions or remarks deprive others of pleasure’, *wet-blanket* ‘one who habitually discourages others from having fun’). Подавляющее большинство сложных слов в литературном языке относится к первому типу [1, с. 87].

Среди сложных слов экзоцентричного типа можно выделить небольшую группу слов, относящихся к так называемым «бахуврихи» (санскр. *bahuvrihi*). Данный термин относится к древнеиндийской грамматике и поэтике и обозначает сложные слова со значением принадлежности, «выражающие обладание предметом или свойством, обозначенным посредством компонентов сложного слова» [2, с. 469]. Они называют человека, растения, животных, предметы по характеризующим их признакам, например, человека по частям тела, одежде: *gray-legs* ‘West Point cadets’; *rattle-brain* ‘a stupid person’¹. Иногда вышеупомянутый класс сложных слов именуется термином «посессивно-метонимические сложные слова» [3, с. 111].

Данный класс сложных слов в английском литературном языке не является многочисленным [4, с. 73; 5, с. 151] в силу их высокой идиоматичности и, как следствие, стилистической и эмотивной окрашенности. Поэтому бахуврихи получили распространение именно в субстандарте вследствие специфики

¹ Само слово *бахуврихи* устроено следующим образом: в его состав входит две части: *bahu-* (обильный) и *-vrihi* (рис). Таким образом, дословно данное слово обозначает «много риса».

протекания номинативных процессов в этих подсистемах общенационального языка. Известно, что основной функцией субстандарта, наряду с номинативной, является и реноминативная функция – создание экспрессивных дублетов для понятий, зачастую уже имеющих обозначение в литературном языке [6, л. 138].

Цель данной статьи – выявление структурно-семантических моделей бахуврихи в американском сленге.

Материалом для анализа послужили данные словарей американского сленга [7; 8; 9].

На первом этапе исследования был уточнен объем понятия «бахуврихи» и статус данного типа сложных слов. Бахуврихи не получили однозначного определения в лингвистике. Так, одни лингвисты [5; 10] считают их псевдосложными словами и относят к семантическим дериватам. Этот тезис обычно доказывается тем, что ни один из компонентов, составляющих данные слова, не может выступать в качестве их семантического центра. Такие слова традиционно описывают как комбинации со сложным определяющим словом, или детерминантом (*composite determinant*) и нулевым определяемым (*zero determinatum*) [10, p. 13]. Так, слово *birdbrain* ‘a stupid person’ нельзя определить в традиционных терминах ‘ $AB = B$ ’ (или ‘*B is determined by A*’), а только как ‘a person having a birdbrain’. Соответственно, значение анализируемых лексических единиц можно определить как ‘someone or something marked by what is expressed in the composite determinant’ [Там же, p. 14].

Другие лингвисты [11] говорят лишь о разной степени мотивированности и различных типах сложных слов с точки зрения отношений между главным элементом сложного слова и зависимым, выделяя при этом эндоцентричные сложные слова (*endocentric*) и экзоцентричные (*exocentric*).

С нашей точки зрения, бахуврихи являются сложнопроизводными словами, а не семантическими дериватами. Этот тезис обусловлен тем, что, во-первых, процесс семантической деривации возможен только в рамках уже существующей единицы. Ср.: *live wire* ‘a wire that has electricity passing through it’ (литературный язык) → *live wire* ‘an exciting person, an active, alert, reliable person’ (сленг). Во-вторых, сложные слова могут иметь разную степень мотивированности (полностью, частично и немотивированные), при этом границы между данными классами не всегда четкие. Таким образом, на наш взгляд, данные лексические единицы были созданы путем одновременного действия словосложения и семантической деривации (в большинстве случаев метонимии), что оправдывает их отнесение к классу сложнопроизводных слов.

Кроме проблемы определения статуса сложного слова, относящихся к классу бахуврихи, зачастую наблюдается смешение понятий «бахуврихи» и «экзоцентричные сложные слова». На наш взгляд, термин «бахуврихи» уже термина «экзоцентричные сложные слова» и является лишь его составной частью. К классу бахуврихи можно причислить лишь сложные слова, в которых наблюдается метонимический сдвиг. Так, сложные слова типа *wet-blanket* ‘one who kills enjoyment’; *turnkey* ‘keeper of the keys in prison’; *fiddlesticks* ‘nonsense’; *scape-goat* ‘someone who is blamed for something bad that

happens, even if it is not their fault' являются экзоцентричными дериватами, которые возникли в результате метафорического переноса. Их нельзя причислить к классу бахуврихи, так как они не являются посессивно-метонимическими сложными словами. Учитывая вышесказанное, в данном исследовании к классу бахуврихи отнесены сложные слова экзоцентричного типа, которые называют человека или предмет по характеризующим его частям, при этом значение лексемы складывается на основании переосмысления «часть – целое», то есть между значениями определяемой основы и сложного слова наблюдается связь *pars pro toto*. Таким образом, общий объем выборки составил 333 лексические единицы.

На следующем этапе исследования был осуществлен семантический анализ бахуврихи в американском сленге (таблица).

Семантическая классификация бахуврихи в американском сленге

Лексико-семантическая группа	Количество сленгизмов (%)
Наименования лиц	95
Наименования предметов	3
Наименования животных	2
Итого	100

Установлено, что как и в литературном языке, в американском сленге подавляющее число сложных слов данного класса выступают в роли наименований лиц (95 %): *square-head* 'a Scandinavian'; *eagle-eye* 'one who sees or watches as well as an eagle'; *bucket-head* 'a German'; *blue skin* 'a negro, esp. a very dark complexioned one'; *bean-head* 'a stupid person'.

При этом абсолютное число бахуврихи-наименований лиц являются характеризующими наименованиями¹ (99 %), то есть эмоционально окрашенными дублетами слов литературного языка, что еще раз подчеркивает реноминативную функцию данных сложных слов. Если основной функцией процессов номинации в литературном языке является обозначение объектов внеязыковой действительности, то в субстандартных подсистемах, наряду с номинативной, процесс номинации осуществляет также и реноминативную функцию, давая имена сущностям, уже имеющим обозначение в литературном языке. Ср.: «Одной из отличительных особенностей номинации в субстандарте является необходимость не столько назвать новые предметы, сколько выразить в некотором смысле иное отношение к уже известным предметам или явлениям или как-то иначе их охарактеризовать» [13, л. 138]. Кроме того, определенную специфику субстандартной номинации придает и тот факт, что в данных подсистемах ярче, чем в других сферах языка, проявляется игровая, экспрес-

¹ Классификация наименований лиц, а также названия групп и подгрупп приводятся по Русскому семантическому словарю [12].

сивная функция. Процессы номинации в субстандарте зачастую направлены на «порождение ярких, образных и выразительных слов. Многие из них являются экспрессивными модификациями нейтрально-литературных, просторечных или разговорных слов» [6, л. 133].

Среди характеризующих наименований лиц лидирующей подгруппой являются наименования лиц по интеллектуальному свойству (42 %). При этом большая часть данных сложных слов называет глупого человека (52 %), формируя при этом значительный синонимический ряд: *cheesehead, chowderhead, chicken head, chucklehead, clunkhead, cokehead, deadhead, deadneck, dim-wit, dough-head, dumbhead, egghead, fathead, flat-head, hardhead, hothead* 'a stupid person'.

Наименования лиц по профессии составляют 25 %: *jar-head* 'a marine'; *krauthead* 'a German soldier'; *leatherneck* 'a US marine'; *paddlefoot* 'an infantry soldier'; *pale-face* 'a circus clown'.

Менее многочисленные классы формируют бахуврихи-наименования лиц по физиологическому состоянию (16 %) (*pie-face* 'a person with a round face and a blank, funny or homely expression'; *pink-toes* 'a light-complexioned Negro girl'; *satchel-mouth* 'a person with a large mouth'); наименования лиц по расе, национальности (10 %) (*bucket-head* 'a German'; *burr-head* 'a Negro'; *clock-and-suiter* 'a Jew') и наименования лиц по социальному свойству (7 %) (*strong arm* 'a person employed to carry out acts of violence, one who uses physical violence to obtain money or information, as a hoodlum'; *stuffed shirt* 'any superior, any wealthy or socially prominent person'; *brass hat* 'an official, any important or influential person, one in authority, a boss').

Классы собственно оценки (0,6 %) (*mud-snoot* 'a disliked person, fig., a pig') и обращений (0,6 %) (*sugar-head* 'a term of endearment'), а также названия совокупностей лиц (0,7 %) (*gold braid* 'US officers'; *lens lice* 'film actors who try for better positions before the camera than those assigned to them') представлены единичными наименованиями.

Бахуврихи, обозначающие наименования предметов и животных, формируют немногочисленные классы. Так, бахуврихи, называющие предметы (4 %), чаще обозначают целый предмет по его части: *chopped top* 'a convertible car'; *hot seat* 'a witness chair in a courtroom'; *one-eye* 'an automobile driving with only one headlight'; *yellow-back* 'a banknote, esp. a gold certificate'.

Бахуврихи, относящиеся к классу наименований животных (2 %), как правило, обозначают животное путем метонимического переосмысления наименований частей тела: *grayback* 'a louse'; *hardtail* 'an Army mule'; *bangtail* 'a race horse'. При этом в ряде случаев отмечены синкретичные случаи взаимодействия метафоры и метонимии – метафтонимия: *broom tail* 'a mare'; *bush-tail* 'a horse'. В целом данный класс бахуврихи не является многочисленным, так как наименования животных представлены незначительно в американском сленге (58 сленгизмов; 0,4 %).

С точки зрения способа образования подавляющее большинство бахуврихи в американском сленге представлено сложнопроизводными словами, образованными одновременным действием сложения и семантической деривации (чаще метонимии) (95 %): *eagle-beak* 'a Jew'; *crooked arm* 'a left-handed pitcher'; *beer belly* 'any man with a protruding abdomen'. Число сложнопроизводных слов, образованных одновременным действием сложения и других способов словообразования – аффиксации, конверсии и обратной деривации, невелико (5 %): *double-header* 'a customer who buys more than one of the same item at a time' (сложение + суффиксация); *clunk-head* 'a stupid person' (сложение + конверсия).

По своей структуре бахуврихи принадлежат к определительным сложным словам, в которых определяемая основа представлена, как правило, именем существительным. Так, в бахуврихи-наименованиях лиц второй компонент чаще всего обозначает часть тела или наименование одежды. При этом подавляющее большинство вторых компонентов данных слов представлено видимыми частями тела (*nose, face, head, foot, neck, belly, arm, mouth, gum, finger, back, eye, hand, legs, ankle, elbow, jaw, ear, thumb, waist*). Самым частотным наименованием части тела, выступающим в качестве второго компонента бахуврихи, является лексическая единица *head* (39 %): *redhead* 'a freshman'; *bean-head* 'a stupid person'; *rag-head* 'a Hindu or other Asiatic'. Наименования внутренних органов, выступающих в качестве вторых компонентов бахуврихи, представлены незначительно: *brain, heart, wit, gut*.

Помимо лексических единиц, являющихся наименованиями частей тела в своих прямых значениях, в качестве вторых компонентов бахуврихи могут выступать лексические единицы, обозначающие части тела, образованные путем вторичной номинации (чаще метафоры): *double-dome* 'a well-educated person'; *ivory dome* 'a stupid person'; *marble dome* 'a stupid person' (от *dome* 'the head, esp. of a person').

Вторым компонентом бахуврихи могут выступать также наименования одежды и аксессуаров (*shirt, hat, coat, shoe, pocket, collar, pants, boots, heels, cap, sock, badge, star*): *white collar* 'office worker'; *rubber sock* 'a timid, delicate or cowardly person'; *white shoe* 'an archetypal student of the Ivy League'; *tin-badge* 'a policeman'; *tin-star* 'a private detective'.

Определяющая основа, как правило, представлена основами имени существительного (*rice-belly* 'a Chinese'), прилагательного (*stiff neck* 'a snob') и глагола (*clunkhead* 'a stupid person').

Учитывая вышесказанное, можно выделить следующие структурно-семантические модели бахуврихи в американском сленге:

1) существительное + наименование части тела → наименования лиц: *apple-head* 'a stupid person'; *balloon-head* 'a stupid person'; *beer-belly* 'a man with a protruding abdomen';

2) прилагательное + наименование части тела → наименования лиц: *big mouth* 'a person who talks often'; *big head* 'a conceited person'; *blue skin* 'a Negro';

3) глагол + наименование части тела → наименования лиц: *bake head* 'a locomotive engineer'; *chucklehead* 'a stupid person';

4) прилагательное + наименование одежды → наименования лиц: *black coat* ‘an undertaker’; *blackshoe* ‘any member of the crew of an aircraft carrier whose duty is concerned with sailing and servicing the carrier’; *bad hat* ‘a bad actor’;

5) существительное + наименование одежды → наименования лиц: *bog pocket* ‘a stingy or thrifty person’; *brass collar* ‘a railway official’;

6) существительное + наименование части тела животного → наименование животного: *broom tail* ‘a mare’; *bush tail* ‘a horse’; *jar-head* ‘a mule’;

7) глагол + наименование части тела животного → наименование животного: *bang tail* ‘a mare’; *shave-tail* ‘a mule’;

8) прилагательное + наименование части тела животного → наименование животного: *gray back* ‘a louse’; *hard tail* ‘a mule’;

9) прилагательное + наименование части предмета → наименование предмета: *yellow-back* ‘a banknote, esp. a gold certificate’; *flattop* ‘a USN aircraft carrier’; *hard top* ‘a closed automobile with a flat roof and no upright roof supports, similar in appearance to a convertible car’;

10) существительное + наименование части предмета → наименование предмета: *kid top* ‘the sideshow tent’; *rag top* ‘an automobile with convertible top’.

Таким образом, сложные слова класса бахуврихи получили распространение именно в субстандартных подсистемах из-за своей эмоциональной окрашенности, которая возникает в результате одновременного действия сложения и семантической деривации (чаще метонимии). В силу антропоцентричной направленности большинства субстандартных подсистем большая часть бахуврихи представляют собой наименования лиц, при этом лидирующей подгруппой являются наименования лиц по интеллектуальному свойству. С точки зрения структурных особенностей анализируемые комплексы являются определятельными сложными словами, в качестве второго компонента которых чаще выступают наименования частей тела, при этом лексическая единица *head* самая частотная. Первый компонент представлен, как правило, основой имени существительного, выступающего в препозитивной функции, прилагательного или глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лещева, Л. М.* Слова в английском языке: курс лексикологии современного английского языка: учебник / Л. М. Лещева. – Минск: Акад. управления при Президенте РБ, 2001. – 179 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / редкол.: В. Н. Ярцева [и др.] – М.: Сов. энцикл., 1990. – 686 с.
3. *Крупенчонок, В. Н.* К вопросу о бахуврихи с австрийской маркированностью / В. Н. Крупенчонок // Филологические науки. Вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1. – Дата доступа: 7.01.2015.
4. *Арнольд, И. В.* Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Высш. школа, 1973. – 302 с.

5. Лексикология : учеб. пособие / Р. З. Гинзбург [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1979. – 269 с.
6. Гойдова, С. Молодежный жаргон в системе современного русского национального (общенародного) языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Гойдова. – М., 2004. – 190 л.
7. *Wentworth, H.* A dictionary of American slang / H. Wentworth, S. B. Flexner. – 2nd ed. – N. Y. : Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. – 766 p.
8. *Kipfer, B. A.* Dictionary of American slang / B. A. Kipfer, R. L. Chapman. – 4th ed. – N. Y. : HarperCollins Publishers Ltd., 2007. – 1114 p.
9. *Thorne, T.* Dictionary of contemporary slang / T. Thorne. – 3rd ed. – London: A & C Black Publ. Ltd, 2007. – 494 p.
10. *Marchand, H.* The categories and types of present-day English word-formation: a synchronic-diachronic approach / H. Marchand. – 2nd ed. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1969. – 545 p.
11. *Libben, G., Gonia, J.* The representation and processing of compound words [Electronic resource]. – Mode of access: www.oxfordscholarship.com. – Date of access: 28.01.2014.
12. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). – 807 с.
13. *Орлова, Н. О.* Сравнительная национально-специфическая характеристика американского и русского сленга: лексико-грамматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. О. Орлова. – Ярославль, 2006. – 183 л.

Bahuvrihi compounds are exocentric compounds which name a person or an object on the basis of their parts. These compounds are widely spread in English substandard systems due to the emotional colouring of bahuvrihi which is the result of simultaneous cooperation of composition and semantic derivation (more often metonymy). From the semantic point of view, the greatest number of bahuvrihi are names of people; the leading group being names of people according to their intellectual abilities. The article describes 10 structural-semantic patterns of bahuvrihi compounds, in which the second component is more often the name of a body part, while the first component can be a noun, an adjective or a verb.

Поступила в редакцию 11.03.2020

Т. А. Сысоева

МАРКЕРЫ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ И КОММЕНТАРИЯХ К НЕЙ

Ядерным компонентом статьи в интернет-версии издания “The Washington Post” выступает субъективная точка зрения автора. Она эксплицируется комплексом средств, включающим оценочную лексику, вводные слова, модальные элементы. В каждой статье также обсуждается способ решения поставленной проблемы, что объясняет употребитель-

ность модальных глаголов с семантикой необходимости. Комментарии к статье редко содержат компонент *решение проблемы*, однако средства выражения субъективной модальности в них более разнообразны, специфичны и включают разговорные элементы. В отличие от статьи, где основным способом выразить модальное значение необходимости выступает глагол *need*, авторы комментариев чаще прибегают к формулировке совета посредством *should*.

Благодаря растущему интересу к новым технологиям традиционные газеты и журналы получают «вторую жизнь» на цифровых платформах. Помимо таких медийных параметров, как гипертекстуальность и мультимедийность, сообщения в онлайн-версиях печатных изданий характеризуются интерактивностью, когда «реципиент имеет возможность написать комментарий, пройти по гиперссылке и др.» [1, с. 141]. По сути читатель получает право не просто выбирать нужный контент, но и управлять процессом чтения интернет-публикации. Однако сказанное не отменяет воздействующей силы медиасообщения, в том числе опубликованного в Интернете. «Мир Сети становится сегодня зеркальным отражением происходящих в социуме процессов, и, в свою очередь, осуществляет непосредственное влияние на развитие всех сфер общественной жизни (экономики, политики, социальной сферы, культуры, языка и мн. др.)...» [2, с. 25].

В чем заключается прагматический потенциал медиасообщения? СМИ «рисуют» определенную картину мира в сознании адресата, и «наши представления об окружающей действительности во многом обусловлены теми образами и интерпретациями, которые ежедневно тиражируются масс-медиа» [3, с. 35]. Медiateкст способен внести коррективы в нашу систему убеждений и даже побудить нас совершить тот или иной поступок. Такая иллюкативная сила возникает не в последнюю очередь благодаря тому, что все события изображаются в публицистическом тексте через «призму» опыта и мировоззрений адресанта. «Автор публикации подает сообщение, сопровождая его своим субъективным отношением» [4, с. 287].

Репрезентация авторского «я» в публицистике может быть «громкой» или «тихой» [5]. Авторское начало минимально представлено в информационных жанрах (заметках, новостях) и максимально – в аналитических жанрах (комментариях, статьях), где информация сопровождается открытым выражением мнения по поводу сообщаемого. Категория авторизации (или авторская модальность) непосредственно связана с понятием субъективной модальности, которая находит экспликацию на всех уровнях языка. Значимым является и сам выбор модальных средств, и их распределение в сообщении.

Несмотря на многообразие точек зрения относительно категории модальности традиционно признается ее двухаспектный характер. Принято дифференцировать объективную и субъективную модальности, связанные с глобальными уровнями смысла высказывания – «объективным, являющимся отражением внеязыковой действительности, и субъективным, являющимся рефлексией отношения мыслящего субъекта к данной действительности»

[6, с. 21]. В другой терминологии два аспекта смысла получили название номинативного (пропозиционального, диктумного) и коммуникативного (прагматического, модусного) [7].

Если объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане его реальности/ирреальности и актуализируется, главным образом, глагольным наклонением, то субъективная модальность передает уверенность/неуверенность, положительное/отрицательное отношение говорящего к описываемым фактам. Это проявление позиции говорящего, диктующей сознательный выбор конкретных языковых единиц с целью охарактеризовать какое-либо явление. К арсеналу средств, способных вербализовать субъективную модальность, относятся модальные элементы, междометия, оценочная лексика – все то, что помогает выразить субъективное отношение на фоне объективного изложения [8].

Субъективная модальность тесно соприкасается с категорией оценки, которая эксплицирует авторскую позицию в тексте и также именуется оценочной модальностью [9]. Сообщение воздействующего характера всегда несет в себе комплекс оценочных смыслов (положительных/отрицательных). Они выражены прямо или имплицитно и квалифицируют сказанное в рациональном или эмоциональном ключе [10]. Оценка чаще всего актуализируется лексемами с коннотативным значением, однако может быть вербализована на всех уровнях языка [11].

В настоящей публикации обратимся к анализу маркеров авторской позиции в аналитических статьях, опубликованных на веб-сайте американского издания “The Washington Post” в 2019–2020 гг. и посвященных обсуждению актуальных вопросов политики, экономики, здравоохранения и др. Особое внимание уделим средствам, вербализующим модальность необходимости и выражающим разную степень облигаторности действия, сопоставив их использование в статьях и читательских комментариях к ним.

Ядром статей является выражение точки зрения автора на существующую проблему, однако 100 % сообщений также предлагают способ ее решения. Инвариантная семантическая структура текста такова: *постановка проблемы* (1) – *авторская точка зрения* (2) – *пример* (3) – *решение проблемы* (4). Логично было бы предположить, что компонент *решение проблемы* является завершающим, однако это не всегда так. Семантические блоки разворачиваются в сообщении в произвольном порядке, зачастую «перемешиваясь»: *As the coronavirus spreads beyond China, the world is asking, “Are we on the verge of our next global pandemic?”* (1). *We can be sure the virus will continue to spread, but we can’t predict how far or for how long or how bad the impact will be* (2). *If we act now, we can prevent or blunt future epidemics and save millions of lives* (4). *We have successfully addressed serious public-health challenges. After the United States realized it was falling behind in biomedical research in 1998, we doubled the budget* (3). *This coronavirus outbreak reminds us that humanity shares a common enemy: dangerous microbes* (2). *When Ebola struck between 2014 and 2016, Congress ultimately allocated \$5.4 billion to*

control an epidemic (3). *The world needs a massive investment to protect against the next health threat* (4). Анализ текстов показал, что лексика с семантикой необходимости связана с компонентом *решение проблемы*, что вполне закономерно.

Маркерами субъективности в статье выступают разнообразные языковые средства. Оценку происходящему позволяет дать эмоционально окрашенная лексика различной частеречной принадлежности (*contempt, outrage; blatant, shocked; threaten, undermine*). Превалирует негативная оценка, что обусловлено выражением беспокойства по поводу существующей проблемы, открытым высказыванием критики, осуждением чьих-либо действий: *We all know that is nonsense; Given this glaring flaw, we anticipated that the record would be swiftly corrected*. Используемые автором клишированные фразы конкретизируют мысль (*to pose a clear risk, a core goal*), тогда как фразеологические единицы делают текст более экспрессивным: *This is worse than letting the fox into the henhouse; And politicians have actually expressed interest in evidence-based policy, leaving the door open for academics...; But while the study was widely covered in the media, it was based on a logical fallacy <...> and sheds no light on whether police violence is racially biased*.

Эксплицировать авторскую позицию позволяют вводные слова, выражающие мнение, отношение, степень уверенности, противопоставление, усиление и др. (*indeed, in many ways, to be clear, maybe, of course, to our surprise, however*): *Smartly, Beijing has recognized the importance of playing a leading role in global governance; Unfortunately, many of them have made it onto social media; On the contrary, PNAS promptly rejected our critique last year*.

Вероятность, предположение маркируются модальными глаголами *could, may*: *Beijing is lobbying hard to take over leadership of the international organization that oversees intellectual property, which could result in dire consequences for the future of technology and economic competition; Biskind couldn't have been more wrong; That may seem like a lot of money*. Аналогичную функцию выполняют инфинитивные конструкции с глаголами *seem, appear*: *Sexual coercion appears to have been a routine part of Weinstein's business; But the significance of Lowell's stories about Harvey Weinstein <...> seems to have gone largely unnoticed*. Для рассуждений автора о возможных сценариях развития событий, построения прогнозов характерно использование сослагательного наклонения: *If China were to control the WIPO, all kinds of fundamental intellectual property information could go directly into the hands of the Chinese government, and that, in turn, could undermine basic trust and confidence in the international patent system*.

Как уже отмечалось, обязательный компонент аналитической статьи – *решение проблемы*, с которым связана модальность необходимости. В исследуемых текстах необходимость выражается модальными глаголами в 83 % случаев: *We must do better, or risk receding into justified irrelevance; The United States and its partners <...> cannot and should not try to thwart every Chinese attempt to lead international organizations*. Превалирует глагол *need*, который

может рассматриваться в качестве ядерного средства реализации значения необходимости: *Focused research also **needs** to be funded, and U.S. preparedness **needs** to be strengthened...* Глагол *should*, второй по частотности, позволяет смягчить категоричность: *If a decade ago reviewers and journalists <...> couldn't recognize these stories for what they were, they **should** know better now. Everyone **should**.* Менее употребительными способами вербализации значения необходимости (17 %) являются слова и конструкции, синонимичные глаголам *need* и *should* (*require, had better, it's worth*): *Answering it not only **requires** obtaining reliable data on police-civilian encounters but also a strategy for making "apples to apples" comparisons...; We **had better not stop** until the voters are assured of getting what they want; **But it's worth examining** those stories...*

В отличие от статей, комментарии к ним не всегда содержат компонент *решение проблемы*. В 78 % случаев адресант ограничивается выражением собственной точки зрения по поводу происходящего. Маркировать субъективное мнение автора комментария позволяет оценочная лексика (*inadequate, mistrustful, etc.*): *Thanks for your hard work on this **absurd** and **frustrating** issue.* Как и в статьях, употребительны фразеологические единицы, добавляющие тексту выразительности (*But that is **a world apart** from what we will actually get*), и вводные слова, указывающие на отношение адресанта или позволяющие расставить акценты (*perhaps, certainly, after all, in fact, at any rate*). С целью выражения той или иной степени уверенности используются модальные глаголы (*That **must** be why late night television is dominated by conservatives*), а также глаголы *seem, appear* в значении 'казаться': *It **seems** very clear; But it **appears** prevention has become an un-American word.* Встречаются формы сослагательного наклонения: *If the US **financed** this effort all alone, it **would amount** to \$30 per American.*

Однако в целом арсенал средств вербализации субъективного мнения в комментариях отличается от средств экспликации с точки зрения автора статьи. Так, специфичным оказалось употребление эллиптических предложений с опущенным подлежащим: ***See** you missed it too; **Seems** like a sound approach; **Mostly agree** with you.* Для комментариев характерны разговорные обороты и конструкции, имитирующие непосредственное, «живое» общение: *Agreed; Oh, wait?; Come on; Here we are, sigh; Yeah, people (even academic people) believe what they want to believe.* Употребительны вопросно-ответные конструкции, также выполняющие функцию диалогизации: *What about Bill Clinton? He did a hell of a lot more than O; What's the old saying? Penny wise and dollar foolish!* С целью акцентирования в комментарии используются повторы, которые могут быть реализованы как на лексическом, так и синтаксическом уровнях: *We've been **really, really** lucky to date; We **have people** denying that climate change is real. We **have people** who feel it's ok not to vaccinate their children against childhood diseases.*

В комментариях отличается употребление аббревиатур. Если в статьях встречаются сокращения названий организаций, научных изданий или терминов (*WIPO – the World Intellectual Property Organization; PNAS – Proceedings*

of the National Academy of Sciences; SARS – severe acute respiratory syndrome), то для комментариев характерны сокращения, относящиеся к категории интернет-сленга. Так, в следующем примере используется аббревиатура *WaPo* – неформальный вариант названия “Washington Post”: *WaPo, great coverage in general*. Автор одного из комментариев называет себя *OT* (*old-timer* ‘старомодный, консервативный человек’): *Pardon the OT, but....* Другой особенностью комментариев являются более широкие возможности графического выделения информации, в частности, переключение регистра. Таким способом расставляются акценты, делается логическое ударение на определенных элементах высказывания: *The only thing that our country ALWAYS manages to find money for is war. Disease prevention is WAY down the scale of national priorities*.

Что касается средств, передающих семантику необходимости, то модальным глаголам в комментарии отводится менее значительная роль, чем в статье (50 % случаев): *No one should come to any conclusions whatsoever from one study. In the hard sciences, a scientifically or socially significant study must be done and redone by completely different teams before it is given any weight; And the public needs to follow this rule of thumb: nothing should be taken as true if you only encountered it on twitter or facebook*. В отличие от статьи, в комментарии превалирует модальный глагол *should*. Очевидно, что автор комментария предпочитает совет более категоричным формам выражения облигаторности.

Альтернативными способами вербализации значения необходимости в комментарии являются условные предложения первого типа (*If you are smart you will find another platform for social media*), а также различные формы сослагательного наклонения в составе простых предложений: *Adequate investments in truly ‘universal health care’ would be our best medicine; If only it weren’t taking so long; Perhaps Trump could stop building his silly and ineffective wall and divert funds to where it can actually do some public good?* При помощи данных приемов автор комментария акцентирует меры, которые, по его мнению, должны быть приняты ответственными лицами для нормализации проблемной ситуации. Встречаются выражения с модальным значением (*Why don’t you leave them a letter to explain why do what you do?*) и глагол *want* в составе сложного дополнения: *Some of us who appreciate first responders of all sorts, including cops, want them to improve*. В последнем случае эксплицируется как само желаемое действие, так и его исполнитель.

В заключение отметим, что аналитическая статья и комментарий к ней как жанры характеризуются высокой степенью авторского присутствия. Маркеры субъективного мнения в статье многочисленны, однако в ее состав входит не только компонент *авторская точка зрения*, но и *решение проблемы*, в связи с чем особую значимость приобретают языковые элементы с семантикой необходимости (преимущественно модальные глаголы). Спецификой комментария к статье является необязательный характер компонента *решение проблемы*. Средства выражения субъективной модальности в комментарии более разнообразны и включают «неформальные» элементы, не

свойственные статьям. Лексика с семантикой необходимости в количественном отношении так же употребительна, как и в статье, однако отличается составом: в комментарии меньший удельный вес получают модальные глаголы и на первый план выходят альтернативные (периферийные) способы выражения значения необходимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Казими́рова, О. В.* Дискурсообразующие параметры англоязычного общественно-политического журнала / О. В. Казими́рова // Коммуникативные стратегии: материалы 10-й Междунар. науч. конф.: памяти проф. В. В. Макарова, Минск, 21–22 нояб. 2019 г. / редкол.: Т. В. Поплавская (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2019. – С. 139–147.
2. *Белова, К. А.* Переключение кода как универсальная тактика стратегий самопрезентации в сети / К. А. Белова // Коммуникативные стратегии: материалы 10-й Междунар. науч. конф.: памяти проф. В. В. Макарова, Минск, 21–22 нояб. 2019 г. / редкол.: Т. В. Поплавская (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2019. – С. 24–31.
3. *Костяшина, Е. А.* Тематическое единство как фактор организации медиадискурса / Е. А. Костяшина // Язык и культура. – 2009. – № 3(7). – С. 34–40.
4. *Ткаченко, А. И.* Текстобразующая роль модальности в газетной статье / А. И. Ткаченко // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, № 2. – С. 286–291.
5. *Копытов, О. Н.* Модус публицистического текста / О. Н. Копытов // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1(35). – С. 224–230.
6. *Дубовик, Е. И.* Диктумно-модусная организация предложений с модальным значением целесообразности в современном русском языке / Е. И. Дубовик, И. А. Нагорный // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2011. – № 12(107). – Вып. 10. – С. 21–28.
7. *Хузина, Е. А.* Модальность необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым (на материале русских пословиц и поговорок) / Е. А. Хузина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 8 (223). – Вып. 51: Филология. Искусствоведение. – С. 147–152.
8. *Сподарец, О. О.* Субъективное и объективное в новостном жанре / О. О. Сподарец // Вестн. Башкир. ун-та. – 2010. – Т. 15, № 3. – С. 641–643.
9. *Аксенова, Т. В.* Субъективная модальность в англоязычном нанотехнологическом дискурсе / Т. В. Аксенова // Балт. гуманит. журн. – 2018. – Т. 7, № 2(23). – С. 25–27.
10. *Герасименко, И. Е.* Субъективная модальность и вторичные наименования / И. Е. Герасименко // Инновационная наука. – 2016. – № 11 (2). – С. 94–95.
11. *Каштанова, П. В.* Эксплицитные и имплицитные средства реализации субъективной модальности в художественном тексте / П. В. Каштанова, Г. П. Мосолова // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9. – С. 231–239.

The paper focuses on various means of expressing subjectivity in opinion articles and readers' comments. While the articles considered offer both, the description of a problem and its solution, the comments highlight the former and can boast of a more diverse complex of subjectivity markers.

Поступила в редакцию 21.02.2020

А. Н. Чударь

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДИМИНУТИВОВ В АВСТРАЛИЙСКОМ, НОВОЗЕЛАНДСКОМ И ЮЖНОАФРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ

В статье рассматриваются особенности структуры, семантики и функционирования аналитических диминутивов в английском языке (на материале национальных разновидностей Южного полушария). Определены ядерные и периферийные способы образования аналитических диминутивов, выявлены основные семантические группы существительных, участвующих в образовании аналитических диминутивов, установлены основные прагматические функции рассматриваемых единиц. Описаны случаи двойной диминутивизации в английском языке.

Традиционно диминутивность рассматривается как категория, выражаемая морфологически, в связи с чем аналитические единицы не всегда выделяются исследователями. Это является оправданным для синтетических языков (например, славянских), но не подходит для английского языка, относящегося к аналитическому типу. Асимметрия средств выражения диминутивности в разных языках проявляется, в частности, при переводе. Приведем пример из англо-русского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка: *Руслан и рыжая собачка из цирка, не помню, как ее звали, лежали привязанные к столам в этой самой операционной* (Кир Булычев «Первый слой памяти»). – *Ruslan and another dog – a little chestnut-colored circus dog whose name escapes me – were tied down to tables in the operating room* (Kir Bulychev «The first layer of memory» (Helen Salts Jacobson)).

Прототипическими диминутивами считаются существительные, образованные (суффиксальным способом) от других существительных, хотя в целом производящей основой диминутивов (прежде всего, синтетических) может быть любая часть речи [1]. Говоря об аналитических диминутивах, исследователи определяют их как сочетания прилагательного-маркера категории диминутивности с существительным, поскольку такие именные словосочетания наиболее приближены к прототипическим синтетическим диминутивам [2]. Данные сочетания и будут рассмотрены в настоящей работе.

Цель статьи – определить структурно-семантические и функциональные особенности аналитических диминутивов в английском языке. Материалом исследования послужили аналитические диминутивы австралийского, новозеландского и южноафриканского английского. Выбор идиомов обусловлен тем,

что данные разновидности (варианты) характеризуются значительным количеством диминутивов [3; 4]. Источником материала послужил корпус национальных разновидностей английского языка GloWbE¹.

Данная статья является частью исследования, посвященного функционированию диминутивов в национальных разновидностях английского языка Южного полушария. В задачи настоящей работы, однако, не входил поиск различий в функционировании диминутивов между разновидностями, подробнее о различиях см. [5].

Аналитические диминутивы в английском языке: общая характеристика. В образовании аналитических диминутивов принимают участие прилагательные со значением ‘маленький’. Количество и состав прилагательных, включаемых различными исследователями в состав маркеров категории, варьируются. В английском языке маркерами являются прилагательные *small* и *little*, а также другие единицы, в числе которых *tiny*, *teeny*, *teensy*, *teeny-weeny*, *teensy-weensy*, *wee*, *diminutive*, *minute*, *miniature*, *minimal*, *lilliput* и *petite* [1; 3].

Типологические характеристики английского языка являются не единственной причиной, позволяющей включить в состав диминутивов аналитические единицы. Так, функции, которые выполняют аналитические диминутивы, аналогичны функциям синтетических единиц, что в первую очередь заметно при рассмотрении аналитических диминутивов с маркером *little* – такие диминутивы так же, как и синтетические, могут указывать на малый размер и выполнять различные прагматические функции (выражать симпатию, одобрение / неприязнь, осуждение) [1].

Кроме того, можно наблюдать некоторую избирательность в образовании синтетических и аналитических диминутивов в английском языке, что может быть обусловлено структурными и семантическими характеристиками производящих слов. Хотя большинство существительных способны образовывать как синтетические, так и аналитические диминутивы, присутствуют случаи, когда для выражения диминутивного значения возможно использование только аналитических средств. Так, например, существуют структурные ограничения на образование синтетических диминутивов от слов *liar* или *bee*, что ведет к необходимости использования аналитических средств. Некоторые семантические группы слов (например, лексические единицы, обозначающие абстрактные понятия) также склонны к образованию преимущественно аналитических диминутивов (*little task* / *small difference*). Исследователи, рассматривающие аналитические диминутивы, таким образом, значительно расширяют границы категории диминутивности, в связи с чем не все аналитические диминутивы в английском языке имеют синтетические аналоги в языках типа русского.

Частотность маркеров категории диминутивности в разновидностях английского языка Южного полушария. С помощью корпуса GloWbE мы определили частотность различных маркеров категории диминутивности в разновидностях английского языка Южного полушария. Для этого на основе

¹ <https://www.english-corpora.org/glowbe/>

«движимого данными» корпуса (англ. *corpus-driven*) подхода было отобрано 100 комбинаций с каждым маркером, представленным в списке К. Шнайдера [1]. Из полученного списка вручную были исключены единицы, не являющиеся диминутивами (например, использование маркеров в качестве квантификаторов – *little time* ‘мало времени’; устойчивые сочетания – *wee hours* ‘предракетные часы’; наименования иноязычного происхождения – *Wee Waa* ‘Ви Ваа’ – город в Австралии). В табл. 1 представлено количество употреблений комбинаций с различными маркерами в корпусе.

Т а б л и ц а 1

Количество употреблений аналитических диминутивов
в разновидностях английского языка Южного полушария

Маркер	Количество употреблений	Маркер	Количество употреблений
<i>small</i>	38089	<i>petite</i>	68
<i>little</i>	24375	<i>diminutive</i>	68
<i>tiny</i>	3578	<i>teeny</i>	51
<i>minimal</i>	1554	<i>teensy</i>	24
<i>wee</i>	674	<i>teeny-weeny</i>	3
<i>miniature</i>	317	<i>teensy-weensy</i>	3
<i>minute</i>	96	<i>lilliput</i>	–

Согласно полученным данным, сочетания со *small* и *little* встречаются в корпусе намного чаще, чем сочетания с другими маркерами категории: аналитические диминутивы с прилагательным *small* составляют 55,3 % выборки, а с *little* – 35,4 %. Центральность *small* и *little* в качестве маркеров категории объясняется тем, что все остальные возможные прилагательные определяются через них: *tiny* ‘very small’; *minute* ‘extremely small’; *wee* ‘little’ [6].

Кроме того, *small* и *little* имеют широкую сферу использования. Несмотря на то что используемый нами корпус GloWbE отражает только интернет-коммуникацию, нам удалось проследить некоторые тенденции в использовании маркеров аналитических диминутивов. Так, по данным корпуса GloWbE, рассматриваемые единицы встречаются как на официальных сайтах учреждений, правительственных организаций, так и в статьях из СМИ, в неформальной переписке на форумах и т.д. Другие маркеры (*tiny*, *wee*, *teeny*, *teeny-weeny*, *teensy-weensy*) используются прежде всего на неофициальных страницах развлекательного характера. Маркеры *minimal* и *minute*, в свою очередь, более формальны – в нашем материале они главным образом используются в серьезных печатных изданиях, в т.ч. о медицине, политике, экологии и т.п.

***Small vs. little* в разновидностях английского языка Южного полушария.** Исследователи указывают, что *small* и *little* имеют некоторые различия в значении. В то время как *small* выражает исключительно значение уменьшенности [7], сочетания с *little* более субъективны и имеют дополнительную эмоциональную окраску [1], что приближает их к прототипическим

синтетическим диминутивам. Выражение прилагательным *small* объективной малости, как указывает Р. Зандвоорт [8], проявляется, в частности, в том, что при сравнении размера объектов, как правило, используются формы прилагательного *small*, а не *little*. Кроме того, прилагательное *little*, в отличие от *small*, может употребляться с абстрактными существительными.

Для того чтобы определить особенности функционирования диминутивов со *small* и *little*, мы проанализировали существительные из полученных ранее словосочетаний в списках из 100 наиболее частотных комбинаций *small/little* + существительное. В целом семантика существительных, используемых со *small* и *little*, довольно разнообразна; многие используются как с одним, так и с другим маркером. Частотность данных сочетаний, однако, различается.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе мы выделили несколько семантических групп диминутивов из списка 100 наиболее частотных единиц со *small*, а затем проверили представленность существительных из данных комбинаций в корпусе в сочетаниях с *little*. На втором этапе то же самое было сделано со 100 частотными аналитическими диминутивами с *little*.

В результате анализа были выделены некоторые группы существительных, которые имеют склонность использоваться с тем или иным маркером. Так, например, существительные, обозначающие количество (типа *amount*, *number* и т.п.), скорее будут использоваться в сочетании с маркером *small*, см. табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Частотность использования *small* с существительными, обозначающими количество (в ipm¹)

Существительное	Количество употреблений		Существительное	Количество употреблений	
	<i>small</i>	<i>little</i>		<i>small</i>	<i>little</i>
<i>amount</i> 'количество'	10,9	0,2	<i>portion</i> 'часть'	1,5	0,03
<i>number</i> 'количество'	8,1	0,2	<i>size</i> 'размер'	1,3	0,01
<i>scale</i> 'шкала', 'размер'	2,2	0,01	<i>quantity</i> 'количество'	1,2	0,01
<i>percentage</i> 'процент'	2,4	0,01	<i>proportion</i> 'пропорция'	1,4	0,004
<i>minority</i> 'меньшинство'	1,9	0,01	<i>dose</i> 'доза'	0,6	0,03

Среди частотных комбинаций со *small* также встретились, например, наименования организаций / предприятий – *small business* 'малый бизнес', *small company* 'малое предприятие', *small firm* 'маленькая фирма' и т.п.,

¹ IpM (англ. *items per million*) – частота единицы на миллион словоформ.

см. табл. 3, а также географических объектов – *small island* ‘маленький остров’, *small village* ‘маленькая деревня’, *small country* ‘маленькая страна’ и т.п., см. табл. 4.

Т а б л и ц а 3

Организации, учреждения, предприятия с маркерами *small* и *little* (в ipm)

Существительное	Количество употреблений		Существительное	Количество употреблений	
	<i>small</i>	<i>little</i>		<i>small</i>	<i>little</i>
<i>business</i> ‘бизнес’	21,7	0,3	<i>firm</i> ‘фирма’	0,4	0,03
<i>company</i> ‘компания’	1,4	0,1	<i>enterprise</i> ‘предприятие’	4,98	0,03
<i>farm</i> ‘ферма’	0,5	0,2			

Т а б л и ц а 4

Населенные пункты с маркерами *small* и *little* (в ipm)

Существительное	Количество употреблений		Существительное	Количество употреблений	
	<i>small</i>	<i>little</i>		<i>small</i>	<i>little</i>
<i>town</i> ‘город’	6,1	1,5	<i>country</i> ‘страна’	2,3	0,5
<i>island</i> ‘остров’	1,6	0,4	<i>city</i> ‘город’	0,7	0,3
<i>village</i> ‘деревня’	1,4	0,6	<i>state</i> ‘штат’	0,2	0,3

Как правило, аналитические диминутивы со *small* указывают исключительно на малость объекта. Прагматическая нагруженность у данных сочетаний появляется за счет контекста, в первую очередь, при сочетании таких диминутивов с прилагательными: *We were just a bunch of kids from a shitty small town* ‘Мы были лишь кучей детей из паршивого городишки’.

Среди наиболее распространенных сочетаний с *little* прежде всего стоит выделить его комбинации с существительными, которые указывают на лиц: *little girl*, *little kid*, *little guy* и т.п., см. табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Наименования лиц с маркерами *small* и *little* (в ipm)

Существительное	Количество употреблений		Существительное	Количество употреблений	
	<i>little</i>	<i>small</i>		<i>little</i>	<i>small</i>
<i>girl</i> ‘девочка’	9,6	0,3	<i>brother</i> ‘брат’	1,5	0,01
<i>boy</i> ‘мальчик’	6,3	0,6	<i>sister</i> ‘сестра’	1,3	0,02
<i>kid</i> ‘ребенок’	2,1	0,06	<i>people</i> ‘люди’	13	0,3
<i>child</i> ‘ребенок’	2,1	1,3	<i>baby</i> ‘малыш’	1,3	0,2
<i>guy</i> ‘парень’	1,8	0,08	<i>friend</i> ‘друг’	0,3	0,003
<i>man</i> ‘человек, мужчина’	2,1	0,4	<i>person</i> ‘человек’	0,5	0,1

В семантике наименований лиц со *small* и *little* присутствуют некоторые особенности – так, помимо указания на небольшой рост или юный возраст обозначаемого объекта (как в случаях со *small*), комбинации с *little* могут выполнять различные прагматические функции: *do nt criticize people for wanting a better life, its a big world out there, grow up little man* ‘не критикуй людей, которые хотят жить лучше, мир большой, подрасти, малыш’ (негативная оценка поведения); *Hey, little girl Would you like some candy? Look into my eyes I’ve seen it all Hand in hand Together we fall* ‘Привет, девчуля. Хочешь конфетку? Посмотри мне в глаза. Я многое повидал. Рука в руке. Упадём вместе’ (симпатия); *Poor little girl. Such obnoxious, trash, parents. I would say shame on them, but they are too ignorant to know right from wrong* ‘Бедная девчушка. Такие отвратные, паршивые родители. Я бы сказал, что это позорно, но они слишком темные, чтобы понять, что хорошо, а что плохо’ (сочувствие); *And while I am in my, ahem, over 35s, a woman is never in fact anything but a little girl to her baba* ‘И даже в мои, хм, за 35, женщина остается маленькой девочкой для своего папочки’ (выражение привязанности, любви).

Кроме того, диминутивы достаточно часто используются в сравнениях (типа *like a little* + существительное) для выделения отдельных качеств объекта, как правило, с существительными-наименованиями лиц (*boy, girl, guy* и т.п.). Данные сравнения отражают стереотипные представления, в т.ч. о возрасте, гендере и т.д.: *Go faster! You’re driving like a little girl! Everyone is passing you!* ‘Давай быстрее! Ты едешь, как маленькая девочка! Тебя все обгоняют!’.

Наше корпусное исследование также подтвердило наблюдения лингвистов [1] о том, что абстрактные существительные типа *problem* ‘проблема’, *moment* ‘момент’, *trick* ‘трюк, уловка’ имеют склонность к использованию с *little*, хотя в целом употребляются с обоими маркерами, см. табл. 6.

Т а б л и ц а 6

Частотность использования маркеров *small/little* с существительными, обозначающими абстрактные понятия (ipm)

Существительное	Количество употреблений		Существительное	Количество употреблений	
	<i>little</i>	<i>small</i>		<i>little</i>	<i>small</i>
<i>detail</i> (в значении ‘характеристика’)	0,9	0,2	<i>moment</i> ‘момент’	0,3	0,07
<i>secret</i> ‘секрет’	0,6	–	<i>mind</i> ‘разум’	0,14	0,07
<i>problem</i> ‘проблема’	0,3	0,4	<i>trick</i> ‘трюк, уловка’	0,3	0,007
<i>life</i> ‘жизнь’	0,3	0,04	<i>surprise</i> ‘сюрприз’	0,3	0,01

Что касается аналитических диминутивов в целом, в нашей выборке в их состав наиболее часто входят существительные, именующие лиц (18,4 %), различные аспекты бытия, включая пространство и время (16,4 %), а также материальные продукты труда (15,5 %); наименее часто – называющие населенные места (2,6 %), природные образования (1,96 %) и растения (1,3 %).

Аналитические диминутивы также образуются от неопределенных местоимений и функционально близких им слов. Такие единицы выражают идею диминутивности в чистом виде. По данным корпуса, диминутив *little one* используется в отношении живых существ, прежде всего детей, животных, персонажей сказок. Близким по значению к *little one* является диминутив *little thing*, который, в отличие от *little one*, в нашей выборке использовался в отношении различных объектов, как одушевленных, так и неодушевленных, а также абстрактных понятий.

Двойные диминутивы в разновидностях английского языка Южного полушария. Можно найти примеры, в которых аналитические диминутивы комбинируются с синтетическими. В образовании комбинированных диминутивов, как правило, принимает участие маркер *little*; со словом *small* в нашем материале зафиксированы лишь единичные примеры типа *small tinnie* ‘маленькая лодочка’. Среди групп существительных, наиболее часто встречающихся в комбинированных диминутивах, можно выделить наименования лиц и животных, в том числе имена собственные: *little Annie*, *little Jamie*. Стоит также отметить, что комбинироваться могут не только суффиксальные, но и префиксальные диминутивы – *tiny little mini-CD* (тройной диминутив от *CD* (диск)).

Таким образом, в англистике в рамках категории диминутивности рассматриваются не только синтетические, но и аналитические единицы. Аналитический способ компенсирует нехватку синтетических средств для образования единиц категории.

Аналитические диминутивы близки к синтетическим единицам по своим семантическим и прагматическим характеристикам – они могут как указывать на малый размер, так и выполнять различные коммуникативные функции (выражать симпатию, одобрение / неприязнь, осуждение).

Данное исследование позволило выявить ядерные и периферийные аналитические диминутивы в английском языке. В настоящей работе материалом исследования послужили варианты английского языка Южного полушария, однако мы предполагаем, что полученные выводы с большой вероятностью позволяют судить об английском языке в целом. Единицы, в состав которых входят маркеры *small* и *little*, характеризуются большей частотностью и стилистической нейтральностью по сравнению с другими аналитическими диминутивами. Анализ сочетаемости маркеров *small* и *little* с существительными позволил выявить их семантические предпочтения. Корпусные данные показали, что образование аналитических диминутивов с маркером *small* характерно для существительных, которые, как правило,

используются в нейтральных контекстах – так, наименования организаций/учреждений или существительные, обозначающие количество, обычно менее экспрессивны, чем, например, существительные, именующие лиц, которые чаще образуют диминутивы с маркером *little*. Экспрессивность диминутивов с *little* и в то же время возможность использования в нейтральных контекстах, способность указывать на малый размер и реализовывать различные прагматические функции позволяют считать *little* центральным маркером категории и приближают аналитические диминутивы с *little* (например, *little dog*) к прототипическим синтетическим единицам – существительным, образованным суффиксальным способом (*doggie*).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schneider, K. Diminutives in English / K. Schneider. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003. – 254 p.*
2. *Sicherl, E. Nominal diminutives in Slovene and English / E. Sicherl, A. Žele // Linguistica. – 2011. – № 51. – P. 135–142.*
3. *Bauer, L. An introduction to international varieties of English / L. Bauer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002. – 144 p.*
4. *Trudgill, P. New-dialect formation: the inevitability of colonial Englishes / P. Trudgill. – N. Y.: Oxford University Press, 2004. – 208 p.*
5. *Chudar, A. Diminutives in Southern hemisphere Englishes / A. Chudar // Journal LIPP. – 2019. – № 7. – P. 60–71.*
6. Oxford English dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://en.oxforddictionaries.com>. – Date of access: 21.02.2019.
7. *Khachikyan, Sh. Diminutives as intimacy expressions in English and Armenian / Sh. Khachikyan // Armenian Folia Anglistika. – 2015. – № 2 (14). – P.78–83.*
8. *Zandvoort, Reinard W. A handbook of English grammar / Reinard W. Zandvoort. – Groningen: Wolters-Noordhoff, 1969. – 349 p.*

The article reveals the structural, semantic and functional peculiarities of analytical diminutives in national varieties of English (on the basis of corpus data). It shows that analytical diminutives with “small” and “little” are more frequent and more neutral than other diminutive items. Due to the expressiveness of diminutives with “little” and the variety of their pragmatic functions, diminutives with “little” can be considered as core units of the category along with the prototypical synthetic diminutives.

Поступила в редакцию 12.02.2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

П. С. Бранавец

СЕМАНТИЧНАЯ ПРАСТОРА ДЭРЫВАТАЎ ПРАСЛАВЯНСКАГА
КОРАНЯ *LIK- У БЕЛАРУСКАЙ І ЧЭШСКАЙ МОВАХ

Артыкул прысвечаны разгляду семантычнага боку словаўтваральных гнёздаў, якія этымалагічна ўзыходзяць да праславянскага кораня *lik-, у сучасных беларускай і чэшскай мовах. Паказаны прынцыпова розныя шляхі развіцця семантычнага патэнцыялу ад першапачатковага лексіка-семантычнага сінкрэтызму: інавацыйная семантычная дэрывацыя ў беларускім гнязде і экстэнсіўная дэталізацыя зыходнай семантычнай прасторы – у чэшскім. Звернута ўвага на сферы неасемантызацыі і тэрміналагізацыі.

«Семантычная структура лексікі з пункту гледжання агульных характарыстык семантычных групавак рознага тыпу, развіцця і якаснай адметнасці шматзначнасці і аманіміі, сінаніміі, экваніміі, антаніміі» [1, с. 43] з’яўляецца, паводле А. Я. Супруна, адным з ключавых параметраў тыпалагічнага даследавання славянскага лексікона. Да гэтых вызначальных параметраў варта залічыць таксама адносіны іерархічнай вытворнасці паміж лексічнымі значэннямі як у сінхраніі, так і ў дыяхраніі, якія знаходзяцца ў цэнтры ўвагі работ па этымалогіі, гістарычнай лексікалогіі, семасіялогіі, словаўтварэнні. Гаворка можа ісці як пра план зместу асобных адзінак слоўніка (дынамічны аспект полісеміі – семантычная дэрывацыя), так і пра цэлыя лексічныя і словаўтваральныя гнёзды, якія, як семантычна неперарыўныя і непаўторныя пры супастаўленні з іншымі мовамі комплексныя адзінкі [2, с. 149], удзельнічаюць у сістэмнай арганізацыі ўсіх адзінак лексікі і ў каардынацыі іх адносін [3, с. 3–4]. Большую каштоўнасць такому разгляду надае супастаўляльны аспект, які дазваляе максімальна ахапіць семантычную прастору абранай семасіялагічнай адзінкі ў пераламленні канкрэтных моўных сістэм.

Дадзены артыкул мае на мэце прасачыць рэалізацыю і развіццё семантыкі праславянскага кораня *lik- на матэрыяле яго этымалагічных дэрывацыйных (лексіка-словаўтваральных) гнёздаў у сучасных беларускай і чэшскай мовах. Даследаванне пабудавана на такіх класічных метадах, як аналіз слоўнікавых дэфініцый, кампанентны аналіз, семантычная рэканструкцыя. Асаблівая ўвага звернута на рэалізацыю ў сучасных дэрыватах праславянскай семантыкі, сферы неасемантызацыі і тэрміналагізацыі.

Пытанне пра вяршынную адзінку абранага гнязда ў праславянскай перспектыве не мае пэўнага вырашэння, таму ў якасці зыходных значэнняў падаём значэнні і праслав. *likъ (*lice), і праслав. *ličiti (se) [4]: *likъ I (*lice) ‘твар; шчака; вонкавы выгляд’; *likъ II ‘колькасць’; *likъ III ‘хор; лікаванне’; *ličiti I ‘фарміраваць; рабіць падобным; упрыгожваць’; *ličiti II ‘агалашаць; рабіць бачным; праводзіць падлік’. Матэрыялам для аналізу семантыкі дэрыватаў у беларускай мове паслужыў пяцітомны «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (ТСБМ) [5] (179 лексічных адзінак). Вынікі прадстаўленага

разгляду 108 лексем сучаснай чэшскай мовы грунтуюцца на матэрыяле «Слоўніка літаратурнай чэшскай мовы» («Slovník spisovného jazyka českého», SSJČ) [6].

У сучаснай беларускай мове існуюць тры аманімічныя карані, якія ўзыходзяць да праслав. *lik-, кожны з якіх мае асобнае дэрывацыйнае гняздо. Гаворка ідзе пра гнёзды дзеясловаў *лікаваць*, *лічыць*, а таксама назоўніка *лік* 2 (індэкс паводле размяшчэння ў слоўніку пасля аманімічнага *лік* 1, які ўваходзіць у гняздо *лічыць*).

Словаўтваральнае гняздо *лікаваць* у сучаснай беларускай мове прадстаўлена словаўтваральнай парай яго вяршышняй адзінкі і вытворнага назоўніка *лікаванне*, у якой не назіраецца зруху ў паняццыйным ядры архаічнага значэння ‘праяўляць вышэйшую ступень радасці з выпадку якой-небудзь выдатнай падзеі’. Блізкае формаўтваральнаму транспазіцыйнае значэнне ‘дзеянне паводле матывуючага дзеяслова’ не развівае семантыкі, закладзенай у карані.

Нягледзячы на тое, што вяршыннае слова гнязда *лік* 2 ‘твар’ успрымаецца ў сённяшняй беларускай літаратурнай мове як адзінка архаічная і мае стылістычную памету «выс.», да дэрыватаў дадзенага гнязда (усяго 25 адзінак) адносіцца шэраг жывых адзінак, якія знаходзяцца ў актыўным ужытку. Перш за ўсё маюцца на ўвазе два вытворныя назоўнікі з варыянтамі гістарычнай прыстаўкі *объ- (*аблічча*, *воблік*), якія рэалізуюць тры значэнні: ‘твар’, ‘агульны вонкавы выгляд, вобраз’ і пераноснае ‘індывідуальнасць, унутраны змест; характар’. Апошняе, пераноснае, значэнне легла ў аснову семантыкі прыметнікаў *безаблічны* ‘пазбаўлены своеасаблівасці, невыразны’ і *бязлікі* ‘т.с.’. Яно ж транспазіцыйна ўзноўлена ў назоўніку *безаблічнасць*. Прыметнік *стоаблічны* ‘які мае шмат вобразаў, шмтаблічны, мнагалікі’ часткова метафарычна (*сто* ў значэнні ‘шмат’) пераламляе семантыку ‘агульны вонкавы выгляд, вобраз’.

На аснове метафарычнага пераносу асноўнай семантыкі *лік* 2 ‘твар’ ці ў дыхранічнай перспектыве – кантынуальна ад значэнняў ст.-беларус. *лице* ‘пярэдня, вонкавая, верхняя частка чаго-небудзь’ (пар. [7]) – фарміруецца гнездавая падтрымка значэння назоўніка *налічнік* ‘тое, што і ліштва’. Той жа семантычны шлях злучае з вяршыняй гнязда дзеяслоў *абліцаваць* і яго вытворныя.

Прыкметны семантычна дзеяслоў *абязлічыць* ‘пазбавіць асабістай адказнасці’ і вытворныя ад яго. Словаўтваральныя магчымасці беларускай мовы дазваляюць атрымаць дадзеную адзінку на аснове прыметніка *бязлікі*. Аднак семантычна гаворка ідзе пра семантычнае запазычанне (у супрацьпастаўленне значэнню ‘зрабіць бязлікім’, якое магчыма было б чакаць на беларускай глебе). У ім праяўляюцца значэнні руск. *лицо* ‘асоба’ ці *личный* ‘асабісты’.

Дзеяслоў *лічыць* у сучаснай беларускай мове мае вялікі семантычны і дэрывацыйны патэнцыял, яго словаўтваральнае гняздо, паводле ТСБМ, налічвае 153 адзінкі. Сярод значэнняў гэтай лексемы магчыма вылучыць дзве групы: колькасныя і ментальныя значэнні. Абедзве досыць сінкрэтычна рэалізаваныя ў вытворных.

Характэрным для большасці рэгулярных прэфіксальных дэрыватаў з’яўляецца аднесенасць да семантычнага ядра ментальнага кампанента значэння, колькасны ж выступае як акалічнасць дзеяння ('выконваць дзеянне **пры лічэнні, лічачы**): *аблічыць* 'ашукаць пры падліку', *адлічыць* 'налічыўшы, аддзяліць пэўную суму', *далічыць* 'лічачы, знайсці, выявіць' і г.д. Дзеясловы *злічыць* і *падлічыць* рэалізуюць выключна колькасную семантыку, прычым першы – без семантычных зрухаў. Асноўная ментальная семантыка гэтай групы вытворных – 'прымаць да ўвагі', 'рабіць заключэнні, прызнаваць'. Многія з гэтых вытворных і іх дэрываты выкарыстоўваюцца ў эканомічнай тэрміналогіі (напр., *адлічыць, вылічыць, бухгалтарскі ўлік*). Прыкладам метафарычнага пераносу з’яўляецца *разлічыцца* 'адпомсціць, расплаціцца'. Менш стандартныя выпадкі рэгулярнага аддзеяслоўнага словаўтварэння кшталту калькі *залік* 'від праверачных іспытаў' (замест 'уклучэнне ў пэўны шэраг') – хутчэй выключэнні.

Суадносна з вяршынным дзеясловам назоўнік *лік* I у колькасным значэнні. Сярод яго вытворных – матэматычны тэрмін *лічнік* 'лік простага дробу, які стаіць над рысай', складаныя прыметнікі *малалікі* 'малаколькасны, які складаецца з малой колькасці', *шматлікі* 'які складаецца з вялікай колькасці', 'які праводзіцца з удзелам вялікай колькасці' і з пэўнай умоўнасцю *мнгалікі*. Што датычыць значэння *лік* 'склад, шэраг', дыяхранічна вытворнага ад **likь* III 'лікаванне, танец' (этымалагічна не тоеснага, аманімічнага **likь* I 'твар' і **likь* II 'колькасць'), то ў сучаснай мове яно ўспрымаецца як лексіка-семантычны варыянт менавіта *лік* I.

Да базавых вытворных дзеяслова *лічыць* адносяцца і назоўнік *лічба* 'знак для абазначэння ліку', а таксама яго вытворныя, у тым ліку лінгвістычны тэрмін *лічэбнік* 'часціна мовы, якая абазначае колькасць або парадак прадметаў пры іх лічэнні' (падобная анамасіялагічная аснова для назвы гэтай часціны мовы назіраецца і ў іншых мовах: рус. *числительное*, чэш. *číslovka*, англ. *numeral*) і выдавецкі тэрмін *калонлічба* 'лічба, якой нумаруецца старонка кнігі, часопіса' (калька з ням. *Kolumnenziffer*). Назоўнікі *лічыльнік* 'апарат для аўтаматычнага ўліку, падліку' і *лічыльнікі* 'прылада ў выглядзе чатырохвугольнай рамы з нанізанымі на папярочныя металічныя пруткі рухомымі костачкамі' словаўтваральна аманімічныя, аднак у аснову першага пакладзена значэнне 'вызначаць колькасць', другога – 'прымаць у разлік пры вылічэнні'. Перадумовай адсутнасці пераламлення ў непасрэдна вытворных ад дзеяслова *лічыць* назоўніках значэнняў 'расцэньваць, успрымаць якім-н. чынам, меркаваць, прытрымлівацца думкі' можа быць наяўнасць значнай колькасці субстантыўнай лексікі з падобнымі ментальнымі значэннямі і, адпаведна, незапатрабаванасць у такой намінацыі.

Значэнне назоўніка *лічылка* 'вершык з лічэннем у дзіцячай гульні' змяшчае метанімічны пераход ад *лічыць* 'назваць лікі' паводле сумежнасці з гульнямі, у якіх гэтае называнне адбываецца. З другога боку, гэта, верагодна, калька (руск. *считалка*). Адсюль узнікае значэнне *лічыцца* 'размяркоўваць ролі ў гульні'.

Да шэрагу агульнаславянскіх значэнняў праслав. **lik-*, якія захавала беларуская мова, адносяцца такія, як ‘знешні выгляд’, ‘твар’, ‘састаў, склад’, ‘выказванне радасці’. Яны падтрымліваюцца ў тым ліку праз наяўнасць кампанентаў дадзенай семантыкі не толькі ў базавых адзінках, але і ў дэрыватах, а таксама праз суіснаванне са стыхій рускай мовы, у якой названыя значэнні атрымалі большае развіццё і ўкараненне. Праз значны семантычны зрух (узнікненне і развіццё колькаснай семантыкі, якая пасунула на перыферыю архаічных значэнні) у дадзеным гняздзе ўзнікае значэнне меркавання, ментальнай дзейнасці ўвогуле. Праслав. **lik-* у беларускай мове пачынае абслугоўваць сферу матэматычнай і вылічальнай тэрміналогіі, прафесійных эканамічных зносін, а таксама двума найменнямі – лінгвістычную тэрміналогію.

У сучаснай чэшскай мове базавыя лексемы *líc (líce)*, *ličit (ličit se)* і адпаведныя словаўтваральныя гнёзды не ўспрымаюцца як вытворна звязаныя. Акрамя іх да праслав. **lik-* узыходзяць дэрывацыйна (часткова і семантычна) ізаляваныя лексемы *licoměrný* ‘крывадушны’, *licousy* ‘бакенбарды, валасы барады на шчоках’, *obličej* ‘твар’. Вытворныя ад праслав. **likъ (*lice)* таксама *sličný* ‘прыгожы’, *rozličný* ‘адрозны’ (метафара ‘які мае розныя твары’). З *rozličný* звязаная лексема *rozlika* ‘адрозненне’, якая разам з *odlika* ‘копія, імітацыя’ адметныя тым, што толькі ў іх у цэлым чэшскім дэрывацыйным гняздзе праяўляецца непалаталізаваная гістарычная аснова. Адцягненая абстрактная семантыка *rozličný* абумовіла ўзнікненне складаных прыметнікаў са значэннем ‘якому ўласцівыя розныя тыпы з’явы, названай матывуючым назоўнікам’ (*rozličnobarevný*).

Сучасная чэшская мова мае дзве базавыя субстантыўныя адзінкі гнязда праслав. **lik-*: *líc (líce)* ж. р. ‘шчака’ і *líc* м. р. ‘пярэдні, вонкавы бок; звод аркі’. У вытворных знаходзяць сваё семантычнае пераламленне абодва базавыя лексіка-семантычныя варыянты, якія ўмоўна магчыма назваць анатамічным і тэхнічным (магчыма назіраць і тэрміналагізацыю дадзеных полюсаў у выразах анат. *liční kost* ‘скулавая костка’ і будаўн. *lícová cihla* ‘фасадная цэгла’, *lícovka* ‘т.с.’).

Сярод дэрыватаў, вытворных ад анатамічнага значэння, найбольшай групай з’яўляюцца складаныя прыметнікі. Большасць з іх мае агульнае значэнне ‘той, чый твар (шчокі) маюць прыметы, названыя матывуючым прыметнікам’ ці метанімічнае ‘той, які вызначаецца якасцю, названай матывуючым прыметнікам’ (*snivolící, stříbrolicí, zelenolící*).

Адметным з’яўляецца наяўнасць у памяншальна-ласкальнага *ličko* значэння ‘прыгожая стужка для бялізны’. Тут, з аднаго боку, праяўляецца сема ‘прыгожы’, характэрная для праслав. **ličiti I* ‘упрыгожваць’, а таксама для шэрагу аднакарэнных слоў (*liční, neličný, ličidlo, sličný*; пар. беларус. дыял. *лічыць* ‘пасаваць, быць да твару’ [8]), а з другога – семантычны кампанент ‘(пярэдні) бок’. «Эстэтычная» сема праяўленая і ў прыметніку *liční* ‘прыгожы, з прыгожым тварам’.

Спецыфічнай групай вытворных ад *líc* (*líce*) анатамічнага з’яўляюцца дзеяслоў *lícit* ‘цэліць, прыкладваючы стрэльбу да шчакі’ і вытворныя ад яго, якія выкарыстоўваюцца ў паляўнічай і вайскавай тэрміналогіі. Назоўнік *lícnice* ‘прыцэл, мушка’ рэалізуе і больш шырокую семантыку ‘паверхня прадметаў, якая прыкладаецца да шчок ці скул’.

Ад *líc* ‘пярэдні, вонкавы бок’ вытворныя прыметнікі *jedno-*, *dvoj-*, *oboulícní* са значэннем ‘які магчыма выкарыстаць з аднаго (двух, абодвух) бакоў’. Тут назіраецца метанімічны перанос ‘пярэдні бок’ → ‘бок, які прыдатны для выкарыстання’.

Лексема *líc* матывуе суадносна дзеяслоў *lícovat* тэхн. ‘дакладна апрацоўваць сутычныя паверхні частак механізму’, ‘пасаваць да сябе (аб частках чаго-н.)’, архіт. ‘быць на адным узроўні’. Першыя два значэнні непасрэдна вытворныя ад ‘пярэдні, вонкавы бок’, трэцяе ж магчыма разумець як ‘утвараць адну паверхню (бок)’. Назоўнік *lícování* мае тэхнічнае значэнне ‘дазволена вытворчыя недакладнасці’, што звязана з *lícovat* ‘дакладна апрацоўваць сутычныя паверхні частак механізму’, ‘пасаваць (аб частках чаго-н.)’. Наяўнасць прасторавага кампанента семантыкі *líc* ‘пярэдні бок’ абумоўлівае ўзнікненне на яго аснове прыслоўя са значэннем месца *nalíc* ‘пярэднім бокам’.

Магчыма канстатаваць адрознасць і малое семантычнае ўзаемадзеянне гнёздаў *líc* (*líce*) ‘шчака’ і *líc* ‘пярэдні бок’ пры значным разгалінаванні кожнага з іх. Гэтая адрознасць адзначаецца і ў выкарыстанні розных сродкаў для выразу аднаго словаўтваральнага значэння: *lícni*, *lícit*, (*bledo*)*lící* ад *líc(e)* анатамічнага і *lícovú*, *lícovat*, (*obou*)*lícni* ад *líc* тэхнічнага. Для анатамічнага значэння выкарыстоўваюцца адносна больш архаічныя, менш прадуктыўныя мадэлі словаўтварэння. Гэта сведчыць пра большую архаічнасць дадзенага значэння ў параўнанні з тэхнічным, якое выкарыстоўвае больш адкрытыя і прадуктыўныя сродкі (суфіксы *-ovat*, *-ovú*, *-ní* часцей удзельнічаюць у засваенні запазычанняў).

Гняздо з вяршыняй *lícit* у SSJČ налічвае 30 адзінак. У сённяшняй чэшскай мове гэты дзеяслоў мае чатыры асноўныя значэнні: ‘красамоўна і/ці эмацыйна апісваць, расказваць’, ‘маляваць твар касметыкай’, ‘прыкідвацца’ і таксама рэгіянальнае мараўскае ‘бяліць, пакрываць вапнай’. Усе яны рэалізаваныя ў дэрыватах, прычым два першыя выразна больш прадуктыўныя.

Як і ў гняздзе беларус. *лічыць*, пры дэрывацыі ад *lícit* назіраецца вялікая прадуктыўнасць і рэгулярнасць прэфіксальнага словаўтварэння дзеясловаў тыпу *do-lícit*, прычым значна большая ад дзеяслова з канкрэтным значэннем ‘маляваць твар’, ‘бяліць, пакрываць вапнай’. Са значэннем ‘апісваць, расказваць’ выкарыстоўваюцца толькі дзве прыстаўкі (*do-* і *vy-*), прычым адна з іх (*vy-*) служыць для ўтварэння пары па трыванні, а ў вытворных лексемах з другой, акрамя ўласна словаўтваральнага значэння, праяўляецца менш тыповае ‘пацвердзіць, даказаць, здзейсніць на практыцы (прыкладам)’. Тут праяўляецца яшчэ праславянская семантыка ‘агалашаць, прыводзіць довады’ (пазней – ‘праводзіць судовы разбор’), уласцівая таксама назоўнікам *lícení* ‘судовы разбор’ і *přelícení* ‘т.с.’. Дэрываты са значэннем ‘маляваць

твар’ паслядоўна рэалізуюць семантычны патэнцыял прэфіксаў (*dolícit* ‘дамаляваць да канца’, *odlícit* ‘зняць касметыку, грыв’ і г.д.). Развіццё значэння ‘бяліць, пакрываць вапнай’ у дэрыватах не назіраецца.

Ніжэйшае становішча ў семантычнай іерархіі займае значэнне ‘прыкідвацца’. Яно рэалізавана толькі ў двух прыметніках: *ličený* ‘несапраўдны, няшчыры’ і *neličený* ‘сапраўдны, шчыры’.

Такім чынам, для чэшскай мовы характэрна захаванне і паступовае развіццё менавіта агульнаславянскай семантыкі гнязда **lik-*. На сённяшні дзень дэрываты разгледжанага гнязда дастаткова падрабязна пакрываюць семантычнае поле, прадвызначанае зыходнай семантыкай: сфера анатамічных значэнняў і непасрэдна вытворных, а таксама сфера падабенства, надання выгляду. У чэшскай мове не атрымала развіцця семантыка праслав. **likъ* III ‘лікаванне, хор’. Праз шлях паступовай метанімізацыі значэнні, вытворныя ад ‘твар’, ‘шчака’, распаўсюджваюцца на тэрміналагічныя галіны будаўніцтва, паляўнічай і вайскавай справы. Дзеяслоўная семантыка ў межах аналізуемага гнязда мае тэндэнцыю да метафарычнай кансалідацыі: збліжэння дзвюх ліній семантычнага развіцця, абазначаных у дапісьмовы перыяд існавання славянскіх моў: ‘фармаваць’ і ‘агалашаць’ у значэнні ‘красамоўна апісваць’.

Вытворныя праславянскага кораня **lik-* уваходзяць у актыўны слоўніковы склад носбітаў абедзвюх разгледжаных славянскіх моў і засвойваюць новыя семантычныя палі, у тым ліку тэрміналогію розных галін. Пры гэтым разгледжаныя аднакарэнныя этымолага-дэрывацыйныя гнёзды паказваюць два прынцыпова розныя шляхі развіцця яго семантычнага патэнцыялу ад першапачатковага лексіка-семантычнага сінкрэтызму да акрэсленых іерархічных структур значэнняў і дэрыватаў. Беларускі матэрыял прадстаўляе семантычна інавацыйную структуру з захаваннем паасобных зыходных значэнняў; дэрываты згаданага гнязда ў беларускай мове маюць выразна абстрактную семантыку, у прыватнасці значэнні колькасці, падліку і інтэлектуальнай дзейнасці. На чэшскай жа глебе семантыка **lik-* атрымлівае развіццё праз паглыбленае засваенне і дэталізацыю зыходнай прасторы значэнняў, дзе тэндэнцыя да абстрагавання агульнаславянскай базы нязначная.

ЛІТАРАТУРА

1. Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков / А. Е. Супрун. – Минск: БГУ, 1983. – 47 с.
2. Тихонов, А. Н. Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения восточнославянских языков / А. Н. Тихонов // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1994. – С. 148–161.
3. Тихонов, А. Н. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики: Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отражен-

- ная антонимия / А. Н. Тихонов, А. С. Пердаев. – Ташкент : ФАН, 1989. – 139 с.
4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М., 1988. – Вып. 15. – 244 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: А. Я. Баханькоў [і інш.]. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцикл., 1977–1984. – 5 т.
6. Slovník spisovného jazyka českého // Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR. [Электронны рэсурс]. – 2011. – Рэжым доступу : <http://ssjc.ujc.cas.cz>. – Дата доступу : 25.01.2020.
7. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; гал. рэд. А. І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982–.
8. *Шпакоўскі, І. С.* 3 лексікі паўднёвай Піншчыны / І. С. Шпакоўскі // Народная лексіка / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. А. А. Крывіцкага, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – С. 104–119.

Word-building families etymologically based on the Proto-Slavic radix **lik-* in modern Belarusian and Czech demonstrate two different ways of semantic potential development. Derivatives of proto-sl. **lik-* in Belarusian are gathered in three word-building families (*лікаваць, лічыць, лік 2*), where the original etymological meaning has been developing in innovative ways through the emergence of the semantics of *quantity* and *intellectual activity*; lexemes from these groups are part of modern Belarusian mathematical, economic and linguistic terminology. Parallel derivatives in Czech function mainly in two families (nominal *líce, líc* and verbal *líčit*), where the Proto-Slavic semantic area was extensively detailed and in particular spread in building, hunting and military terminology.

Поступила в редакцию 06.03.2020

А. Е. Крючкова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЗАГОЛОВКАХ СТАТЕЙ БЕЛОРУССКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Автор анализирует особенности функционирования прецедентных имен (топонимов, имен литературных персонажей) и высказываний (с сохранением структуры или ее трансформацией) в заголовках статей белорусской прессы. В качестве примера также рассматривается процесс формирования прецедентности имени *Notre-Dame de Paris* ‘собор Парижской Богоматери’, использование которого на страницах белорусских газет после пожара в апреле 2019 г. связывается с обновленными образами.

Характерной особенностью языка современных белорусских средств массовой информации является высокая степень использования прецедентных феноменов, которые обыгрываются журналистами и выполняют не только информационную функцию, но и реализуют прагматические установки адресанта, оказывая на него определенное воздействие.

Исследование прецедентных феноменов представляется весьма важным, так как знание универсальных и национальных фактов является показателем принадлежности к актуальной эпохе и культуре страны. Прецедентные

феномены входят в коллективные фоновые знания лингвокультурного сообщества и являются существенным элементом культурной грамотности языковой личности.

К. Касьянова отмечает, что прецедентный феномен «есть результат общности исторических судеб не только личностей, но и поколений людей, живущих в условиях одной культуры, выражая с той или иной степенью очевидности так называемый “национальный характер” и будучи “обществом внутри нас”, существующим в виде однотипных для людей одной культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний» [1, с. 24–25]. Чем находчивее журналист в употреблении феноменов прецедентности, тем интереснее его материал, экспрессивнее его речь и сильнее воздействие на читателя.

Впервые термин *прецедентный* употребил Ю. Н. Караулов. Он обозначил прецедентными феномены, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении; имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 105]. То есть прецедент (от англ. *precedent* – предыдущий, предшествующий) представляет собой «случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев этого же рода» [3, с. 506]. Состав прецедентных феноменов постоянно меняется: одни выходят из широкого употребления и забываются, другие, наоборот, становятся прецедентными на более длительный срок, а третьи переосмысливаются в связи с произошедшими событиями и начинают нести в себе новые смыслы.

Так, до разрушительного пожара 15 апреля 2019 г. обращение к имени одного из символов Франции, который входит в число объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, *Notre-Dame de Paris* ‘собор Парижской Богоматери’ как к прецедентному было тесно связано не с самим памятником архитектуры, а с одноименными романом В. Гюго и мюзиклом.

В связи с произошедшими в апреле событиями журналисты французских газет начали активно обыгрывать это имя, связывая его с обновленными образами. В результате оно получило новую трактовку и обоснование.

В контексте сложившейся ситуации интерпретация заглавия статьи *Notre-Drame* ‘Наша драма’ (*Libération*, 16.04.2019) не вызывает сомнения: добавив одну букву, в имени знаменитого собора появляется новая смысловая нагрузка – боль, переживаемая французской нацией при виде горящего памятника архитектуры.

«*Le Parisien*» и «*Le Figaro*», называя собор *Notre-Dame des Larmes* ‘Собор слез’ (*Le Parisien*, 16.04.2019) и *Notre-Dame de la tristesse* ‘Собор печали’ (*Le Figaro*, 16.04.2019), смещают акцент с его местонахождения на эмоциональное состояние, вызванное пожаром, заменяя в исходном имени элемент *de Paris* на лексемы *des larmes* и *de la tristesse*.

Журналист газеты «La Croix», апеллируя к знаниями о том, что исторически остров Сите (старейшая часть города), где и стоит собор Парижской Богородицы и который находится в самом центре французской столицы, называется сердцем Парижа (*le coeur de Paris*), дает эмоционально насыщенный заголовок статье, описывающей трагедию, – *Le Coeur en cendres* ‘Испепеленное сердце’ (La Croix, 16.04.2019). Добавление элемента *en cendres* активизирует мышление и воображение читателя, делая заголовок функционально эффективным.

Как видим, на страницах французских газет происходит смещение когнитивного и эмоционального планов имени *Notre-Dame de Paris*. С новой семантической нагрузкой уже в качестве прецедентного, ассоциируемого с драмой, слезами, печалью и огнем, его употребление становится возможным в заголовках статей белорусских печатных изданий.

Так, очевидно, что статья с заголовком *У нас свой Нотр-Дам* (TUT.by, 17.09.2019) повествует о пожаре собора в нашей стране: в деревне Ремни Городокского района сгорел деревянный костел Святых Апостолов Петра и Павла, построенный в XIX веке.

В заголовке *Слуцкий Нотр-Дам. Как разрушили самый крупный православный центр Речи Посполитой* (Курьер Инфо, 17.04.2019) акцентируется уже не сам пожар, а факт уничтожения исторической ценности. В сознании общества собор Парижской Богородицы является одним из наиболее известных памятников старинного французского зодчества, хранителем многовековой истории, который пережил Столетнюю войну и Французскую революцию, но практически превратился в пепел в эпоху мира и процветания французской нации. Слуцкий Свято-Троицкий монастырь, возведенный в XII веке, был частично поврежден в годы войны, но полностью уничтожен в мирное послевоенное время. Использование имени *Нотр-Дам* в анализируемом заголовке позволяет сопоставить масштаб разрушения Слуцкого Свято-Троицкого монастыря для белорусов с трагедией собора Парижской Богородицы для французов.

Источником заголовка *Пепел Нотр-Дама стучит в сердце мира. Страшный пожар разрушил самый известный собор Парижа* (Молодежная газета, 16.04.2019) является прецедентное высказывание *Les cendres de Claes battent sur ton coeur* ‘Пепел Клааса стучит в мое сердце’ из романа бельгийского писателя Шарля де Костера «Легенда об Улиншпигеле». Отца главного героя по приговору суда инквизиции сжигают на костре. Мать Уленшпигеля сшила для пепла, собранного на месте сердца своего мужа, шелковый мешочек, который одевает на шею сына со словами: «Пусть этот пепел, который был сердцем моего мужа... будет вечно на твоей груди, как пламя мести его палачам». Неоднократно в борьбе за счастье своего народа Уленшпигель повторяет: «Пепел Клааса стучит в мое сердце». Данное высказывание используется в том случае, когда речь идет о ком-то (чем-то), кого (что) невозможно позабыть, относительно чего нельзя успокоиться. Тем самым заголовок *Пепел Нотр-Дама стучит в сердце мира* передает намерение говорящего напомнить слушающему о пожаре в соборе, который мировая общественность никогда не сможет забыть.

Таким образом, на примере имени *Notre-Dame de Paris* прослеживается динамика значения культурно-значимого имени, позволяющая его новую интерпретацию в зависимости от социальных условий и происходящий событий.

Исследователи полагают, что в белорусской прессе использование прецедентных феноменов гораздо ниже, чем во французской. По всей вероятности, это объясняется тем, что французские средства массовой информации делают акцент на эмоциональную сторону излагаемых фактов, в то время как белорусские журналисты ставят на первое место информативность. При этом именно французские прецедентные феномены достаточно часто встречаются на страницах белорусских газет, что свидетельствует об их значимости для белорусского общества и узнаваемости. Ярким доказательством этому служат приведенные выше примеры с прецедентным именем *Нотр-Дам*, которые появились в заголовках белорусских статей уже на второй-третий день после пожара.

В белорусских средствах массовой информации топоним *Ватерлоо* в качестве прецедентного выступает как символ неудачи по аналогии с поражением Наполеона в битве при Ватерлоо. Из названия статьи *Велоспорт. ЧЕ. Белорусское Ватерлоо* (Прессбол, 07.06.2010) очевидно, что речь пойдет о неудачных выступлениях белорусских представителей на чемпионате Европы по велоспорту.

В заголовке *От Татьяны Лариной до мадам Бовари: чего хочет женщина?* (TUT.by, 06.05.2015) используются два прецедентных имени – *Татьяна Ларина* и *мадам Бовари*.

Татьяна Ларина – главная героиня романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Девушка из небогатой семьи дворян, печальная и молчаливая, которая, как и Эмма Бовари, любит читать романы. Она влюбляется в Онегина, но тот отвергает ее. Испытав безответную любовь, Татьяна выходит замуж за князя и становится равнодушной и неприступной для влюбившегося в нее Онегина.

Мадам Бовари в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» предстает в разных проявлениях: дочь, жена, любовница, мать и т.п. Событийная линия детства Эммы передается ее внутренним состоянием – *мечтала*. Именно внутреннее состояние персонажа становится основой образа *мечтательницы* – женщины, воспитанной на произведениях писателей-романтиков, готовой провести свою жизнь в домике из бамбука, с негром Доминго и верной собачкой, причем рядом с преданным ей человеком. Однако реальность для Эммы Бовари оказывается совсем другой: воображаемые грезы невыполнимы, а отсюда – неизбежное состояние неудовлетворенности.

Употребляя в заголовке статьи прецедентные имена героинь А. С. Пушкина и Г. Флобера, журналист делает отсылку на истории этих двух женщин и выражает градацию изменения желаний современных женщин в любовных отношениях: от юной надуманной любви Татьяны Лариной до истории с трагичным концом разочарованной Эммы Бовари.

Далее представим, как прецедентный топоним *Чернобыль*, ассоциируемый с разрушительной аварией на атомной электростанции, используется в следующем заголовке:

Японский Чернобыль: как Фукусима пришла на смену Хиросиме (интернет-портал Onliner, 11.11.2015).

11 марта 2011 года в 70 километрах восточнее японского острова Хонсю случилось сильнейшее в истории страны землетрясение. В результате подземных толчков и последовавшего за ними цунами зона трех реакторов АЭС «Фукусима-1», находившейся в 180 километрах от эпицентра, расплавилась. Это привело к самой крупной радиационной аварии на планете со времен Чернобыля. Используя имя *Чернобыль* в заголовке, автор указывает на ситуацию, произошедшую на Чернобыльской АЭС, определяя тем самым масштаб аварии на японской станции.

Прецедентные имена – важное средство эмоциональной оценки, они не претендуют на логическую законченность, на точную формулировку, но ярко выражают субъективное отношение автора [4, с. 157]. Так, в статье *Белорусские Ромео и Джульетта: подростки сбежали из дома из-за любви* (Белорусский партизан, 18.10.2016) рассказывается о паре, проживающей в Лунинце. Молодые люди решили сбежать, поскольку девушку на три месяца должны были направить в специальное учреждение в Могилёве. Элемент заголовка *из-за любви*, по всей вероятности, является избыточным, так как прецедентные имена *Ромео и Джульетта* из трагедии У. Шекспира уже выполняют функцию оценки происходящего: они сбежали не только для того, чтобы уйти от наказания, но и из-за любви.

Имя главного персонажа романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера», попавшего в страну лилипутов, в заголовке статьи *Белорусский Гулливер Федор Махнов* (БЛГ, 28.01.2016) помогает читателю представить однозначный образ Фёдора Махнова как человека высокого роста. Такая интерпретация вполне коррелирует с заглавием другой статьи *Витебский великан Федор Махнов: необычная жизнь необычного человека и воспоминания родственников* (Витебские вести, 23.07.2018).

В заголовках статей белорусских средств массовой информации встречаются не только прецедентные имена, но и высказывания.

Так, в названии статьи *Спи, моя радость, усни!* (СБ. Беларусь Сегодня, 01.03.2010) автор воспроизводит дословно слова известной колыбельной. Песня была написана для мультфильма «Верное средство», в котором по сюжету друзья маленького медвежонка пытаются помочь ему заснуть, придумывая для этого разнообразные «рецепты». Можно предположить, что в статье говорится о способах лечения бессонницы.

Заглавие статьи *В бой идут одни старики* (TUT.by, 29.06.2018) вызывает ассоциацию с советским фильмом с одноименным названием, повествующем о буднях летчиков-истребителей в годы Великой Отечественной войны. При этом, если в фильме сделан упор на профессионализм молодых летчиков, в статье указывается непосредственно на возраст: в ней рассказывается о болельщиках чемпионата мира по футболу, большую часть из которых представляют пожилые люди.

Пословица *У страха глаза велики* отсылает к опасности, которую преувеличивают. Знание этого факта помогает правильно интерпретировать заглавие статьи *У страха глаза велики: как научиться ничего не бояться* (Комсомольская правда в Беларуси, 25.09.2018), в которой детский психолог дает советы, как научиться преодолевать свой страх.

В ряде случаев журналист использует приемы трансформации уже известного прецедентного высказывания, что позволяет проявить творчество и привлечь внимание читателя экспрессивностью. В основе заголовка *Береги свой край смолоду!* (СБ. Беларусь сегодня, 25.05.2007) лежит пословица *Береги платье снову, а честь смолоду*. В статье речь идет о работе научного общества гимназии города Щучина, в котором гимназисты представили ряд предложений по улучшению состояния окружающей среды. Как видим, заглавие является, с одной стороны, указанием на деятельность гимназистов, а с другой – призывом к действию поступать также.

Убирая частицу *не* перед существительным *радость* в заголовке *Старость в радость: когда возраст хобби не помеха* (Беларускі час, 01.10.2018), автор создает противоположный исходному прецедентному высказыванию *Старость не в радость* смысл, связанный с пониманием старости не как тяжелого периода, а периода новых возможностей в жизни пожилых людей.

Мороз и солнце, день чудесный – строчка из произведения А. С. Пушкина, в которой поэт воспевает хорошую зимнюю погоду. В статье с названием *Мороз и солнце – день опасный!* (СБ. Беларусь сегодня, 09.02.2013) журналист использует замену компонентов, трансформируя структуру и добавляя тем самым контраст в эмоциональном восприятии статьи. Очевидно, что в статье речь пойдет о непредсказуемости последнего месяца зимы, который опасен своими резкими перепадами температуры.

Таким образом, проведенный анализ употребления прецедентных имен и высказываний в заголовках статей белорусских средств массовой информации дает основания для следующих выводов.

1. В языке белорусских средств массовой информации отмечается высокая степень обращения к прецедентным феноменам с целью выполнения воздействующей функции на читателя. Апелляция к феноменам прецедентности вызывает доверие читателя к средствам массовой информации и свидетельствует об актуальности предлагаемого материала.

2. Прецедентные феномены позволяют кратко, ярко и четко передать мысли, исторический опыт народа. Вызывая у адресата устойчивые ассоциативные связи, текст заглавия легко запоминается.

3. В заголовках статей белорусских средств массовой информации употребляются прецедентные имена и прецедентные высказывания (воспроизведенные дословно или с заменой структурных элементов). При этом используемые прецедентные имена могут отсылать как к объектам белорусской культуры, так и к именам, значимым для культуры другого лингвистического сообщества (например, французского). Прецедентные же высказывания не выходят за рамки одной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Касьянова, К.* О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. : Ин-т нац. модели экономики, 1994. – 267 с.
2. *Караулов, Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М., 1986. – С. 105–126.
3. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд. – М. : Рус. яз., 1986. – 795 с.
4. *Гудков, Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.

The article is devoted to the analysis of intertextual elements (names and statements) used in the headlines of Belarusian mass media publications. The analysis leads to the conclusion that the names used can refer both to objects of Belarusian culture and to elements that are significant in the culture of another people. The use of statements (literally reproduced or with elements replacement) is associated only with extralinguistic knowledge relevant to the Belarusian ethnocultural community.

Поступила в редакцию 03.03.2020

О. А. Лукина

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются экклезионимы – наименования православных монастырей Беларуси (35 единиц). В своем анализе автор использует структурно-семантический метод, изложенный в работах по урбанонимике и экклезионимике А. М. Мезенко, Е. П. Ариной, О. А. Лукиной (Борисевич). В структурном отношении названия монастырей поликомпонентны, вариативны. Основной структурный тип – атрибутивно-адъективный. Семантически наименования включают в себя имена святых, названия праздников и икон. Больше всего экклезионимов в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы.

Православие издавна являлось частью культуры белорусского народа. Наши предки в большинстве своем были верующими людьми, которые по воскресеньям и в религиозные праздники посещали церковь.

Известной популярностью пользовались и паломнические поездки по святым местам, в частности в монастыри. Монастырская жизнь, весьма отличная от мирской, сегодня также манит верующих и просто туристов.

Православие пришло на белорусскую землю вместе с крещением Руси в конце X века. Уже в 992 г. возникла Полоцкая епархия, третья по счету после Киевской и Новгородской. Кроме нее, на белорусских землях существовали Туровская, основанная в 1005 г., и Смоленская (1137 г.) епархии, границы которых совпадали с границами этих княжеств.

Под монастырем понимается «религиозная община монахов или монахинь, представляющая собой отдельную церковно-хозяйственную организацию», а также «территория, храм и все помещения такой общины» [1, с. 364]. Одним из первых на территории Беларуси следует считать монастырь в Изяславле (Заславль), в котором, как известно, несла свое иночество под именем Анастасии, княгиня Рогнеда.

Наименования монастырей, как и других религиозных объектов, в ономастической науке получили терминологическое определение *экклезионимы*.

В последние десятилетия экклезионимы активно изучаются ономатологами: А. М. Мезенко [2], Е. П. Арининой [3; 4], О. А. Лукиной (Борисевич) [5; 6; 7]. Ими определен статус названий мест совершения обряда в ономастической системе, изучены структурные особенности экклезионимов России и Беларуси, исследованы принципы номинации культовых сооружений обозначенных стран. Выявлена лингвокультурологическая составляющая. Российские экклезионимы Е. П. Арининой рассмотрены в диахронии. Нами составлены карты экклезионимов Республики Беларусь по конфессиям, обозначены причины распространения онимов.

Названия культовых сооружений являются своеобразными репрезентаторами духовного кода. С одной стороны, будучи топонимами, экклезионимы содержат информацию о пространстве, с другой – сакрализуют это пространство.

Цель данной статьи – выявить структурные, семантические и географические особенности названий православных монастырей Беларуси в синхронии.

Современная православная церковь насчитывает 24 женских и 11 мужских обителей на территории Республики Беларусь (azbyka.ru).

Структурно наименование монастыря – это всегда поликомпонентный языковой комплекс, состоящий из 2 равноправных частей: географического апеллятива и проприальной части. Географический апеллятив представляет собой двусловное образование, основным компонентом которого является лексема *монастырь* плюс препозитивно стоящее имя прилагательное, указывающее на половую принадлежность: *мужской* или *женский*.

Проприальная часть представляет собой многочленное образование, препозитивно и постпозитивно окаймляющее географический апеллятив.

В отличие от других экклезионимов (например, названий церквей), наименования монастырей строятся по атрибутивному типу, который предполагает наличие имени прилагательного в препозиции к географическому апеллятиву (*Иоанно-Кормянский женский монастырь*). В современной официальной экклезионимике и в целом урбанонимике названия атрибутивного характера немногочисленны и носят разговорный характер. Использование данного структурного типа для наименований монастырей объясняется двумя причинами: во-первых, для выделения на языковом уровне данных названий из основного пласта экклезионимов, чтобы выполнить функцию различения среди однородных объектов; во-вторых, основная часть монасты-

рей входит в число туристических объектов, и поэтому довольно часто их названия встречаются на сайтах, картах, в туристических сборниках, где для привлечения и удержания внимания людей сохраняется разговорная форма.

Проприальная часть названия монастыря может включать в себя одно имя прилагательное или два (атрибутивно-адъективный структурный тип) либо прилагательное в препозиции и существительное (несколько существительных, прилагательных с существительными) в постпозиции. Последние названия (*Гродненский женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы*, например) строятся по атрибутивно-генитивному типу. Генитивный тип предполагает наличие имени существительного в родительном падеже, стоящего после географического апеллятива, и является основным для структуры православных, старообрядческих, католических и греко-католических экклезионимов Беларуси.

Еще одной особенностью структуры названий культовых сооружений является вариативность их оформления, что объясняется отсутствием словаря экклезионимов (*Пустынский Свято-Успенский мужской монастырь – Пустынский мужской монастырь Успения Пресвятой Богородицы*).

Экклезионимы – наименования монастырей – включают в себя название населенного пункта, где находится религиозный объект, и указание на то, мужская или женская это обитель. В остальном данные они семантически повторяют наименования православных храмов.

Выделяются три группы экклезионимов:

- 1) названия во имя святых;
- 2) названия в честь религиозных праздников;
- 3) названия в честь икон.

1. Традиция освящать культовые сооружения во имя святых и мучеников является основной и наиболее стойкой для номинации храмов в православии. Называя религиозный объект, верующие таким способом выражают уважение своим заступникам, прославляют их.

Названия монастырей Беларуси содержат в своем составе следующие агнионимы: *святой Никола, святая праведная София Слуцкая, святой Михаил, святой Пантелеймон, святая Ксения, святой Иоанн Богослов, святой Елисей Лавришевский, святой Афанасий, Евфросиния, святая Варвара, святая Елисавета, Иоанн Кормянский, Зосима Совватиевский, святые жёны-мироносицы*. Итак, 15 монастырей названы во имя 14 святых, лишь агнионим *святой Никола* задействован дважды: *Гомельский Никольский мужской монастырь, Могилёвский Свято-Никольский женский монастырь*.

Являясь небесным покровителем путешественников, моряков, заступником от пожаров и преступных нападений, Николай Чудотворец становится и хорошим помощником в различных сложных житейских ситуациях. Уже в языческие времена названный святой особо почитался. Об этом свидетельствует календарно-обрядовый праздник у белорусов и других славянских народов в честь опекуна земледелия и народного заступника, который проводился два раза в год. Столь многостороннее влияние Николая Чудотворца на

жизнь человека, а особенно в сфере земледелия (земледелие было одним из основных занятий белорусов), позволяет имени святого выступать в роли доминирующей онимической единицы в экклезионимной системе Беларуси.

2. Православные праздники – это дни, посвященные самым значительным с точки зрения православия религиозным событиям или чествованию наиболее чтимых православием религиозных персонажей.

По важности библейских событий, которым посвящены торжества, и по характеру богослужений, связанных с ними, праздники подразделяются Русской православной церковью на великие, двенадцатые (двенадцать важнейших после Пасхи христианских праздников) и малые. К малым относятся праздники, прославляющие христианских святых. Почти каждый день в православном календаре отмечается тот или иной святой, а то и несколько сразу. Так, 17 января празднуется Собор 70 апостолов, 19 марта – день памяти 42 мучеников Амморейских и т.п. Великими православная церковь именует следующие праздники: Обрезание Господне, Рождество Иоанна Предтечи, праздник святых апостолов Петра и Павла, Усекновение словы Иоанна Предтечи, Покров Пресвятой Богородицы.

К великому христианскому празднику относится «праздник праздников и торжество из торжеств» – Пасха. К ней примыкают двенадцатые праздники, связанные с основными вехами жизни Иисуса Христа и его матери – Богородицы: 1) Рождество Пресвятой Богородицы; 2) Воздвижение Честного Креста, или Воздвижение Креста Господня; 3) Введение (Вход) во храм Пресвятой Богородицы; 4) Рождество Христово; 5) Крещение Господне, или Богоявление; 6) Сретение Господне; 7) Благовещение Пресвятой Богородицы; 8) Царский вход Господень в Иерусалим; 9) Вознесение Господне; 10) Пятидесятница, или Святая Троица; 11) Преображение Господне; 12) Успение Пресвятой Богородицы. Богослужения, посвященные этим праздникам, отмечаются с особой пышностью и торжественностью.

В связи с вышеперечисленным в экклезионимии нашел отражение следующий принцип номинации – по связи внутригородского объекта с догматами христианства и христианскими праздниками. Данная группа включает места совершения обрядов, мотивированные названиями следующих православных праздников: 1) праздники, посвященные Иисусу Христу: Рождество Христово, Воскресение Господне, Преображение Господне, Вознесение Господне, Сретение Господне, Богоявление; 2) праздники в честь Пресвятой Богородицы: Рождество Пресвятой Богородицы, Благовещение Пресвятой Богородицы, Успение Пресвятой Богородицы, Покров Пресвятой Богородицы, Положение честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне; 3) праздник Святой Троицы; 4) праздник Святого Духа.

Названия православных монастырей Беларуси содержат в своем составе 10 геортонимов: *Рождество Пресвятой Богородицы, Преображение Господне, Благовещение, Успение Пресвятой Богородицы, Покров Пресвятой Богородицы, Вознесение Господне, Святой Дух, Святая Троица, Введение во храм Господень, Богоявление*. Наименованиями праздников мотивированы 18 эккле-

зионимов – названий православных монастырей. Повторяются следующие геортонимы: *Успение Пресвятой Богородицы* – 5 раз, *Рождество Пресвятой Богородицы* – 3 раза, *Благовещение* и *Покров Пресвятой Богородицы* – по 2 раза.

Праздник Успения Богородицы отмечается как день кончины Божией Матери. Названия в честь праздника представлены следующими экклезионимными моделями: *Казимировский Свято-Успенский женский монастырь*, *Оршанский Свято-Успенский женский монастырь*, *Свято-Успенский Жировичский мужской монастырь*, *Свято-Успенский Тадулинский женский монастырь*, *Пустынский Свято-Успенский мужской монастырь*. Наименования в честь Рождества Пресвятой Богородицы находим на карте Бреста (*Брестский женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы*), Гродно (*Гродненский женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы*) и Гомельской области (*Юровичский мужской монастырь Рождества Пресвятой Богородицы*).

3. Иконимы легли в основу 2 наименований монастырей: *Кобринский Спасский женский монастырь*, *Гомельский женский монастырь в честь Тихвинской иконы Божией Матери*.

Традиционным выражением православности на Руси является иконопочитание. В жизни верующего икона всегда занимала исключительно важное место, результатом чего стало строительство культовых зданий, названных в честь икон.

Почитание чудотворных икон связано с их ролью в истории государства. Как свидетельствуют летописные источники, ни одно военное событие не происходило без участия икон. Многие знаменитые древнерусские святые брали с собой в военные походы, накануне сражений служили перед ними молебны, победы связывали с их заступничеством и покровительством. То есть икона являлась помощником и защитником в борьбе с внешними и внутренними врагами. Кроме того, огромное значение в почитании икон имел тот факт, что они обладают «чудотворной» функцией исцеления от различных болезней и недугов.

Икона – это изображение Иисуса Христа, Богородицы, какого-либо святого, евангельского или церковно-исторического события. В основу экклезионимов – названий православных монастырей Беларуси – было положено одно название Богородичных икон и одно наименование иконы Спасителя.

При описании семантических особенностей экклезионима, содержащего названия чудотворных икон Пресвятой Богородицы, мы, вслед за Е. П. Ариной [4], анализируем значение иконимов, которые отражают следующие дифференцирующие семантические компоненты:

1) святость: данная сема встречается во всех экклезионимах и представлена религионимом *Божия Мать* и частью сложного прилагательного *свято*;

- 2) географическая отнесенность (в нашем случае прилагательное *Тихвинский*);
- 3) милосердие, всепрощение, оказание помощи;
- 4) исцеление физических и душевных недугов;
- 5) неиссякаемость, неистощимость, вечность;
- 6) власть, вседержительница.

Экклезионим *Гомельский женский монастырь в честь Тихвинской иконы Божией Матери* включает первых два компонента.

Из всего многообразия изображений Иисуса Христа традиционно выделяются следующие иконографические образы: «Нерукотворенный Образ Господа Иисуса Христа», или «Спас Нерукотворенный», «Господь Вседержитель», или «Пантократор», «Господь на престоле», «Спас в силах», «Спас Эммануил».

В экклезионимии Беларуси отражен 1 иконим *Спас Нерукотворенный*.

Спас Нерукотворенный – особый тип изображения Христа, представляющий его лик на убрусе (плате). Согласно преданию, Нерукотворенный Образ Христа был запечатлен для эдесского царя Авгаря после того, как посланный им художник не сумел изобразить Христа: Христос умыл лицо, отер его платом (убрусом), на котором остался отпечаток, и вручил его художнику. Христианская традиция рассматривает Нерукотворенный Образ Христа как одно из доказательств истинности воплощения второго Лица Троицы в человеческом образе, а в более узком смысле – как важнейшее свидетельство в пользу иконопочитания. Списки с него получили широкое распространение в византийской и древнерусской живописи.

В основе названия одного монастыря – *Витебский Марков Троицкий мужской монастырь* – лежит имя его основателя. Данная номинация в белорусской экклезионимии единична.

Таким образом, наименования православных монастырей занимают особое место в экклезионимном пространстве Беларуси. Как и остальные экклезионимы, в структурном отношении они поликомпонентны, вариативны. Однако основным структурным типом является атрибутивно-адъективный, а не сложный генитивный. Семантическое своеобразие названий монастырей проявляется в многообразии единичных экклезионимов, что объясняется основной функцией имен собственных – выделением культового объекта среди подобных. На экклезионимной карте Беларуси названия православных монастырей распределены следующим образом: Витебская область – 9 онимных единиц, Гомельская и Гродненская области – по 6, Брестская и Минская – по 5, Могилёвская область – 4.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.

2. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
3. Аринина, Е. П. Место экклезионимов в современной ономастической системе / Е. П. Аринина // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 14–16 нояб. 2004 г. / Самар. гуманитар. акад. ; под ред. Е. П. Ариной. – Самара, 2005. – С. 260–262.
4. Аринина, Е. П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. П. Аринина ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2008. – 19 с.
5. Борисевич, О. А. Экклезионимы как разновидность урбанонимов в современной ономастической системе / О. А. Борисевич // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Соц. коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 4. – Ч. 1. – С. 420–424.
6. Лукина, О. А. Экклезионимное пространство Беларуси / О. А. Лукина. – Витебск : ВГУ, 2014. – 110 с.
7. Лукина, О. А. Своеобразие экклезионимов как особых онимных единиц (на материале названий культовых сооружений Беларуси) / О. А. Лукина // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 17–20 сент. 2019 г. / сост., ред. В. Л. Васильев ; Новгород. гос. ун-т. – Великий Новгород : Печатный двор, 2019. – С. 443–447.

The article deals with ecclesionyms, or names of orthodox monasteries in Belarus (35 units). Structurally, the names of monasteries are multicomponent and variable; the main structural type is attribute-adjectival. Semantically, the names include those of saints, holidays and icons. Most ecclesionyms are in honor of the feast of the assumption of the blessed virgin Mary.

Поступила в редакцию 07.03.2020

Чжан Аньци

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье предпринята попытка определить частотность употребления интернет-сленгизмов в разные годы существования интернет-сленга, а также выявить факторы, влияющие на эту частотность, на материале сленговых единиц из «Словаря языка интернета-ру» М. А. Кронгауза. Исследование базируется на данных Генерального интернет-корпуса русского языка. Установлена зависимость частотности употребления сленгизмов от способа их образования (заимствования-англицизмы, суффиксальные производные, сокращения, графодериваты, фонодериваты) и от связи с определенными молодежными субкультурами.

«Разве легко различить цветы в тумане? И разве четко мы увидим луну, отраженную в воде?» Эти известные китайские метафорические высказывания можно было бы применить и к исследованию интернет-сленга, так стремительно ворвавшегося в нашу жизнь с развитием информационных технологий, такого разнообразного и, казалось бы, хаотически развивающегося, такого ускользающего от нашего восприятия.

В настоящее время роль интернет-сленга в составе русского этноязыка нельзя игнорировать. Многие исследователи занимаются этим недавно появившимся языковым явлением [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Его описывают с разных точек зрения, пытаясь «рассеять туман», привести «хаос» в порядок, выявить закономерности его развития, определить особенности его структуры.

Некоторые авторы сосредоточивают внимание только на отдельных подсистемах интернет-сленга. Так, Ю. В. Щурина [9] исследовала интернет-мемы как вид креолизованных текстов в Интернете; интернет-сленгизмы фанфикшна привлекли внимание Н. В. Афанасовой [10]; В. А. Ефремов обратил свое внимание на такие субстандартные страты, как язык «упячки», «луркоязы», «мамский язык» [4]; П. А. Горшков посвятил свою диссертацию словам хакеров и геймеров в Интернете [3]; работа Н. Н. Буйловой касается языка анимешников [2]. Кроме того, интернет-сленг вызывает интерес не только лингвистов, но и литературоведов, журналистов, культурологов, социологов [11; 12; 13; 14].

Большинство из опубликованных на данную тему работ посвящено анализу способов словообразования. Как показано в этих трудах, интернет-сленг формировался разными путями. Прежде всего, сленгизмы появляются в результате заимствования, в особенности из английского языка [15, с. 76]. Безусловно, интернет-сленг пополняется и исконной лексикой посредством таких способов, как аббревиация и усечение, что обусловлено «стремлением к лингвистической экономии» [Там же], аффиксация [8, с. 116–117], сложение и сращение. Очень распространены графические искажения формы слова, или эрративы [4, с. 68]. Кроме того, возникновение некоторых слов связано с особыми субкультурами, что также может отражаться в преимущественных путях создания сленгизмов (графические искажения у «падонков», суффикс -э в языке «упячки» и т.д.).

Между тем проблемы функционирования интернет-сленга, как видно, почти не нашли своего отражения в научной литературе. В нашей статье делается попытка исследования некоторых функциональных особенностей современного русского интернет-сленга, в первую очередь, частотности употребления сленгизмов. Кроме того, мы попытаемся выявить факторы, влияющие на ее увеличение или уменьшение. При этом результаты исследования помогут ответить на вопрос о том, как развивается русский интернет-сленг на протяжении определенного периода его существования.

Наше исследование базируется на анализе частотности сленгизмов по Генеральному интернет-корпусу русского языка (ГИКРЯ) [16], вступившего в эксплуатацию в 2013 г.: «ГИКРЯ – проект создания корпуса для целей

дифференциальной лингвистики и лексикографии... В ГИКРЯ будут представлены все существенные социальные, жанровые, тематические сегменты Интернета» [17]. Как сказано на сайте ГИКРЯ, «в настоящий момент в ГИКРЯ уже представлены крупнейшие ресурсы social media – ВКонтакте, ЖЖ, а также Блоги Mail.ru, новостные ресурсы и Журнальный Зал» [16]. Тем самым в ГИКРЯ есть 4 подкорпуса: «Живой Журнал» (ЖЖ), «ВКонтакте», «Новости» и «Журнальный Зал», и на 2016 г. в Корпусе в общей сложности насчитывалось 19 801 млн слов, 279 903 439 документов.

Для нашего исследования наиболее подходят подкорпуса «ЖЖ» и «ВКонтакте»: в них отражается живая интернет-коммуникация в реальном масштабе времени. Однако подкорпус «ВКонтакте» содержит данные только 2014–2015 гг., которых для анализа далеко не достаточно. В то же время подкорпус «ЖЖ» занимает 40 % объема всего ГИКРЯ и включает контексты более чем за 10 лет, что может обеспечить возможность исследования интернет-сленга в его развитии. Таким образом, именно этот подкорпус и выступил в качестве базового источника данных для анализа частотности словоупотреблений.

Из этих контекстов нами были взяты данные только за 2004–2014 годы, так как их доля больше 1 % от общего количества слов в подкорпусе. Поскольку количество словоупотреблений в подкорпусе за каждый год было разным, мы высчитывали частоту каждого слова на миллион употреблений (ipm)¹.

В качестве языкового материала мы взяли сленгизмы из «Словаря языка интернета.ру» под ред. М. А. Кронгауза, изданного в 2016 г. [18]. Он включает в себя три основных раздела: «Слова и выражения», «Термины» и «Субкультуры». В первой части содержатся интернет-сленгизмы (как слова, так и единицы, состоящие из нескольких слов) – всего 145. Из них, во-первых, нами отобраны только слова². Во-вторых, для данного исследования мы исключили те, которые совпадают по форме с литературными словами (например, *рак* в сленге ‘сетевое оскорбление, резко негативная оценка собеседника как некомпетентного или низкосортного’, *потрачено* ‘указывает на провал или грандиозную удачу’): анализ этих слов в ГИКРЯ заставил бы нас вручную разграничивать огромное количество контекстов (например, *рак* в ГИКРЯ дает нам 60 780 контекстов, *потрачено* – 21 266 контекстов, включающих как сленгизмы, так и их литературные омонимы). Таким образом, у нас получилось 85 слов.

Из этих слов у 11 имеются фонетико-графические и морфологические варианты (табл. 1).

¹ ipm является сокращением английского *instances per million* [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Частотный словарь](https://ru.wikipedia.org/wiki/Частотный_словарь)], русское выражение с тем же значением – *частота на миллион словоформ* (чмс).

² Их графическая форма не содержит пробела, но может содержать дефис: *многобукаф*, *пыщь-пыщь*.

Варианты сленгизмов и количество их словоупотреблений

№ п/п	Слово и его варианты	Количество словоупотреблений	ipm	№ п/п	Слово и его варианты	Количество словоупотреблений	ipm
1	ахаха	24998	2,89	7	негодуэ	1969	0,23
	ахахах	8965	1,04		негодуе	882	0,10
2	чмоки	11312	1,31	8	лулз	5679	0,66
	чмоке	4595	0,53		лулзы	1870	0,22
3	печалька	6716	0,78	9	што	285159	32,93
	пичалька	7078	0,82		щито	1814	0,21
4	ящитаю	4017	0,46		шта	6696	0,77
	ящетаю	5210	0,60		штоа	158	0,02
5	оффлайн	15897	1,84	10	прив	1377	0,16
	офлайн	3223	0,37		прива	650	0,08
6	офтоп	2762	0,32	11	адинадин	128	0,01
	оффтоп	21406	2,47		одинодин	32	0,0037
	оффтопик	3695	0,43		расрас ¹	31	0,0036
	офтопик	583	0,07				

Мы решили посмотреть, насколько одинаково функционируют эти варианты, чтобы определить, можно ли их объединить. Отметим, что некоторые из вариантов оказались низкочастотны, например, *одинодин* (ipm – 0,0037), *прива* (ipm – 0,08), *офлайн* (ipm – 0,37). Такие варианты были объединены. Кроме этого, если частотность вариантов слова по графикам ipm за 2004–2014 годы изменяется одинаково, мы также суммировали данные всех вариантов в одном слове, например, *лулз/лулзы*, *печалька/пичалька* (рис. 1).

Рис. 1. Графики словоупотреблений *печалька/ пичалька*, ipm

Наконец, в ряде случаев те единицы, которые в словаре М. А. Кронгауза подавались как варианты, являются, на наш взгляд, разными лексемами: *адинадин* и *расрас* (разнокорневые синонимы), *оффтоп* и *оффтопик* (второе слово является производным от первого). Получив таким образом 87 сленгиз-

¹ Все эти единицы подавались как варианты в словаре М. Кронгауза.

мов-инвариантов, мы разбили их на группы по частотности. К первой группе, которую мы условно назвали «единичные сленгизмы», мы отнесли те слова, *ipm* которых меньше 1; их оказалось 44.

Разделение остальных сленгизмов по частотности было произведено на основании анализа интервалов между *ipm* соседних единиц (рис. 2).

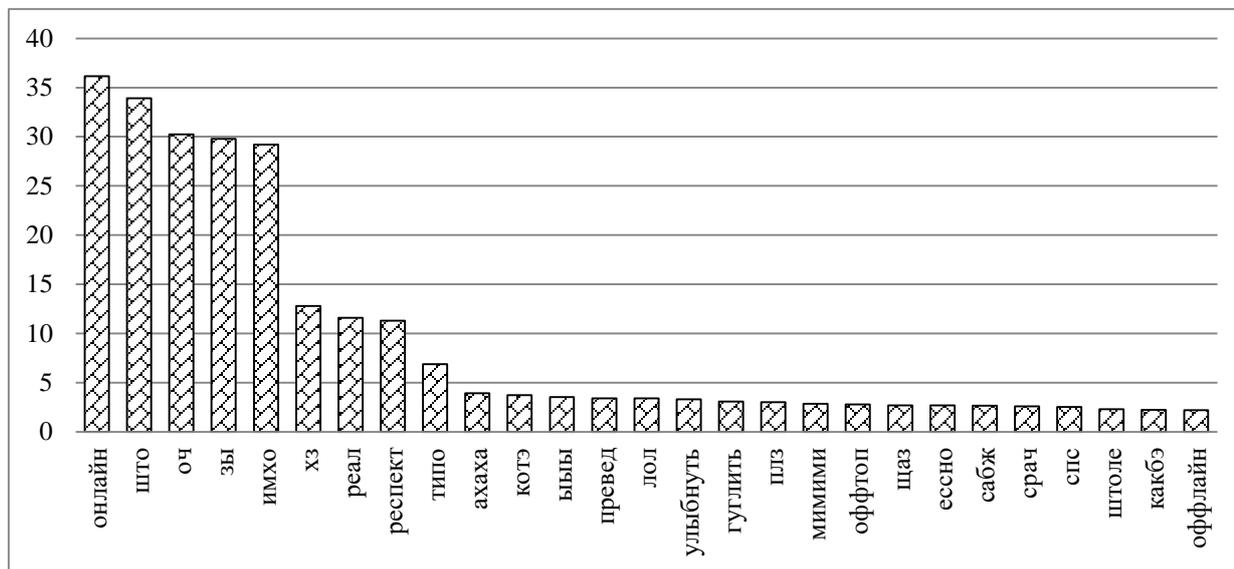

Рис. 2. Частотность сленгизмов (*ipm* 1–40)

На диаграмме (рис. 2) отчетливо видно, что имеются «скачки» частотности (между *ахаха* и *типо* и между *хз* и *имхо*). Это позволяет выделить еще три группы: «высокочастотные сленгизмы» (*ipm* более 20), «частотные сленгизмы» (*ipm* с 6 по 20) и «низкочастотные сленгизмы» (*ipm* с 1 по 5¹). Как и следовало ожидать, частотных и высокочастотных сленгизмов не так много: лишь 9 слов превышают порог частотности в 5 *ipm*. Тем самым значительная доля сленгизмов употребляется в интернет-коммуникации не так часто.

Затем мы попытались обнаружить возможную связь между способом образования сленгизма и частотностью его употребления. Для этой цели мы разделили все сленгизмы на следующие 5 групп.

1. Англицизмы. Сюда мы включили слова, которые заимствованы из английского языка: *пруф* ‘доказательство, подтверждение чего-либо’, *флейм* ‘спор с оскорблениями’.

2. Суффиксальные производные: *спасибки*, *ванговать* (последнее восходит к имени болгарской предсказательницы Ванги).

3. Сокращения, т.е. аббревиатуры и усеченные слова: *чсв* ‘чувство собственной важности’, *нзч* ‘не за что’; *оч* ‘очень’, *прив* ‘привет’.

4. Графодериваты (сленгизмы, образованные графическим способом). Здесь имеются, прежде всего, слова, представляющие собой «орфографические» искажения общелитературных слов, например *што* (*что*), *превед* (*привет*). В эту же группу мы отнесли и те сленгизмы, образование которых связано с изменением раскладки клавиатуры, например *ЗЫ*, *бнопя* (первое

¹ В целях экономии места на диаграмме эти последние указаны не все.

из них «восходит к латинским сокращениям PS или P.S. (post scriptum), набранным в кириллической раскладке клавиатуры» [18, с. 20–21]; второе слово появилось «как отображение слова ”Вопрос”, написанного в кодировке CP1251, в кодировке K018-P» [18, с. 44]).

5. Сленгизмы, образованные фонетическим способом (фонодериваты), в частности, звукоподражания, например *бугага*.

Для каждой группы сленгизмов мы вычислили среднее *ipm* (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Среднее *ipm* групп сленгизмов

Способ образования сленгизма	Количество слов в группе	Среднее <i>ipm</i>
Англицизмы	26	3,9
Суффиксальные производные	20	1,0
Сокращения	15	4,61
Графодериваты	20	4,46
Фонодериваты	6	2,04

С одной стороны, видно, что сокращения (аббревиатуры и усеченные слова) и графодериваты относятся к наиболее частотным (среднее *ipm* почти равно 5) в противоположность суффиксальным производным (среднее *ipm* – 1). С другой стороны, поскольку в каждой группе есть слова низкочастотные и высокочастотные, то цифры средней частотности употребления в каждой группе могут несколько исказить общую картину. Например, *ipm* сокращений колеблется от 0,01 (*нзч*) до 30,25 (*оч*).

Поэтому мы решили вычислить процент слов разной частотности в каждой группе по способу образования (рис. 3).

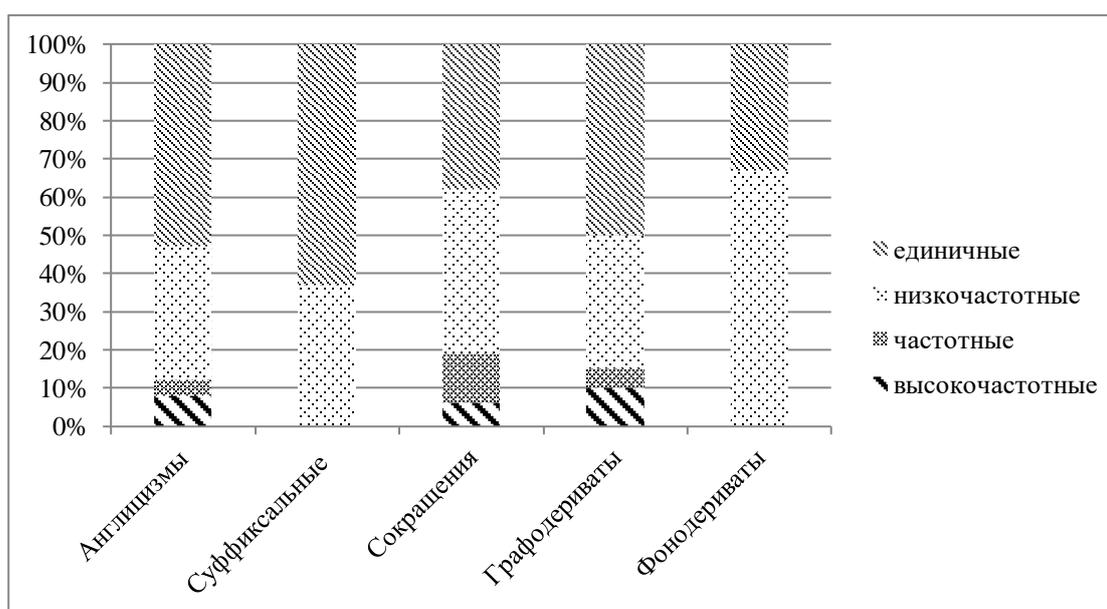

Рис. 3. Доля слов разной частотности, %

Можно заметить, что заимствования из английского языка, графодериваты и особенно сокращения действительно показывают достаточно высокую употребительность: частотных и высокочастотных слов среди них довольно много. Напротив, суффиксальные производные и сленгизмы, образованные фонетическим способом, – это в основном низкочастотные или единичные образования.

Данные ГИКРЯ, как было указано выше, позволяют также провести определенное исследование динамики развития интернет-сленга. Нами, в частности, было выявлено количество сленгизмов каждой группы по частотности в разные годы функционирования сленга (рис. 4).

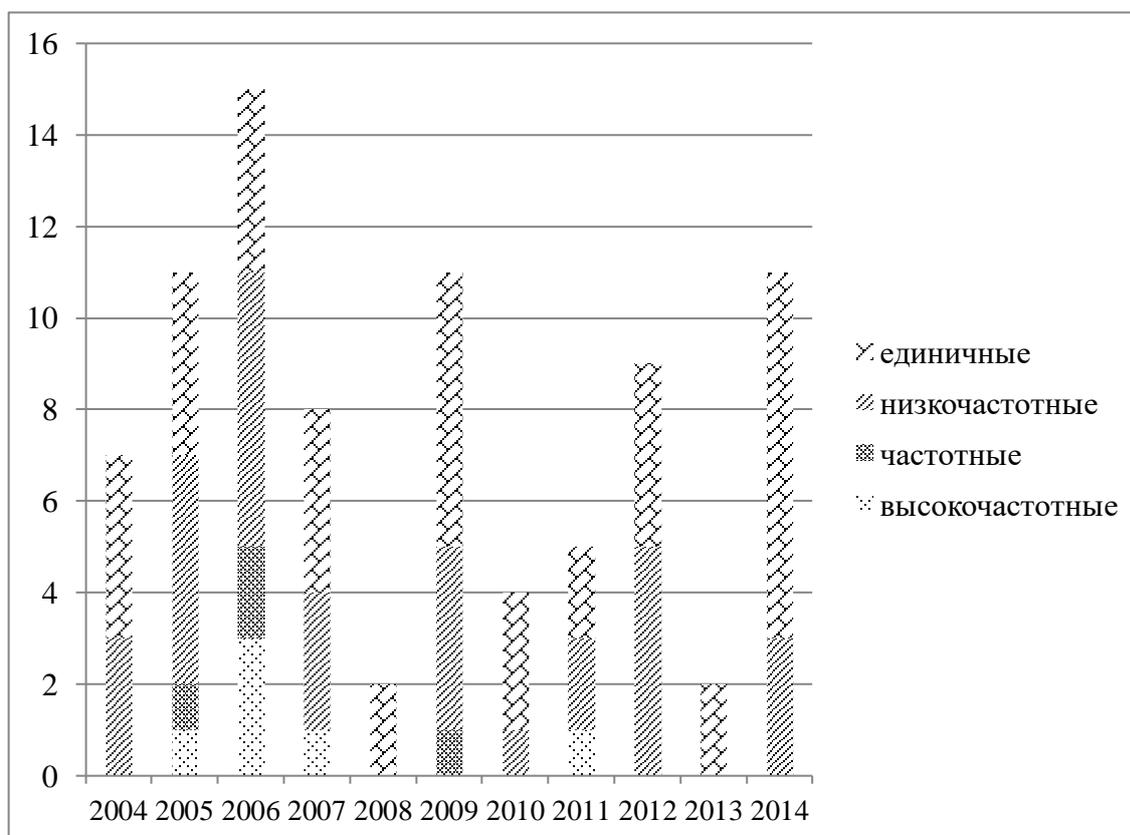

Рис. 4. Количество сленгизмов групп с различной частотностью по годам

Как видно на рис. 4, своеобразные пики частотности наблюдаются в 2005–2007, 2009, 2012 и, отчасти, в 2014 гг. В 2005–2007 гг. имеется больше всего частотных и высокочастотных сленгизмов. Мы предположили, что это может быть связано с влиянием молодежных интернет-субкультур или, вернее, с выделением определенных страт внутри интернет-сленга. Наиболее известными стратами являются язык «упячки» [4] и язык «падонков» [18, с. 97].

Поэтому нами был определен год максимальной частотности для каждого отдельного слова (табл. 3).

Распределение сленгизмов по годам максимальной частотности¹

Год	Слова, демонстрирующие максимальную частотность в данный период
2004	ессно, лже-юзер, мессага, офлайн, офтопик, ржунимагу, сабж
2005	<u>ИМХО</u> , лан, лол, лытдыбр, офтоп, плз, реал, сорьки, флейм, флуд, щаз ₂
2006	бнопня, бугага, зы, <u>йух</u> , кароч, оч, <u>превед</u> , прив, уважение, спасибо, типо, <u>ужоснах</u> , улыбнуть, хз, <u>чмоки</u>
2007	нзч, нуб, спс, стайл, труь, што, штоле, быы
2008	адинадин , многобукаф , упячка
2009	ахаха, втф, какбэ, кек, лулз, омг, пыщь-пыщь , уг, холивар
2010	негодую , прон, трололо, хаюшки, хд
2011	котэ , онлайн, стопицот, фейл, чсв
2012	баттхерт, гуглить, детектед, мимими, няшка, печалька, развиртуализация, троллфейс, ящитаю
2013	развидеть, фейспалм
2014	анон, бомбануло, ванговать, жыр, котаны, нуок, пруф, расрас, слоупок, срач, тп, троллинг, шушпанчик

Мы обнаружили, что пик частотности «падонковских» слов приходится на 2005–2008 гг., что вполне соотносится с данными диаграммы (см. рис. 4). В то же время сленгизмы «упячки», распространенные в основном в 2008–2011 гг., не показали значительного влияния на интернет-сленг в эти годы.

Таким образом, рассматриваемые сленгизмы обнаруживают различную частотность употребления. Больше всего в сленге слов с низкой и очень низкой частотностью употребления: чуть более половины сленгизмов (44 из 87) – с частотностью меньше 1 ipm и 34 – от 1 до 5 (точнее, до 3,92) ipm. Лишь 4 слова имеют высокую (от 6 до 13 ipm) и, наконец, 5 – очень высокую частотность: *имхо* (29,20), *зы* (29,79), *оч* (30,25), *што* (33,93) и *онлайн* (36,17).

Разделение сленгизмов на группы по способу образования позволило проследить определенную зависимость между этим фактором и их частотностью. Оказалось, что среднее ipm выше у сокращений (4,61) и графодериватов (4,46), в то время как у англицизмов и фонодериватов оно ниже (соответственно 3,9 и 2,04); суффиксальные сленгизмы в среднем наименее частотны (1,0). При этом среди графодериватов и англицизмов наблюдается наибольшее число высокочастотных слов (выше 20 ipm).

Анализ динамики употребления сленгизмов на протяжении 11 лет (с 2004 по 2014) дал нам возможность установить, что наибольшее число сленгизмов использовалось в 2005–2007, 2009, 2012 и 2014 гг. При этом для 2005–2007 и 2011 годов характерно употребление наибольшего количества высокочастот-

¹ В таблице подчеркнуты единицы языка «падонков», а жирным шрифтом выделены сленгизмы «упячки».

ных сленгизмов. Именно тогда наблюдался наивысший интерес к языку «падонков», что и имело своим следствием высокую частотность в то время сленгизмов из этого языка (*ржунимагу, ИМХО, превед, йух, ужоснах, чмоки*).

Следовательно, если частотность сленгизмов зависит во многом от их структурных особенностей, способа образования, то в динамике развития интернет-сленга проявляется некоторая обусловленность интернет-субкультурами, давшими начало тем или иным лексическим единицам: всплеск интереса к данной субкультуре рождает бóльшую употребляемость слов, с ней связанных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасова, Н. В.* Язык фикрайтеров в Рунете: особенности формирования и функционирования.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Афанасова ; Липецк. гос. пед. ун-т. – Елец, 2016. – 24 с.
2. *Буйлова, Н. Н.* Так говорят анимешники [Электронный ресурс] / Н. Н. Буйлова, О. Н. Ляшевская // Современный русский язык в Интернете / под ред. Е. В. Рахилиной, Я. Э. Ахапкиной. – М., 2014. – Режим доступа : <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/914zygeu2p/direct/177636576>. – Дата доступа : 17.09.2019.
3. *Горшков, П. А.* Сленг хакеров и геймеров в Интернете: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / П. А. Горшков; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2007. – 21 с.
4. *Ефремов, В. А.* О некоторых новых стратах русского языка в Интернете / В. А. Ефремов // Стратификация национального языка в современном российском обществе : тез. Междунар. конф., Санкт-Петербург, 30 окт – 2 нояб. 2013 г. / гл. ред. А. В. Голубева. – СПб, 2013. – С. 67–71.
5. *Зайдес, К. Д.* Об одном новом слове русскоязычной интернет-коммуникации: опыт лексикографического описания / К. Д. Зайдес // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 2 (8). – С. 93–107.
6. *Карпов, Э. С.* Функционирование сленга в дискурсе Интернет-коммуникаций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Э. С. Карпов; Ин-т междунар. права и экономики. – М., 2016. – 22 с.
7. *Курманова, А. М.* Особенности использования интернет-сленга в молодежной среде [Электронный ресурс] / А. М. Курманова, В. О. Болтнева. – Режим доступа : <https://zodorov.ru/termini-v-kommunikativnom-prostranstve.html?page=3>. – Дата доступа: 13.10.2019.
8. *Лимарова, Е. В.* Интернет-сленг: словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков) / Е. В. Лимарова, Л. П. Сон // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филол. науки. – 2018. – № 4 (414). – Вып. 112. – С. 111–119.
9. *Щурина, Ю. В.* Интернет-мемы как феномен Интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. – Екатеринбург, 2012. – № 3. – С. 160–172.
10. *Афанасова, Н. В.* Функционально-семантическая трансформация иноязычной лексики в сленге фанфикш(э)на / Н. В. Афанасова // Казан. пед. журн. – 2015. – № 5 (112). – Т. 2. – С. 445–448.

11. *Жарова, О. С.* Интернет-фольклор как воплощение тенденций современного общества / О. С. Жарова // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего / Пенз. гос. технол. ун-т. – Пенза, 2015. – № 06(28), т. 2. – С. 50–53.
12. *Суслова, Т. И.* Интернет-фольклор как средство коммуникации / Т. И. Суслова // Журналистский ежегодник [Электронный ресурс] – 2015. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-folklor-kak-sredstvo-kommunikatsii>. – Дата доступа : 11.11.2019.
13. *Зерников, К. А.* Сетевая субкультура XXI века: интернет-сленг [Электронный ресурс] / К. А. Зерников // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI, вып. 2 (№ 48–49). – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=12977844>. – Дата доступа : 02.10.2019.
14. *Якоба, И. А.* Влияние виртуальных социальных сетей на молодежь [Электронный ресурс] / И. А. Якоба // Вестн. ИрГТУ. – 2011. – № 3(50). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-virtualnyh-sotsialnyh-setey-na-molodezh>. – Дата доступа : 12.09.2019.
15. *Бородина, А. Р.* Семантико-функциональный аспект интернет-сленга / А. Р. Бородина // Интелектуальні системи та прикладна лінгвістика: матеріали V Всеукр. наук.-практ. конф., Харків, 14 квітня 2016 р. / Нац. техн. ун-т «Харк. політехн. ін-т»; редкол.: А. В. Кіпенський, Н. В. Шаронова, С. В. Петрасова. – Харків, 2016. – С. 76–77.
16. Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://int.webcorpora.ru/drake/>. – Дата доступа : 20.08.2019.
17. Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте [Электронный ресурс] / В. И. Беликов [и др.]. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/media/1497/belikov.pdf>. – Дата доступа: 04.11.2019.
18. Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз [и др.]; под ред. М. А. Кронгауза. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.

The frequency of slangisms depends mainly on the way they are formed: the average ipm is higher for abbreviations and graphoderivates and lower for anglicisms and phonoderivates; suffixal slangisms are on average the least frequent. Analysis of the dynamics of the use of slangisms from 2004 to 2014 made it possible to establish that the largest number of slangisms was used in 2005-2007, 2009, 2012 and 2014. Therefore, the dynamics of the development of Internet slang shows some conditionality of Internet subcultures that gave rise to certain lexical units.

Поступила в редакцию 11.03.2020

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т. А. Кашкан

СПЕЦИФИКА ГИПЕРТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(на примере романа Дж. С. Фоера «Дерево кодов»)

В статье исследуется специфика гипертекста: понятие и основные признаки. Данные черты выявляются в романе Джонатана Сафрана Фоера «Дерево кодов». Показывается их схожесть с признаками постмодернистской литературы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что произведение «Дерево кодов» относится к литературе постмодернизма.

Гипертекст как феномен постмодернизма является логичным отражением действительности литературы данной эпохи – появление информационных технологий, а также Интернета привели к изменению и восприятию текста как такового. Одними из первых ученых, которые исследовали и теоретически обосновали такое явление, как гипертекст, были А. Андреев, А. Н. Баранов, М. Визель, О. В. Дедова, Р. К. Потапова, Г. Рябов, М. М. Субботин, У. Эко, Л. В. Эпштейн и др.

Термин *гипертекст* был введен в 1965 г. Т. Нельсоном. Он описывает «документы с нелинейной структурной идеей», относя данный процесс к информационным технологиям [1, с. 4].

Изначально гипертекст исследовали преимущественно в области цифровых технологий и только в 1980-х гг. его начали изучать в других областях, в том числе и в литературоведении (О. В. Барст, М. Визель, А. Генис, К. В. Давыдова, М. К. Конова, В. Схелтйенс).

Рассмотрим специфику гипертекста более детально. Если линейный текст читается слева направо и сверху вниз, подается последовательно и логично в привычном понимании, то, по мнению М. Визеля, в гипертексте можно «прокладывать путь нелинейным образом», из одного фрагмента текста перемещаясь в другой и обратно [2, с. 2]. Российский лингвист А. Н. Баранов отмечает, что линейный текст равно, как и линейная речь, «ограничивает мышление и понимание текста», в то время как нелинейный текст «освобождает» данное мышление [3, с. 32].

Для гипертекста характерны множественность прочтения, размывание границ текста и деперсонализация автора. Все это обусловлено языком разметки – HTML (Hypertext Mark Up Language), который, по своей сути, представляет собой ссылки на высказывания, источники, другие тексты, документы, комментарии и т.д., иначе говоря, цитаты. Известно, что цитатность является одним из основных признаков постмодернизма, в том числе литературы данного периода.

Наряду с цитатностью гипертекст имеет такие признаки, как нелинейность, разнородность и мультимедийность, бесконечность (границы и центр текста задаются читателем), децентрированность, деперсонализация автора, фрагментарность и принцип монтажа. Они же являются и признаками постмодернизма.

Американский исследователь постмодернизма И. Хассан классифицирует признаки постмодернизма следующим образом:

- 1) неопределенность, культ неясностей, ошибок, пропусков;
- 2) фрагментарность и принцип монтажа;
- 3) «деканонизация», борьба с традиционными ценностными центрами;
- 4) «все происходит на поверхности», отсутствие психологических и символических глубин;
- 5) «мы остаемся с игрой языка, без Эго»: молчание, отказ от мимесиса (подражания) и изобразительного начала;
- 6) положительная ирония, утверждающая существование плюралистической вселенной;
- 7) смешение жанров, высокого и низкого, стилевой синкретизм;
- 8) театральность современной культуры, работа на публику, обязательный учет аудитории;
- 9) срастание сознания со средствами коммуникации, способность приспосабливаться к их обновлению и рефлексировать над ними [4, p. 263].

Ученый М. Визель рассматривает данные признаки постмодернизма с точки зрения схожести с признаками гипертекста. Так, первый признак исследователь соотносит с нелинейностью и размыванием границ; второй и четвертый – с гиперссылкой, а седьмой, восьмой и девятый – с разнородностью и мультимедийностью [2, с. 3].

Суть нелинейности заключается в том, что страницы не связываются между собой традиционным способом, поэтому последовательность прочтения теряется, следовательно, текст можно читать с любой страницы. Французский ученый Ж. Деррида в своем труде «О грамматологии» [5] отмечает, что нелинейное письмо является «странствованием в некотором смысловом пространстве, игрой переходов в нем» [5, с. 387]. В то же время исследователь и литературовед Р. Барт пишет в книге «S/Z» [6] об отдельных фрагментах текста, называя их «лексиями», имея в виду, что они «представляют собою единицы чтения» [6, с. 57].

Понятие «нелинейная проза» ввел сербский писатель и литературовед М. Павич, именно такую манеру повествования он использовал в своих произведениях. По мнению писателя, нелинейное письмо наиболее точно отвечает современной эпохе, для которой характерны децентрированность, отсутствие структурированности и упорядоченности. Роман М. Павича «Хазарский словарь» является классическим примером нелинейного текста, состоящим из отдельных частей, которые представляют собой небольшие истории со своим сюжетом.

Для линейного текста свойственны конечность, законченность, в то время как для гипертекста, наоборот, безграничность и незаконченность. Гипертекст нельзя прочесть полностью, так как он не имеет четких границ. Смысл прочитанного, границы текста и центр у каждого читателя могут быть собственными, так как они им самим задаются. Такое субъективное явление определяет бесконечность гипертекста.

Как упоминалось выше, в отличие от линейного текста для гипертекста характерна деперсонализация автора, также он может быть представлен множеством авторов, а так как гипертекст постоянно подвержен изменениям, то и позиция «автор – читатель» тоже меняется. Деперсонализация автора в первую очередь связана с концепцией постмодернизма, так как его «формулой» является текст, который состоит из цитат, т.е. интертекст. Об этом Р. Барт пишет в своем труде «Смерть автора» [7]. Идея смерти автора (деперсонализация) проявляется, как утверждает ученый, в том, что автор не может создать истинно оригинальный текст, он сочетает в себе различные виды письма, и при этом ни один из них не является изначальным, так как состоит из множества цитат и отсылает к другим культурным источникам. Исходя из этого, Р. Барт пишет о множественности видов письма, которая фокусируется не на авторе, а на читателе, это приводит к тому, что «рождение читателя приходится оплачивать смертью автора» [Там же, с. 391]. Таким образом, мы наблюдаем следующее: для постмодернистского текста характерна деперсонализация автора, читатель при этом занимает главное место.

Текст, состоящий из отрывков, демонстрирует признак фрагментарности, причем прочтение данного текста можно осуществлять с любого из них.

Важными признаками гипертекста являются разнородность и мультимедийность. Их суть заключается в применении шрифта, иллюстраций, фотографий, верстки, аудио- и видеoinформации, отсылок к другим нехудожественным материалам. Все это является средствами воздействия на читателя в техническом плане [2, с. 2]. С помощью данных средств гипертекстовые технологии связываются в единый осмысленный текст, тем самым обеспечивая возможность передать информацию различными способами.

В нашем исследовании мы обратимся к признакам гипертекста, которые, на наш взгляд, можно считать также признаками постмодернистского текста, исходя из анализа трудов многих ученых. Объектом данного исследования является роман американского писателя Джонатана Сафрана Фоера (Jonathan Safran Foer, 1997) «Дерево кодов» (*Tree of codes*).

Литературную славу американскому писателю Дж. С. Фоеру принес его первый роман «Полная иллюминация» (*Everything is illuminated*, 2002). Затем последовали такие произведения, как «Жутко громко и запрательно близко» (*Extremely loud and incredibly close*, 2005), «Поедание животных» (*Eating animals*, 2009), «Дерево кодов» (*Tree of codes*, 2010), «Вот я» (*Here I am*, 2016), «Погода – это мы» (*We are the weather*, 2019). Произведения писателя переведены на многие языки, некоторые из них экранизированы.

Рассказ польского писателя Бруно Шульца (Bruno Schulz, 1892–1942) «Улица крокодилов» (*The street of crocodiles*) является своего рода инструментарием для создания романа Дж. С. Фоера «Дерево кодов». Сам рассказ входит в сборник «Коричные лавки» (*Cinnamon shops*,) – одна из немногих уцелевших книг писателя. Рассказы не связаны между собой ни временными рамками, ни единым сюжетом, а некоторые истории и вовсе представляют собой размышления рассказчика, зарисовки. Так, в «Улице крокодилов» повествование

идет от первого лица, описывается город. Язык повествования многим покажется непонятным, так как он изобилует сложными, длинными, насыщенными метафорами, что порой затрудняет понимание прочитанного.

Именно любимый рассказ Дж. С. Фоера «Улица крокодилов» поспособствовал появлению произведения «Дерево кодов». Данная книга, необычная по формату, существует только на английском языке, так как издание книги подобного плана – нерентабельное дело. Лишь бельгийское издательство взялось за это.

На месте слов и словосочетаний, вырезанных из первоначального текста «Улицы крокодилов», остаются пропуски, иногда одно-два предложения нового произведения могут занимать целую страницу.

Изучив название произведения, можно заметить, что автор выбросил некоторые буквы из выражения *The street of crocodiles* и получилось *Tree of codes*. Далее, рассматривая примеры, мы можем проследить, как автор вырезал «ненужные» слова из текста книги Бруно Шульца «Улица крокодилов» *The street of crocodiles*. Он выбирал и оставлял только те, которые подходили для нового текста (курсивом выделен текст, который писатель преобразовал в новый):

Father had stopped going out. He banked up the stoves, studied the ever-elusive essence of fire, experienced the salty, metallic taste and the smoky smell of wintry flames, the cool caresses of salamanders that licked the shiny soot in the throat of the chimney. He applied himself lovingly at that time to all manner of small repairs in the upper regions of the rooms. At all hours of the day one could see him crouched on top of a ladder, working at something under the ceiling, at the cornices over the tall windows, at the counterweights and chains of the hanging lamps. Following the custom of house painters, he used a pair of steps as enormous stilts and he felt perfectly happy in that bird's eye perspective close to the sky, leaves and birds painted on the ceiling. He grew more and more remote from practical affairs. When my mother, worried and unhappy about his condition, tried to draw him into a conversation about business, about the payments due at the end of the month, he listened to her absent-mindedly, anxiety showing in his abstracted look. Sometimes he stopped her with a warning gesture of the hand in order to run to a corner of the room, put his ear to a crack in the floor and, by lifting the index fingers of both hands, emphasize the gravity of the investigation, and begin to listen intently. At that time we did not yet understand the sad origin of these eccentricities, the deplorable complex which had been maturing in him. Mother had no influence over him, but he gave a lot of respectful attention to Adela [8, p. 16].

На основе выделенных слов, тех, которые Дж. С. Фоер оставил, получился новый текст:

Father had stopped going out. He grew more and more remote, worried and absentminded, abstracted. The sad origin of these eccentricities had been Mother [9, p. 36].

Рассмотрим данный прием на еще одном примере: *I saw his broad back in a dirty shirt and the grubby side of his jacket. He sat there, as if ready to leap, his shoulders hunched as under a great burden. His body panted with tension, and perspiration streamed down his copper-brown face, glinting in the sun. Immobile, he seemed to be working very hard, struggling under some enormous weight. I stood, nailed to the spot by his look, held captive by it. It was the face of a tramp or a drunkard. A tuft of filthy hair bristled over his broad forehead, rounded like a stone washed by a stream. That forehead was now creased into deep furrows. I did not know whether it was the pain, the burning heat of the sun, or that superhuman effort that had eaten into his face and stretched those features near to cracking. His dark eyes bored into me with the fixedness of supreme despair or of suffering. He both looked at me and did not, he saw me and did not see. His eyes were like bursting shells, strained in a transport of pain or the wild delights of inspiration. And suddenly on those taut features there slowly spread a terrible grimace. The grimace intensified, taking in the previous madness and tension, swelling, becoming broader and broader, until it broke into a roaring, hoarse shout of laughter. Deeply shaken, I saw how, still roaring with laughter, he slowly lifted himself up from his crouching position and, hunched like a gorilla, his hands in the torn pockets of his ragged trousers, began to run, cutting in great leaps and bounds through the rustling tinfoil of the burs – a Pan without a pipe, retreating in flight to his familiar haunts* [8, p. 29].

Новый текст выглядит следующим образом: *I saw his broad back, his shoulders hunched as under a great burden. he seemed to be working very hard, struggling. He saw me and did not see. he slowly lifted himself up and began to run, retreating* [9, p. 71].

Как видим из примеров, данные тексты являются цитатами, отсылками на другое художественное произведение, т.е. на роман Бруно Шульца «Улица крокодилов» *The street of crocodiles*. Дж. С. Фоер создал новую историю из истории Б. Шульца. Как упоминалось ранее, гипертекст представляет собой нелинейный текст с внутренними текстовыми ссылками, т.е. цитатами, которые характерны не только для гипертекста, но и для литературы постмодернизма в целом.

Также в произведении мы наблюдаем деперсонализацию автора. Разбросанные в романе слова и буквы обеспечивают бессчетное количество вариантов прочтения текста. Благодаря этому читатель оказывается в языковой игре, он волен заниматься чтением произведения по-своему: охватывая сразу все слова на страницах, доступные взгляду, либо может последовательно читать текст на одной странице.

При прочтении произведения «Дерево кодов» читатель сам задает границы, выбирает варианты его прочтения. Таким образом создается впечатление неограниченности и бесконечности прочтения романа.

Разнородность и мультимедийность в данном произведении представлены необычной версткой: вместо традиционного текста – пропуски на страницах.

Таким образом, проанализировав признаки гипертекста, а также их роль и значение в литературе постмодернизма, можно назвать произведение Дж. С. Фоера «Дерево кодов» гипертекстовым романом. В целом наличие

признаков, выявленных в произведении, таких как цитатность, деперсонализация автора, безграничность, нелинейность, разнородность и мультимедийность, фрагментарность, дает нам право предположить, что в исследуемом романе присутствуют черты литературы постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лутовинова, О. В.* Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу / О. В. Лутовинова // Вестн. ВГПУ. – 2009. – № 1. С. 4–7.
2. *Визель, М.* Последние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://librusec.pro/b/351590>. – Дата доступа: 04.01.2020.
3. *Баранов, А. Н.* Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие / А. Н. Баранов. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
4. *Hassan, I.* The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodern Literature / I. Hassan [Electronic resource]. – Mode of access: <https://booksee.org/book/1137424>. – Date of access: 20.01.2020.
5. *Деррида, Ж.* О грамматологии / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
6. *Барт, Р. S/Z* / Р. Барт; под. ред. Г. К. Косикова. – М.: Академ. проект, 2009. – 373 с.
7. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт; под. ред. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
8. *Schulz, B.* The Street of Crocodiles / B. Schulz [Electronic resource]. – Mode of access: <http://en.bookfi.net/book/1657394>. – Date of access: 03.02.2020
9. *Foer, J. S.* Tree of Codes / J. S. Foer. – Belgium: Visual editions, 2010. – 140 p.

The article deals with the phenomenon of hypertext. Special attention is paid to its concept and features. Moreover, the same set of features is revealed in the novel *Tree of Codes* – by Jonathan Safran Foer.

Поступила в редакцию 31.03.2020

А. А. Скоропадская

ФОНОГРАФИЧЕСКАЯ СТИЛИЗАЦИЯ РЕЧИ НЕРУССКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА

(на примере рассказов «Гассан и его Джеджи» и «На морском берегу»)¹

В статье исследуются фонографические средства стилизации контаминированной речи нерусских героев в рассказах И. С. Шмелева «Гассан и его Джеджи» и «На морском берегу». Проведенный текстологический анализ последних прижизненных изданий этих произведений и их сохранившихся черновых вариантов выявил, с одной стороны, общую писательскую манеру в создании речевых портретов инородцев, с другой – индивидуальные особенности акцента турка Гассана и грека Димитраки.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00381а.

Речевая стилизация – один из излюбленных художественных приемов И. С. Шмелева, который писатель начал использовать уже в ранних произведениях и достиг наивысшего мастерства в своем зрелом творчестве. Воссоздание живой звучащей речи – одно из направлений его авторской стратегии, результатом которой стало сформировавшееся мастерство художественной имитации, высоко оцененное критиками и ценителями литературы.

Ранние произведения Шмелева, как правило, не привлекают к себе пристального внимания исследователей. Между тем их анализ, дополненный обращением к сохранившимся черновым материалам, помогает вскрыть сюжетно-образный генезис текста и проследить этапы поиска автором оптимальных художественных средств. Природное языковое чутье помогало Шмелеву не только реалистически достоверно воспроизводить речь героев, что вписывалось в тенденции неореализма, но и находить более тонкие символические маркеры их духовной эволюции в русле импрессионистических представлений о художественном тексте. Ранние рассказы писателя и их сохранившиеся черновые варианты позволяют выявить направления стилизаторской работы, апробируемые автором. Так, несомненный интерес для писательских экспериментов представляет контаминированная речь говорящих по-русски иноплеменников. Шмелев создает небольшую галерею инонациональных типажей, уделяя особое внимание их речевому портрету, главным инструментом для создания которого становятся фонографические средства. Продемонстрируем это на примере рассказов «Гассан и его Джеджи» (1906) и «На морском берегу» (1910).

Оба рассказа относятся к литературе, адресованной детям. Сюжетно и образно они схожи: их объединяет место действия (черноморское побережье России), выстраиваемая от лица рассказчика (русского интеллигента) система повествования, образы главных героев – социально бедных, но внутренне богатых инородцев (турка и грека), одиноко проживающих на чужбине, в России, а также их особая духовная близость с детьми. В обоих рассказах ярко проявляется лингвостилистическая характеристика речи турка Гассана и грека Димитраки.

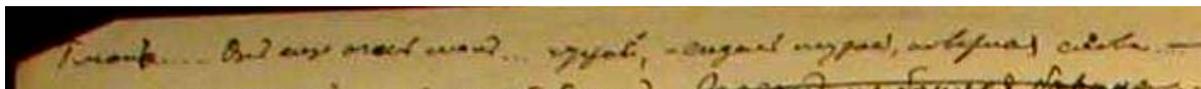
Турецкий акцент старика Гассана, его внуки Джеджи и их сородичей воспроизводится на фонетическом, лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях. Сопоставительный анализ последнего прижизненного издания¹ рассказа с сохранившейся черновой рукописью² выявляет стилизаторскую работу Шмелева по подбору фонографических средств, наиболее точно отражающих особенности турецкого акцента [2].

¹ Согласно описанию литературных трудов И. С. Шмелева, составленному Д. М. Шаховским, рассказ «Гассан и его Джеджи» был впервые опубликован в журнале «Юная Россия» в 1906 г. (№ 4. с. 485–497) [1, с. 58]. Последнее прижизненное издание: Гассан и его Джеджи. Рассказ. – Москва, Юная Россия, 1917. 12°, 32 с. [1, с. 13]. Анализ текста рассказа проводился по данному изданию.

² ОР РГБ. Ф. 387 (Шмелев). Карт. 1. Ед. хр. 23. 10 л. Рукопись прочитана А. А. Скоропадской и О. А. Сосновской. Далее ссылки на автограф приводятся в тексте статьи с указанием листа в круглых скобках.

Среди фонетических особенностей писатель выбирает нарушение твердости /мягкости: смягчение согласного *л* (кукля ‘кукла’, миля ‘милая’, глюпъ ‘глуп’) и отвердение мягких согласных перед *э* (человэкъ, тебэ). Отчасти это можно объяснить фонологической природой турецкого языка, где гласные *a* и *u* могут получать переднерядность в позиции перед согласными *k, g, l* [3] и где гласный *э*, как правило, не ведет к палатализации предшествующий согласный [4, с. 72–73]. При этом обозначенные произносительные особенности свойственны не только турецкому языку, а, например, тюркским языкам вообще [5, с. 83–88, с. 39]. Контаминированная речь Гассана с художественной точки зрения нужна не как речь именно турка, а как речь нерусского, инородца.

Однако фонетические искажения не становятся доминирующими в контаминации русской речи турка. Шмелев большее внимание уделяет грамматико-синтаксическим нарушениям, а именно: изменению грамматического рода, числа, времени, нарушению грамматического управления. Сравнение с черновой рукописью показывает, что фонетические дефекты, указанные нами выше, зачастую изначально присутствуют в речи Гассана, а грамматико-синтаксические в большинстве своем вводятся Шмелевым в процессе работы над текстом. Наиболее показательна одна из первых фраз, сказанных Гассаном (рисунок).

«– Глюпъ¹... Онъ еще очень малъ... чужой, – сказалъ туроку, коверкая слова...» (л. 1 об.).

Как можно увидеть, в слове *глюпъ* окончание мужского рода *ъ* вписано поверх окончания женского рода *а*, т.е. изначально слово было в грамматически верной форме, но с фонетическим дефектом дополнительного смягчения согласного *л*.

Примечательно, что для всех уровней контаминации характерна определенная нестабильность, которая, казалось бы, свидетельствует о несистемности авторского метода. Так, окончательный вариант рассказа содержит в речи Гассана как измененные, исковерканные формы русских слов, так и их верные варианты. Например:

– Гассанъ **тебъ** будетъ сказалъ (с. 8) / – А я **тебэ** крабъ ловилъ (с. 12).
– Ге! Джебди не зналъ **кукля**... какой **кукля** (с. 13) / – Джебди не спал, **кукла** держал, лепеталъ (с. 21).

Выбрав определенную стратегию в изображении контаминированной речи турок, Шмелев определил наиболее характерные ее черты и, не уходя в частности, использовал эти речеповеденческие маркеры не скрупулезно-

¹ Вместо: Глюпъ – было: Глюпа

реалистически, а условно-импрессионистически. Не перегружая речь Гассана и его сородичей разнообразными дефектами (напомним, рассказ в первую очередь адресуется детям, потому текст не должен вызывать затруднения при чтении), Шмелев символически обозначает их, не преследуя цели показать в точности турецкий акцент: речевые дефекты выполняют в тексте не фактологическую, документальную функцию, а идейно-художественную. При этом выбранные автором дефекты нельзя назвать точным отражением именно турецкого акцента. «Коверканье слова производит нужный художественный эффект, что для автора важнее соответствия языковым фактам» [6, с. 137].

Ту же стратегию Шмелев применяет и в рассказе «На морском берегу»¹, главным героем которого является говорящий по-русски грек. Для передачи иноязычного акцента писатель совмещает грамматические и фонографические средства стилизации. Среди грамматических компонентов контаминации – нарушения в управлении, неправильное употребление грамматического рода и числа. Фонетические особенности греческого акцента представлены более разнообразно. Так, можно выделить примеры дополнительной палатализации согласных (*плѣхо* ‘плохо’, *слаби* ‘слабый’, *добри* ‘добрый’, *стари* ‘старый’, *ви* ‘вы’, *ти* ‘ты’, *билъ* ‘был’, *синъ* ‘сын’ и пр.), отвердение русских мягких согласных перед переднеязычным *э* (*турэцкій*, *крэпкій*, *нэть*), замена щелевого *х* смычным *к* (*сукой* ‘сухой’, *корошо* ‘хорошо’), замена переднеязычных *ч*, *ж* альвеолярными *ц*, *з* (*целовѣкъ*, *церепаха*, *можно*, *Зорзикъ*, *жалка* ‘жалко’ и пр.). И если первые два фонетических искажения использовались Шмелевым и в воссоздании «турецкого» акцента, то устранение *ч*, *ж* характеризует фонологические особенности непосредственно греческого языка [7, с. 8–9], в котором отсутствуют подобные звуки. Шмелев выбирает несколько слов-маркеров, которые становятся своеобразными индикаторами отклонения от произносительной нормы русского языка. Это слова *человек*, *черепаха*, *Жоржик*. Сравнение печатного издания рассказа с сохранившимся машинописным черновым вариантом² показывает, что слова-маркеры вводятся автором в текст с самого начала, но использование произносительного дефекта нестабильно. Так, из 21 случая использования в речи Димитраки слова *черепаха* только два имеют форму *церепаха* (*церепахъ*); из 6 случаев слова *человек* два – *целовек* (*целовѣкъ*). В печатном издании произносительный дефект закреплен относительно стабильно: *церепахъ* – 19 / *черепахъ* – 2; *целовѣкъ* – 6; *Зорзикъ* – 11.

¹ Рассказ впервые опубликован в иллюстрированном журнале для детей «Родник» в 1910 г. (№ 3, с. 299–354) [1, с. 62]. Последнее прижизненное издание: На морском берегу. Из воспоминаний моего приятеля. Рассказ. – Москва – Белград, 1930. 8°, 72 с. [1, с. 10]. Анализ текста рассказа проводился по данному изданию, выложенному на портале Philolog.ru: <http://shmelev.petrso.ru/site/art-work-view?id=39>.

² ОР РГБ. Ф. 387 (Шмелев). Карт. 4. Ед. хр. 13, 14. Машинопись прочитана А. А. Скоропадской и О. А. Сосновской. Далее ссылки на автограф приводятся в тексте статьи с указанием единицы хранения и листа в круглых скобках.

Кроме того, печатный текст содержит дополнительные слова, отражающие систематический признак греческого акцента: *показы* ‘покажи’, *нищего*, *цто*, *горяцо*, *мальчикъ*. В машинописном варианте эти слова всегда даются в верной форме. Например:

<p>– Залка... – просто сказалъ онъ. – Залка мальчикъ... Тутъ у него... хорошо... горячо... – показалъ онъ на грудь. – Да, да... Залка... И ты поѣхалъ? (ед. хр. 14, л. 43)</p>	<p>– Залка мальчикъ... Тутъ у него – корошо... горячо... – показалъ онъ на сердце. – Да, залка... И ти поѣхалъ?</p>
--	---

Более разнообразно в окончательном варианте представлена и дополнительная палатализация, отражающая прежде всего отсутствие в греческом языке звука *ы*: *мертви*, *рибакъ*, *доплилъ*, *слишалъ* и пр. Например: *Кузьма рибакъ*, *море не боялся*. *Пошли на парусъ*. *Шторма шумѣлъ*, *восемь шторма шумѣлъ*, *доплилъ*. *Никола довелъ*.

Таким образом, стилизаторская стратегия Шмелева по воссозданию греческого акцента сводится к использованию ограниченного числа слов, отражающих определенную произносительную особенность. При этом в речи нерусского героя присутствуют слова, в которых произносительная норма сохраняется: *жалей*, *греческий*, *живой*, *тысяча*, *лежит*, *нужна*, *скажи*, *жена* и т.д. Кроме того, Шмелев оставляет за рамками стилизации такую фонологическую особенность греческого языка, как отсутствие шипящих (*ш*, *щ*), полностью сохраняя их в русской речи Димитраки. Никак не используется и такая яркая составляющая акцента, как несоблюдение норм ударения, нормы которого существенно разнятся в русском и греческом языках [8]. Можно согласиться с М. Н. Куликовой, утверждающей, что «...фактически “подлинного произношения” никогда не передается и не может быть передано стандартными графическими средствами. Для этих целей используется транскрипция. Фактически графическими средствами в художественном произведении передаются лишь отдельные, как правило, наиболее узнаваемые признаки фонетических особенностей речи персонажей. Попытка передать графическими средствами фактическое произношение привела бы к нагромождению фонографических средств и затруднению восприятия текста» [9, с. 126].

Рассмотренные нами примеры использования фонографических средств передачи контаминированной речи говорящих по-русски нерусских героев демонстрируют, с одной стороны, некоторую общую стилизаторскую манеру писателя, с другой – авторские поиски индивидуальных особенностей речевого портрета каждого героя. И если акцент Гассана условно можно назвать турецким, то произносительные особенности речи Димитраки более характерны именно для греческого акцента. Выявленная несистемность использования фонетических дефектов свидетельствует о стремлении Шмелева при помощи отдельных речеповеденческих маркеров обозначить наиболее яркие черты речевого портрета, но при этом не погружаться в обилие деталей, чтобы акцент не принял гиперболизированную форму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховской, Д. М. Иван Сергеевич Шмелев: Библиография / Д. М. Шаховской. – Париж: Institut d'études slaves, 1980. – 129 с.
2. Скоропадская, А. А. Фонографические средства стилизации турецкого акцента в рассказе И. С. Шмелева «Гассан и его Джеджи» / А. А. Скоропадская // Вестн. Костром. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 152–155.
3. Гузев, В. Г. К вопросу о фонологическом статусе согласных 'К', 'G', 'L' в турецком языке / В. Г. Гузев // Востоковедение: Филологические исследования. – 1997. – Вып. 19. – С. 13–17.
4. Калюта, А. «Дети плакали в бассейн»: О специфике преподавания русского языка в турецкой аудитории / А. Калюта // Современные направления исследования и преподавания славянских языков: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск: Издат. центр БГУ, 2012. – С. 68–81.
5. Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.
6. Голованова, Я. В. Средства изображения иностранного акцента в оригинале и переводе (на материале английского и русского языков) / Я. В. Голованова // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. – 2010. – Сер. – 9, вып. 1. – С. 135–140.
7. Афанасиади, М. Основные проблемы в преподавании русского языка грекам / М. Афанасиади // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – 2006. – Т. 19 (58). – № 1. – С. – 7–12.
8. Давтян-Иокамити, А. Особенности преподавания русского языка грекоязычной аудитории / А. Давтян-Иокамити // Альманах Пространство и Время [Электронный ресурс]. – 2015. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prepodavaniya-russkogo-yazyka-grekoyazychnoy-auditorii>. – Дата доступа: 19.12.2019.
9. Куликова, М. Н. О соотношении понятий «графические стилистические средства», «фонографические средства» и «фонографическая стилизация» / М. Н. Куликова // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. – 2010. – Сер. 9, вып. 2. – С. 125–128.

A textual analysis of the last lifetime editions of the stories of I. S. Shmelev *Hassan and his Jeddi* and *On the Seashore* and their surviving drafts is carried out. The writer's general manner in the creation of speech portraits of foreigners was found, and at the same time – individual features of an accent of the Turk Hassan and the Greek Dimitraki.

Поступила в редакцию 24.02.2020

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. Н. Руденко, А. А. Кожина

Рецензия

на книгу Эвы Масловской «Иной мир в польском фольклоре.
Когнитивно-лингвистическая перспектива»

Masłowska, E. *Mediating the Otherworld in Polish Folklore. A Cognitive Linguistic Perspective* / E. Masłowska. Berlin: Peter Lang. – 2020.

Исследование доктора филологических наук, профессора Института славистики Польской академии наук Э. Масловской фокусируется на народных стереотипах, касающихся взаимосвязи физического и метафизического миров в польском языке и культуре. Отправной точкой служат отношения между тремя понятиями: *lud* (народ), *kultura ludowa* (народная культура) и *religijność ludowa* (народная религиозность / народные религиозные обряды).

Цель рецензируемого исследования – представить народную интерпретацию космического видения вселенной как формы сосуществования между физическим миром и сферами, которые определены как сверхъестественные – недоступные для сенсорного познания или контроля человека. Концептуализация таинственных сил, влияющих на судьбу человека, раскрывает религиозные и мифологические паттерны мышления, а также культурные коды поведения по отношению к таким силам. Звенья этой цепи семантических соответствий основаны на разных моделях: оппозиция (день – ночь, жизнь – смерть, небо – земля, вода – суша), корреляция (например, ночь превращается в день, смерть – начало вечной жизни) или аналогия (годовой ритм природы – цикл человеческой жизни). По утверждению автора, вера в существование метафизических сил добра и зла, чьи действия могут быть полезными или, наоборот, вредными для людей, отражена в таких часто используемых фразах, как (польск.) *wola Boska* 'Божья воля', *świat Boży* 'Божий мир' и многих других.

Английское издание оригинальной польской монографии адресовано антропологам, этнологам, фольклористам, лингвистам и специалистам по культурологии. Однако англоговорящий читатель должен понимать: несмотря на то, что переводчик пытается найти наиболее близкие английские эквиваленты для воспроизведения содержания польского оригинала, остаются неизбежные различия, возникающие из-за того, каким образом каждая культура и язык концептуализируют мир.

Книга представляет собой интерес для широкого круга специалистов в области лингвистики и культурологии. Материалом исследования является польская народная культура, представленная на объемном славянском и – шире – индоевропейском фоне. Богатейший фактический материал – сказки,

песни, легенды, пословицы и др. – интересен сам по себе. Исследование проведено в русле когнитивной этнолингвистики – чрезвычайно актуальной сегодня области гуманитарного знания – и фундаментально представляет научную литературу данной области и ее основные проблемы.

Книга состоит из трех частей. Часть 1 «Концептуализация взаимодействия между физическим и метафизическим мирами: базисные предпосылки» представляет теоретическую платформу исследования и включает две главы: «Общие характеристики когнитивных процессов» и «Стереотип как проекция и интерпретация мира». В понятии стереотипа и общих теоретических предпосылках Эва Масловская всецело разделяет позиции Польской этнолингвистической школы и ее ведущих представителей: Анны Вежбицкой, Ежи Бартминьского, Станиславы Небжеговской-Бартминьской и др. В частности, сама автор ссылается на Словарь народных стереотипов и символов (*Słownik stereotypów i symboli ludowych*; ed. J. Bartmiński. – Vol. 1 Kosmos, part 1–4. – Lublin, 1999–2020) как на свой основной источник фактического материала.

Часть 2. «Представление отношений между физическим и метафизическим миром: четыре природных элемента» естественным образом включает части «Вода», «Земля», «Воздух», «Огонь». Часть 3 «Представление отношений между физическим и метафизическим миром: Солнце и Месяц» содержит соответствующие главы.

Четыре природных элемента, доступных чувственному восприятию, символизируют первичную материю, которая породила космос и жизнь. В древних культурах природные силы представляли высшие божества; символические изображения первоэлементов как инструментов священной власти, управляющей миром, уходят корнями в культуру и могут быть найдены в разных частях земного шара. Жизнеспособность этих символов, принятых различными религиозными системами, можно рассматривать как пример воспроизведения клише, лежащего в основе широко распространенного стереотипа. В книге каждая из практических глав сопровождается заключением «Символика воды», «Символика земли» и т.д., где итоговая интерпретация проводится в когнитивных терминах имидж-схем. Например: «Как *materia prima*, которая служит источником всех форм жизни, вода является основой экзистенциальных представлений о месте человека в космосе, о способе существования в земной и потусторонней реальности, об отношениях со священным, о начале и конце жизни. ... Опыт постулирует образ воды как движущей силы жизни. Концепция творческой энергии воды опирается на схему FORCE в сочетании с другими схемами: схема PART – WHOLE служит для представления возможности распада и появления новых форм после выхода из воды, в то время как схема CONTROL структурирует образы действия, направленные на достижение цели» (с. 133, перевод наш – Е. Р.).

Земля в народной культуре в первую очередь связана с креационным мифом; также земля – символ фертильности и плодородия (мать-земля). В польской культурной традиции образ земли представлен как краюха хлеба или космическое яйцо.

Воздух (преимущественно ветер), движение воздуха, символизирующее божественные творческие силы, связано с такими понятиями, как *дыхание*, изменение, вдохновение, плодородие, обильные урожаи, жизнь, а также *дух*, *духовность*, внутренняя (*духовная*) жизнь и *душа*. Душа обеспечивает путь для дальнейших связей с миром духов – демонов, призраков, ведьм, чар, проклятий, покаянных душ и, кроме того, с вечной жизнью.

Огонь в большей степени, чем любой другой природный элемент, имеет много «профилей» (термин Польской этнолингвистической школы), т.е. стереотипных трактовок. Это символ божественной силы, это, возможно, свет, а может быть, высшая кара.

Солнце – с учетом особой богатой символики восходов и закатов – символ божества, в частности девы Марии, символ истины, счастья и процветания, символ совершенства. Как и земля, солнце символизируется через хлеб и яйцо.

И, наконец, Месяц (Луна). Согласно традиционной картине мира, Бог создал свет на небе, чтобы осветить землю как днем, так и ночью. Сотворение Солнца и Луны привело к разделению дня и ночи, основанному на оппозиции «свет – тьма». Сконструированное в терминах схемы CONTROL отсутствие света (и сопутствующая неспособность видеть) связано с ощущением опасности. Яркость Луны, которая рассеивает тьму подобно Солнцу, была концептуализирована как знак Божьей благодати. Таким образом, оба света стали рассматриваться как иерофанты Бога, что очевидно из обычной практики отождествления солнца с глазом Бога – кашубы, например, трактуют Луну как *bożi vid* 'Божий фонарь'.

Заключение – итоговая интерпретация – сделано автором также в терминах имидж-схем, однако вводит ряд дополнительных тем, которые намечают дальнейшие обширные перспективы исследования. Вводится тема ритуальной коммуникации и соотношения метафизического мира и первоэлементов с оппозицией «свой – чужой».

Книга Эвы Масловской «Иной мир в польском фольклоре. Когнитивно-лингвистическая перспектива» представляет многоплановое чтение. Она, несомненно, обогатит читателя и обширностью теоретической платформы, и обилием взвешенных и ценных размышлений автора, и интереснейшим фактическим материалом.

Поступила в редакцию 07.04.2020

ПАМЯТИ...

Н. Ю. Паўлоўская

СУСВЕТЫ ПЯТРА ВАСЮЧЭНКІ

Ісцінную цану разумееш, калі страчваеш. І асэнсаванне каштоўнасці страчанага заўсёды дастаецца вельмі дарагой цаной.

Пад кіраўніцтвам Пятра Васільевіча мне пашчасціла працаваць на кафедры беларускай мовы і літаратуры Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Гэта быў высакародны, інтэлігентны, тактоўны, спагадлівы і адначасова патрабавальны загадчык, які за многія гады працы ні на каго не павысіў голас, нікога не абразіў. Да кожнага ён меў уласны падыход, што давала выкладчыкам магчымасць фарміравацца ў высакаякасных спецыялістаў. У чалавеку ён бачыў лепшыя рысы і развіваў іх, не звяртаючы ўвагі на дробязі. Гэта быў лепшы загадчык, якога я бачыла за доўгія гады працы ў МДЛУ.

Бездакорнае адчуванне беларускага слова і віртуознае валоданне ім дазволіла Пятру Васільевічу ўвасобіць свае выпакутаваныя, адточаныя філасофскія, літаратурныя, эстэтычныя думкі ў таленавітых мастацкіх творах, навуковых даследаваннях, у бліскучых афарыстычных разважаннях¹. Уся літаратурная і навуковая спадчына П. В. Васючэнкі прысвечана адказу на пытанне, хто ёсць беларус, яго менталітэт, месца і роля сярод іншых, яго філасофія, характар, гэта значыць, у чым сэнс уласнага жыцця і дзейнасці чалавека.

Духоўна-псіхалагічнае ядро асобы беларуса, беларускага этнасу, яго стратэгічная культурная і сацыяльная праграма змяшчае, з пункту погляду П. В. Васючэнкі, як станоўчыя, так і адмоўныя рысы. З аднаго боку, беларускі характар падобны на расліну, «чуйную да святла і цяпла, пакорлівую і пластычную да часу», але «здольную прабіваць і бетон, і асфальт». Беларусь – «самотная нявеста», але «рана або позна мёртвае адмірае, Беларусь скідвае зношанае цела, спальвае яго на ахвярні, як птушка Фенікс. Беларускі Фенікс паўстане ў абноўленым, маладым, святочным целе. Дай Божа, каб гэтае цела апранула здаровы, неўміручы Беларускі Дух». Як піша аўтар, беларускі характар нясе ў сабе супраціў: «расліна ёсць сімвал ціхмянага беларускага супраціву», «маўчанне як супраціў беларускіх паэтаў

¹ Прыводзяцца цытаты з кніг П. Васючэнкі «Адлюстраванні першатвора: літаратура ў філалагемах і пятрогліфах», «Жылі-былі паны Кубліцкі ды Заблоцкі: казачныя аповесці», «Дзівоснае лета паноў Кубліцкага ды Заблоцкага», «Піраміда Ліннея».

і пісьменнікаў». Дзякуючы гэтай стойкасці і ўпартасці асіміляцыя беларусаў іншымі этнасамі немагчыма «ні за 18 гадоў, ні за 18 тысяч гадоў», таму што тып мыслення беларуса, яго аснова – «філасофія намеру і волі».

З другога боку, знаходзячыся стагоддзямі пад гнётам прыніжэння, беларусы спазналі і агрэсію, «прагу разбурэння», «крывавай помсты», «зраду», і «цярплінасць (падабаецца, не падабаецца – цярпі) як прадукт разувасаблення». Беларусы хаваюцца «ў цень ад саміх сябе». Адна з адмоўных рыс беларускага характару – «тутэйшасць як сіндром нацыянальнага імунадэфіцыту»: «іншыя нацыі крадуць чужых класікаў, а беларусы імкнуцца задарма аддаць сваё чужым»; «беларусы ўпарта сцвярджаюць сваю адсутнасць». Колькі болю, прыкрасці, горычы чуецца ў гэтых словах! «Але ў брудзе і ашклёпках жыцця, у гэтай непагадзі варта бачыць святло Першатварэння, як мы не сумняваемся ў прысутнасці сонца, засланага касмакаватымі хмарами», – занатоўвае лепшы прадстаўнік духоўнай эліты зямлі беларускай П. Васючэнка. Таму заняпад беларушчыны і безнадзейнасць беларускага зноў адкладваюцца.

Талент, далікатнасць, дасціпнасць, іронія, неабходныя для кожнага, хто працуе са словам, – ўласцівасці Пятра Васільевіча як празаіка, драматурга, паэта, аўтара мастацкіх твораў для дзяцей і дарослых. Усе яго аповесці, казкі, пятрогліфы, філалагемы прасякнуты вытанчанай аўрай беларускай душы, культуры, што дазваляе чытачу ўбачыць разнастайныя, шматзначныя рысы і адценні беларускага характару. Нездарма мастацкая творы П. Васючэнкі ў якасці ўзорных тэкстаў вывучаюцца не толькі літаратуразнаўцамі, але і лінгвістамі. Так, шэраг маіх артыкулаў прысвечаны ўвасабленню лінгвістычнай катэгорыі мадальнасці (адносіны зместу выказвання да рэчаіснасці з пункту погляду моўцы) у казках пра паноў Кубліцкага і Заблоцкага, адрасаваных дзецям малодшага ўзросту: *Ото ж былі паны! Колькі яны пазараблялі гузоў на свае галовы – усё праз фанабэрыю, прагавітасць, недарэчныя дзівацтвы! І шкода часам іх, ды смех разбірае: ну ж і шалапуты!* Але гэтыя тэксты, як эталон сучаснай нацыянальнай аўтарскай казкі, дзе знаходзім сапраўдны беларускі гумар, сатыру, іронію, гратэск, сарказм, цудоўныя гіпербалы, шмат глыбінных сэнсаў, выклікаюць у першую чаргу інтарэс дарослых, паколькі тут зноў ставяцца пытанні, звязаныя з жыццём, духоўным светам, культурай, паводзінамі беларусаў. Разнастайныя сэнсавыя пласты ствараюць найбагацейшую мадальную паліфанію, якая эксплікуе адносіны герояў да рэчаіснасці, а галоўнае, аўтара да сваіх персанажаў, да жыцця, сфарміравання на аснове ўласнага духоўнага вопыту, культурна-гістарычных здабыткаў беларускага народа. Паны, з аднаго боку, жыццялюбівыя, дапытлівыя, мэтанакіраваныя, рашучыя, рамантычныя, эмацыянальныя, з другога – эгаістычныя, не прывучаныя да працы, лянiвiыя, ганарыстыя, расхлябаныя, інфантальныя і інш., аднак за іх скамарошнымі, фантазмагарычнымі паводзінамі праглядаецца глыбокі інтэрмадальны план, што эксплікуе станоўчыя

і адмоўныя кагнітыўныя стэрэатыпы беларусаў. У казках пра паноў, якія праелі, прапілі, прагулялі сваю гаспадарку, а пасля сеялі рэпу, наседжвалі яйка з-пад Куры-Шчабятуры, гулялі ў газардныя гульні..., змагаліся з Цмокам паганым, хадзілі на вайну з каралём Гарбузом, стралялі са стрэльбы на прусаках ды мелі іншыя прыемныя забаўлянкі, ёсць, акрамя іх і шматлікіх іншых герояў, яшчэ адзін тыпаж у некалькіх іпастасях – гэта апавядальнік, рэальны чалавек і адначасова ўдзельнік казачных падзей – сам пісьменнік П. Васючэнка, які разважае, ацэньвае, любіць сваіх персанажаў, нарэшце маніфестуе свой светапогляд. Аўтарская думка будзеца з дапамогай шматлікіх мадальных адзінак з семантыкай меркавання. Гэта дзеясловы *думаць, меркаваць, памятаць*, мадальныя словы *можжа, вядома, магчыма*, канструкцыі з інверсіяй: *былі часы, як казаў паэт, так казаў фальклор, а праўда тое ці не, мы не ведаем, казала людская пагалоска, народная пагалоска кажжа, але ці так гэта?* Меркаванне датычыцца сферы разумовых працэсаў і адначасова ўключаеца ў акт моўнай камунікацыі, забяспечваючы ўзаемасувязь моўнай і пазамоўнай рэчаіснасці, аўтара і чытача. Выкарыстанне мадальных адзінак ў казачным дыскурсе пашырае семантыку меркавання значэннямі ‘асцярожнасць’, ‘разважлівасць’, ‘ненавязванне суразмоўцу сваіх думак’, ‘павага да чужога пункту погляду’ і адначасова ‘дыстанцыйнасць’ ад яго. Пералічаныя мадальныя адзінкі фарміруюць недасказанасць, сумненне, няўпэўненасць у сапраўднасці падзей, што яшчэ больш зацікаўлівае і накіроўвае чытача працягнуць знаёмства з творами і яго героямі. На аснове аўтарскага ідыястылю будзеца новы магчымы свет, дзе моўныя паводзіны апавядальніка эксплікуюць адну з базавых рыс беларускага нацыянальнага характару – памяркоўнасць як талерантнасць, разважлівасць, бесканфліктнасць, асцярожнасць. Рэалізацыя мадальнасці меркавання дэманструе пераадоленне межаў хранатопу казачнага свету і абумоўлівае канцэптуалізацыю (стварэнне новых канцэптаў) суб’ектыўных ацэнак, якая фарміруе этнакультурны тып аўтара.

Для Пятра Васільевіча кожны чалавек і нават любая жывая істота прадстаўлялі найвялікшую каштоўнасць. На яго думку, у «сумоўі чалавека і братоў ягоных меншых павінен дзейнічаць маральны імператыў: не растапчы». Хто з беларускіх пісьменнікаў з такім інтарэсам і клопамі, дасціпна і іранічна сказаў пра мух, мышэй, жабак, вужакаў, чарапах, соў і нават вошаў, блох, мікробаў і іншых кузурак і чарвячкоў, паставіўшы іх у адзін рад з *homo sapiens*? І гэта зусім не абраза, а асэнсаванне значнасці ўсяго жывога на Зямлі: *Дзеля чаго існуе муха? Яна пяха, хіхатуха. Яна лятае над лугамі, А ходзіць да гары нагамі. Адно вось толькі мае гора, Калі наеца мухамораў. Праз некалькі старонак цудоўнай кніжачкі вершаў «Піраміда Ліннея» сустракаем: Навошта створаны студэнты? Каб іх тыранілі дацэнты, Каб іх скубалі дактары, Каб засыхалі да пары.*

Павага да асобы чалавека, любой істоты, адухоўленасць думкі аўтара абуджае жаданне чытача разважаць, аналізаваць, удасканальваць, а часам змяняць свае погляды і галоўнае – раўняцца на бліскуча адукаванага літаратуразнаўцу, празаіка, навукоўца, журналіста, выкладчыка П. В. Васючэнку.

У зямным жыцці Пятра Васючэнкі было ўсё – каханая жонка, любімыя цудоўныя дачка і ўнукі, цікавая разнастайная праца загадчыка кафедры ў МДЛУ, выкладчыка ў Інстытуце журналістыкі БДУ, навукоўца ў Акадэміі навук, аўтара і вядучага тэле- і радыёперадач. Гэта яго сусветы – усе станы быцця ў розных іпастасях. «Я ўсё паспеў», – заўважыў ён аднойчы ў асабістай размове. Пятро Васільевіч не меў толькі аднаго – дастатковай колькасці часу зрабіць усё задуманае. Шкада часу, забранага ў генія на нязначныя дробязі і шматлікія справаздачы, які ён мог прысвяціць творчасці, патрэбнай блізкім, калегам, беларускаму народу. Пятро Васільевіч, даруйце нам няўвагу, недарэчныя словы, учынкi. Дзякуй за Ваша жыццё.

Поступила в редакцию 07.04.2020

НАШИ АВТОРЫ

Баханович Ангелина Сергеевна – аспирант кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ, преподаватель кафедры теории и практики английского языка. Тел. 294-71-14.

Бранавец Павел Сяргеевіч – аспірант і выкладчык кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства БДУ. E-mail: branavets@bsu.by.

Воробей Анна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики германских языков, проректор по воспитательной работе Барановичского государственного университета. Тел. (+37529) 524-55-07. E-mail: annavorobei1982@yandex.by.

Егоров Николай Викторович – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 173-89-06.

Кашкан Татьяна Александровна – старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов ФСК БГУ. Тел. (+37533) 600-80-84.

Кожина Алла Андреевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. 222-33-66.

Крючкова Анна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 659-32-57.

Лукина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилёвского института МВД Республики Беларусь. Тел. (+37529) 818-39-24.

Лю Пэн – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Паўлоўская Наталля Юр'еўна – доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры беларускай мовы і літаратуры МДЛУ. Тэл. 294-71-14.

Скоропадская Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета. Тел. +7-921-227-22-47.

Сысоева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел.: (+37529) 642-54-96.

Степанова Ольга Ивановна – аспирант кафедры русского языка БГУ. Тел. (+37529) 265-29-36.

Руденко Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания. Тел. 209-57-74.

Цупа Анна Ивановна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. (+37544) 576-11-72.

Чернецкий Александр Русланович – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Чударь Александра Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Чэнь Тин – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Чжан Аньци – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. (+37525) 943-38-73.

Шеверина Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Тел. (+37529) 323-09-49, (0212) 63-42-40.

Шевцова Алеся Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романо-германской филологии Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова. Тел. (+37533) 691-94-29.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 2 (105), 2020

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.04.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,60. Уч.-изд. л. 9,37. Тираж 100 экз. Заказ 16.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172